BX 601
.S93

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

YUDIN
OLLECTION
BX601
.S94

РАСКОЛЪ

КАКЪ ОРУДІЕ

ВРАЖДЕБНЫХЪ РОССІИ ПАРТІЙ.

Н. Субботина.

МОСКВА.
—
1867.

4063
5872

РАСКОЛЪ

128

КАКЪ ОРУДІЕ

ВРАЖДЕБНЫХЪ РОССІИ ПАРТІЙ.

Subbotin, Nikolaĭ Ivanovich
" Raskol kak orudie vrazhdebnykh Rossii partiĭ.

РАСКОЛЪ

КАКЪ ОРУДІЕ

ВРАЖДЕБНЫХЪ РОССІИ ПАРТІЙ.

Н. Субботина.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1867.

BX601
.S93

Дозволено цензурой. Москва, 1-го ноября 1866 г.

„Хощу открыть вамъ ужасное ожиданіе о всемірной конституціи, что̀ значитъ ножъ, медомъ помазанъ, и уготовляется рано или поздно на закланіе всего міра.... Вамъ довольно въ предосторожность: только слова того, если услышите „конституція“ бойтесь, аки нѣкоего кровожаднаго губителя, являющагося къ вамъ подъ видомъ благотворителя.“

(Изъ письма инока Павла въ Москву, отъ 23-го іюня 1848 года.)

„Къ симъ же завѣщеваю вамъ, возлюбленніи: всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе, и отъ всѣхъ враг̀ъ его и измѣнниковъ удаляйтесь и бѣгайте, якоже отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ и оттуда своими писаніями возмущающихъ европейскія державы.... Бѣгайте убо онѣхъ трехлятыхъ, имъ же образомъ бѣжитъ человѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ и зміевъ пресмыкающихся; то бо суть предотечи антихристовы, тщащіися безначаліемъ предуготовати путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаяніемъ сихъ псовъ адскихъ, представляющихся акибы сострадущими о человѣчествѣ, но вѣруйте, яко Богъ есть творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть начальство во общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнутъ сильнѣйшимъ, немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе всюду зло есть и сліянію виновно....“

(Изъ архипастырскаго посланія къ русскимъ старообрядцамъ, составленнаго Иларіономъ Георгіевичемъ и изданнаго Кириллом̀ъ 24-го февраля 1863 года.)

I.

Между существующими у насъ разными воззрѣніями на расколъ, есть и два слѣдующія, совершенно противоположныя: одни видятъ въ расколѣ явленіе чисто религіозное, вызванное къ существованію и доселѣ существующее интересами исключительно религіозными; другіе, напротивъ, придаютъ ему исключительно политическій характеръ, считаютъ расколъ порожденіемъ крайняго недовольства, вызваннаго злоупотребленіями правительства въ отношеніи къ народу, видятъ въ немъ и въ настоящее время не иное что̀,

какъ оппозицію народа существующимъ въ Россіи порядкамъ гражданскаго и общественнаго устройства, оппозицію, только прикрытую характеромъ религіозности, такъ что эта религіозность не имѣетъ почти никакого значенія въ отношеніи къ существу и внутреннему смыслу раскола.

Если перваго изъ этихъ мнѣній нельзя признать совершенно правильнымъ, то въ послѣднемъ правды еще меньше. Если невозможно отрицать, что строгія мѣры противъ раскольниковъ вызывали въ средѣ ихъ громкій ропотъ на правительство и доводили ихъ даже до открытыхъ возстаній противъ законной власти, то съ другой стороны не трудно и въ этихъ даже явленіяхъ примѣтить основы чисто религіозныя: ропотъ и самыя возстанія были вызываемы не гражданскими стѣсненіями, въ перенесеніи которыхъ старообрядцы могутъ показать не меньше терпѣливости, какъ и весь русскій народъ, а именно стѣсненіями ихъ религіозной свободы; искреннie старообрядцы, когда и возставали противъ правительства, возставали во имя религіи, на защиту своей „старой вѣры“. Въ предержащей власти, согласно ученію Священнаго Писанія и завѣту предковъ, чтятъ они власть поставленную Богомъ, и подчиняться ей во всемъ, чѣмъ только, по ихъ мнѣнію, не повреждается вѣра и благочестіе, они считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ. Это съ увѣренностью можно сказать по крайней мѣрѣ о той значительнѣйшей половинѣ старообрядства, которая пріемлетъ священство и которой мы по преимуществу усвояемъ это названіе (старообрядство).

И однакожъ мнѣнія, что расколъ (говоря словами одного ученаго изслѣдователя) имѣетъ характеръ соціально-политико-демократическій, охотно держатся еще многіе, и именно тѣ, которымъ желательно, чтобы расколъ отличался такимъ характеромъ. Чего желаемъ, тому вѣрится легко. Притомъ же, исторія представляетъ довольно событій, которыя очень удобно объяснить въ пользу такого мнѣнія. Соловецкая осада, стрѣлецкій мятежъ, бунты Разина и Пугачева, въ которыхъ раскольники принимали болѣе или менѣе близкое участіе, все это, повидимому, не доказываетъ ли дѣйствительнаго присутствія въ расколѣ революціонныхъ, антиправительственныхъ началъ? Какія собственно побужденія вызвали первоначально, напримѣръ, соловецкій

мятежъ, или какая доля участія принадлежала расколу въ бунтахъ Разина и Пугачева? На подобные вопросы не обращаютъ вниманія люди, желающіе видѣть въ расколѣ явленіе, вызванное исключительно враждой противъ правительства. Минуя эти вопросы, они выводятъ изъ указанныхъ событій общее заключеніе, что и всѣ дѣйствія раскольниковъ, хотя бы очевидно религіозныя, имѣютъ тотъ же антиправительственный характеръ, только прикрытый религіозностью. И такимъ образомъ людьми, повсюду ищущими антиправительственныхъ, революціонныхъ элементовъ, принимается за несомнѣнное, что расколъ есть явленіе соціально-демократическое, что онъ крайне враждебно относится къ правительству и всегда, по первому призыву, готовъ возстать противъ установленной власти.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи на расколъ, антирусская революціонная партія признала его родною себѣ силой, которою можетъ воспользоваться въ нужномъ случаѣ, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что сила эта распространена по всѣмъ концамъ Русскаго государства. Нужно было поэтому заблаговременно войдти въ сношеніе съ раскольниками, побрататься съ ними, выразить имъ свое родственное сочувствіе и просить такого же съ ихъ стороны, чтобы приняться общими силами за общее дѣло.... Въ этомъ отношеніи, какъ и слѣдовало ожидать, вниманіе антирусской революціонной партіи остановилось прежде всего на заграничныхъ раскольникахъ, особенно на поселившихся въ австрійскихъ и турецкихъ предѣлахъ. Вожди этой партіи предполагали, и конечно справедливо, что здѣсь скопилось гораздо больше элементовъ враждебныхъ русскому правительству нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ, обитаемыхъ раскольниками. Здѣсь жили потомки тѣхъ старообрядцевъ, которые во времена гоненій за вѣру рѣшились бѣжать изъ Россіи. Оставляя родину, эти люди, конечно, вынесли изъ нея чувства, крайне враждебныя въ отношеніи къ той власти, которая принудила ихъ рѣшиться на такое тяжкое лишеніе. Потомки ихъ, по традиціи, наслѣдовали отъ нихъ эту вражду, а новые выходцы изъ Россіи оживляли и поддерживали въ нихъ враждебныя къ Россіи чувства своими, нерѣдко преувеличенными разказами о собственныхъ личныхъ огорченіяхъ отъ русскаго правительства. Живя подъ законами иной вер-

ховной власти, они не считали себя обязанными подчиняться и наставленіямъ Слова Божія о повиновеніи предержащимъ властямъ въ своихъ чувствахъ и отношеніяхъ къ русскому правительству: эти наставленія они признавали обязательными для себя по отношенію не къ русскому уже, а къ австрійскому и турецкому правительствамъ, не стѣсняясь тѣмъ, что эти правительства латинское и магометанское. Другимъ важнымъ побужденіемъ для антирусской партіи войдти прежде всего въ сношенія съ заграничными раскольниками, чтобы возбудить ихъ къ совокупному дѣйствованію противъ Россіи, служило самое удобство этихъ сношеній: они обезопасены отъ надзора и вмѣшательства русской власти, они могутъ происходить даже подъ покровомъ иностранныхъ правительствъ, если не враждебныхъ къ Россіи, то во всякомъ случаѣ не расположенныхъ много заботиться объ интересахъ сосѣдственной державы. А въ случаѣ успѣха сношеній съ заграничными раскольниками, самыя связи и полная солидарность ихъ съ русскими старообрядцами ручались, повидимому, за успѣхъ революціоннаго дѣла и у этихъ послѣднихъ. Овладѣвъ же такою силой, какъ расколъ, столь широко разросшійся на русской почвѣ, и соединивъ ее съ собственною, будто бы не менѣе могучею силой, какихъ успѣховъ, какого торжества нельзя будетъ достигнуть!

Такъ разсуждала, или, правильнѣе, такъ могла мечтать антирусская революціонная партія, основываясь на своихъ исключительныхъ понятіяхъ о русскомъ расколѣ. Такія мечтанія и замыслы возникли въ средѣ этой партіи довольно рано. Такими, конечно, соображеніями руководился въ свое время и Адамъ Чарторыйскій, когда самъ ли, по указанію ли кого другаго, обратилъ вниманіе на поселившихся заграницей русскихъ старообрядцевъ, какъ на удобное орудіе для осуществленія своихъ враждебныхъ Россіи плановъ. Послѣ революціи 1830 года онъ, какъ извѣстно, выбралъ одного изъ наиболѣе талантливыхъ молодыхъ людей между своими адептами и отправилъ его агентомъ въ Добруджу, населенную Некрасовцами, потомками той отчаянной шайки казаковъ, которая вмѣстѣ съ атаманомъ Некрасовымъ убѣжала изъ Россіи во время Булавинскаго бунта. Молодой человѣкъ, отправленный служить польскому дѣлу среди этого воинственнаго люда, былъ Михаилъ Чайковскій. Онъ посту-

пилъ на службу султана, принялъ исламизмъ и усердно занялся осуществленіемъ плановъ своей миссіи, въ чемъ не менѣе усердно помогали ему его соотечественники, также переселившіеся въ Турцію для основанія и утвержденія здѣсь польской пропаганды. Въ основѣ этихъ плановъ лежала мысль о возстановленіи, при посредствѣ турецкаго султана, независимости всѣхъ славянскихъ національностей подъ знаменемъ свободной Польши. Эти фантастическіе планы Чайковскаго такъ и остались пустыми фантазіями. Не осуществился и входившій въ эти планы разчетъ, при помощи добруджинскихъ казаковъ-раскольниковъ, поднять противъ Россіи единовѣрныхъ имъ казаковъ линейныхъ, донскихъ и уральскихъ. Но все-таки Чайковскій успѣлъ войдти въ близкія сношенія съ заграничными раскольниками, стараясь оказывать имъ всякаго рода доброжелательство. Разнаго рода услуги, которыя въ качествѣ турецкаго паши имѣлъ онъ возможность оказать имъ, сдѣлали эти сношенія еще крѣпче и тѣснѣе. Н. И. Надеждинъ, ѣздившій заграницу для ознакомленія съ живущими тамъ русскими старообрядцами, въ своей превосходной запискѣ *О заграничныхъ раскольникахъ*, разказываетъ о Чайковскомъ, котораго встрѣтилъ въ Тульчѣ подъ именемъ Ахмедъ-Бея, что онъ находился въ довольно интимныхъ отношеніяхъ съ добруджинскими раскольниками и разчитывалъ на ихъ помощь въ осуществленіи своихъ панславистическихъ фантазій. „Онъ обратилъ мое вниманіе“, писалъ Надеждинъ, „на турецкихъ казаковъ-раскольниковъ, выхваляя ихъ воинственный духъ и патріархальную суровость нравовъ, которые, по его мнѣнію, заключаютъ въ себѣ твердый залогъ счастливой будущности для возстановленія самобытности всѣхъ вообще казаковъ, возможнаго впрочемъ не иначе, какъ въ союзѣ съ Польшей.“ Отъ наблюдательнаго путешественника не скрылось, что въ казакахъ-Некрасовцахъ была уже посѣяна тогда какая-то безпокойная, тревожная мысль, которой Чайковскій служилъ проводникомъ и истолкователемъ. „Въ особенности, пишетъ онъ, поразило меня то, что каждый казакъ, являясь къ Ахмедъ-Бею, прежде всего показывалъ ему половину какой-то медали съ особенною таинственностью и торжественностью; послѣ этого начинались между ними отрывистые разговоры, въ которыхъ слышались имена Дуная и Дона, Сѣчи и Мос-

квы, князя Адама и благополучно царствующаго императора“ (Николая I). Въ Константинополѣ Надеждинъ успѣлъ узнать, что таинственное лицо, называвшееся Ахмедъ-Беемъ, былъ именно Чайковскій, и что онъ, вмѣстѣ съ другимъ агентомъ Чарторыйскаго, Викентіемъ Равскимъ, хлопоталъ „о возбужденіи казаковъ къ общему дружному возстанію за казачество и за старую вѣру, *когда придетъ время*“. *

Вскорѣ по отъѣздѣ Надеждина, Чайковскому удалось помочь раскольникамъ въ такомъ дѣлѣ, которое не имѣло, повидимому, прямой связи съ его планами, но тѣмъ не менѣе могло быть для этихъ плановъ весьма полезно. Въ то самое время какъ Надеждинъ посѣтилъ Бѣлокриницкій монастырь въ Буковинѣ, тамъ происходили сильныя хлопоты объ учрежденіи новой раскольничьей іерархіи: отъ австрійскаго правительства было получено уже формальное дозволеніе имѣть старообрядцамъ своего собственнаго епископа, и бѣлокриницкіе депутаты, Павелъ и Алимпій, теперь именно озабочены были пріисканіемъ православнаго архіерея, который согласился бы на извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться раскольничьимъ верховнымъ святителемъ. Виды ихъ обращены были главнымъ образомъ на патріархатъ константинопольскій, въ которомъ, какъ хорошо было извѣстно имъ, находилось много безмѣстныхъ и проживавшихъ на покоѣ архіереевъ. Сманить въ расколъ кого-нибудь изъ нихъ, пользуясь ихъ крайне стѣсненными обстоятельствами и совершеннымъ невѣдѣніемъ относительно русскаго раскола, вотъ на что именно разчитывали искусные раскольничьи агенты. Отправляясь съ этою цѣлію въ Константинополь, они заѣхали въ сентябрѣ 1845 года къ задунайскимъ своимъ единовѣрцамъ, чтобы посовѣтоваться какъ удобнѣе устроить дѣло. Между Некрасовцами и въ то время уже пользовался извѣстностью, проживавшій тогда въ Сарыкойѣ, казакъ Осипъ Семеновичъ Гончаровъ, человѣкъ дѣйствительно умный, надѣленный рѣдкою памятью, отважный и предпріимчивый, притомъ же хорошо владѣющій турецкимъ языкомъ, что большая рѣдкость между Некрасовцами. ** Онъ часто ѣзжалъ въ Константино-

---

* См. *Записку о заграничныхъ раскольникахъ* Надеждина въ I т. *Сборника*, изданнаго Кельсіевымъ.

** Хотя многіе изъ нихъ и объясняются по-турецки, но съ трудомъ и очень неправильно.

поль и, въ качествѣ передоваго человѣка между Некрасовцами, состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Чайковскому и другимъ проживавшимъ въ Турціи членамъ польской пропаганды. Кромѣ Чайковскаго, который жилъ большею частію въ Константинополѣ, хотя нерѣдко посѣщалъ некрасовскія поселенія, и кромѣ Равскаго, Гончаровъ былъ хорошо знакомъ съ жившимъ въ Константинополѣ французскимъ банкиромъ Аліономъ, находившимся въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ польскими пропагандистами, и агентомъ пропаганды, старымъ завзятымъ Полякомъ—Жуковскимъ. Этотъ послѣдній, бывшій сначала русскимъ офицеромъ, потомъ состоявшій на французской службѣ и наконецъ поступившій на службу султану, жилъ постоянно въ Тульчѣ и былъ главнымъ агентомъ Чайковскаго въ его сношеніяхъ съ задунайскими раскольниками. Гончаровъ находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и служилъ въ свою очередь посредникомъ между нимъ и своими единовѣрцами, а также единственнымъ для этихъ послѣднихъ вѣстовщикомъ всѣхъ новостей и слуховъ о происходящемъ въ Европѣ, какими почиталъ нужнымъ снабжать его Жуковскій, получавшій иностранный газеты отъ Чайковскаго. За преданность и усердную службу Гончаровъ получилъ даже отъ польской пропаганды особый знакъ отличія. *Какъ лицо съ

* Аркадій, архіепископъ славскій, взятый Русскими во время послѣдней войны съ Турками, котораго, въ отличіе отъ нынѣшняго Славскаго епископа Аркадія (втораго), мы станемъ называть *первымъ*, на допросѣ, сдѣланномъ ему въ Кіевѣ, говорилъ между прочимъ: „Гончаровъ имѣлъ большія съ разными лицами знакомства.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ Константинополѣ онъ познакомился съ Чайковскимъ. Жуковскаго я видѣлъ въ Тульчѣ, — плотный, съ сѣдыми волосами и усами.“ Онъ же въ другомъ дополнительномъ показаніи: „О. С. Гончаровъ часто бываетъ въ Константинополѣ, сносится съ французскимъ банкиромъ Аліономъ и съ турецкими начальствами... Главнымъ вѣстовщикомъ всѣхъ новостей для Некрасовцевъ былъ и есть Гончаровъ и еще Полякъ Жуковскій, бывшій прежде въ русской и французской службѣ. Послѣдній въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Садыкъ-пашой (Чайковскій) и Аліономъ и отъ перваго получаетъ иностранныя газеты.“ Въ октябрѣ 1854 года, новороссійскій генералъ-губернаторъ писалъ между прочимъ, что „Некрасовцы были постоянно покровительствуемы жившимъ въ Тульчѣ агентомъ польской въ Константинополѣ пропаганды, Жуковскимъ,“ что „Чайковскій нерѣдко посѣщалъ некрасовскія се-

такими значительными связями, Гончаровъ пользовался вліяніемъ между Некрасовцами и принималъ близкое участіе въ церковныхъ дѣлахъ заграничнаго старообрядства. Когда бѣлокриницкіе депутаты, затѣявшіе основать независимую раскольничью іерархію, на пути въ Константинополь прибыли къ Некрасовцамъ и объявили имъ о своемъ намѣреніи, Гончаровъ принялъ это извѣстіе съ большимъ сочувствіемъ и вызвался, при помощи своихъ связей, оказать имъ содѣйствіе. Онъ снабдилъ ихъ рекомендательными письмами къ константинопольскимъ друзьямъ, и особенно рекомендовалъ ихъ Чайковскому. Гончаровъ просилъ Чайковскаго помочь своимъ совѣтомъ и вліяніемъ устроенію дѣла, отъ котораго надлежало ожидать важныхъ послѣдствій для всего старообрядства.

Трудно допустить, чтобъ и австрійское правительство, предоставляя раскольникамъ право учредить въ Буковинѣ свою независимую іерархію, дѣйствовало безъ всякаго намѣренія причинить какой-нибудь вредъ дружественной Россійской имперіи; намѣреніе это можно легко усмотрѣть въ той необыкновенной внимательности, съ какою высшія правительственныя лица въ имперіи принимали двухъ раскольничьихъ монаховъ, и въ томъ рѣдкомъ усердіи, съ какимъ хлопотали они въ пользу сколько страннаго, столько же смѣлаго предпріятія этихъ монаховъ *. Чайковскій въ свою очередь также

ленія“ и „что Гончаровъ въ 1846 году получилъ отъ польской пропаганды за усердную службу знакъ отличія.“ За сообщеніе этихъ и другихъ извѣстій мы обязаны благодарностію П. И. Мельникову, имѣвшему возможность пользоваться правительственными архивами.

* Въ Вѣнѣ самое живое участіе къ своему дѣлу Павелъ и Алимпій встрѣтили именно со стороны эрцгерцога Лудвига и тогдашняго министра-президента графа Коловрата. Павелъ тогда же писалъ изъ Вѣны въ Бѣлую Криницу: „и лично были у герцога, царскаго роднаго дяди, который за несовершеннымъ здоровьемъ царя правитъ всѣми царскими дѣлами, и сверхъ нашего прошенія онъ внимательно о всемъ нашемъ дѣлѣ на словахъ разспрашивалъ насъ, и по всему кажется, что не позволитъ кому-либо насъ обидѣть.“ О министрѣ въ томъ же письмѣ говорилось: „Сія, столь важная особа, кажется, больше возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію нашей просьбы и наконецъ съ пылкостью сказалъ: „завтра же „буду видѣть его высочество, эрцъ-герцога Лудвига, и буду о валѣ говорить, а когда возвратится ваше дѣло изъ губерніи,

весьма легко могъ сообразить, сколько новыхъ выгодъ получитъ анти-русское дѣло, если заграничнымъ раскольникамъ удастся утвердить у себя средоточіе раскольничьей духовной власти, къ которому будетъ тяготѣть весь старообрядскій міръ, какъ удобно будетъ чрезъ посредство этой власти дѣйствовать на русскихъ старообрядцевъ, и какая вообще сдѣлана будетъ непріятность русскому правительству учрежденіемъ старообрядской архіерейской каѳедры за границей. Все это, очень естественно, расположило его дѣйствовать со всѣмъ усердіемъ въ пользу задуманнаго бѣлокриницкими монахами предпріятія. Онъ принялъ на себя главныя хлопоты объ отысканіи архіерея; самимъ же депутатамъ, ради устраненія всякихъ подозрѣній со стороны Грековъ и особенно греческаго духовенства, а также и самого турецкаго правительства, посовѣтовалъ вести себя какъ можно осторожнѣе и показываться на улицахъ и гдѣ бы то ни было какъ можно меньше. Такая предосторожность была тѣмъ нужнѣе, что Павелъ и Алимпій имѣли обычай всюду являться въ своемъ иночествѣ, и страннымъ одѣяніемъ раскольничьяго инока легко обращали на себя вниманіе: извѣстно, что въ Вѣнѣ, гдѣ они также расхаживали въ своихъ круглыхъ камилавочкахъ съ вѣнчикомъ и въ своихъ манатейкахъ, за ними чуть не бѣгали толпы уличныхъ мальчишекъ *. На этотъ разъ они могли, впрочемъ, легко избавиться отъ опасности быть замѣченными въ Константинополѣ. Частію для очищенія своей совѣсти, а еще болѣе ради успокоенія всего старообрядства, они считали нужнымъ обойдти восточныя страны—

„и я буду оное видѣть“ (въ львовскомъ губернскомъ управленіи дѣлу ихъ противопоставлены были важныя препятствія, вслѣдствіе чего они и рѣшились перенести его въ столицу и подать „рекурсъ“ самому императору). Тѣмъ окончилъ аудіенцію.“ Письмо отъ 14-го іюля 1843 года.

* Вотъ что писалъ объ этомъ самъ Павелъ: „Народъ здѣсь (въ Вѣнѣ) вообще вѣжливый, но только въ разсужденіи нашего страннаго для нихъ образа столь удивляются, что даже если по какому-либо случаю гдѣ идя, на минутку остановился, вопросить кого о чемъ, или въ лавкѣ что-либо купить, то со всѣхъ сторонъ толпами соберется народъ и обступя дивятся, аки на какое чудище, потому что такого вида человѣка, какъ мы, никто здѣсь и сроду не видалъ“ (Письмо изъ Вѣны въ Бѣлую Криницу отъ 14-го іюля 1843 г.)

Египетъ, Сирію, Палестину, чтобы поискать тамъ епископовъ *древляго благочестія* (о существованіи которыхъ ходили между старообрядцами странные слухи) или же такого изъ православныхъ епископовъ, который бы согласился на воспріятіе этого, такъ-называемаго „древляго благочестія“. Въ путешествіе на Востокъ они и отправились теперь, оставивъ все дѣло о пріисканіи въ Константинополѣ нужной имъ священной особы на попеченіе пана Чайковскаго съ братіей. Когда они возвратились изъ Палестины, и конечно безъ всякаго успѣха, какъ предполагали и сами, въ Константинополѣ дѣло ихъ было уже подвинуто къ концу: Чайковскій нашелъ весьма опытнаго и искуснаго агента — извѣстнаго Константина Огняновича, а Огняновичъ въ свою очередь отыскалъ Амвросія и успѣлъ объяснить ему сущность дѣла съ самой выгодной для него стороны. Павлу и Алимпію оставалось только договориться съ Амвросіемъ относительно подробностей перехода въ расколъ и особенно относительно денежныхъ условій, которыя, какъ извѣстно, къ обоюдному удовольствію и были заключены 16-го апрѣля 1846 года. Но участіе Чайковскаго и его соотечественниковъ не ограничилось однимъ пріисканіемъ нужной для раскольниковъ духовной особы.

Такъ какъ путешествіе въ Палестину значительно истощило денежный запасъ, взятый депутатами изъ Бѣлой-Криницы, а между тѣмъ, на расходы въ Константинополѣ и на обратный переѣздъ вмѣстѣ съ новоприобрѣтеннымъ митрополитомъ въ Буковину, денегъ требовалось не мало, то Чайковскій помогъ имъ и въ этомъ отношеніи: онъ снабдилъ Павла значительною суммой, которая въ послѣдствіи съ благодарностью была выслана ему изъ Бѣлой-Криницы; когда нужно было поискуснѣе вывезти Амвросія изъ Константинополя, то и это довольно опасное дѣло устроили тѣ же польскіе друзья старообрядцевъ. Они выправили для Амвросія паспортъ на имя майносскаго казака-Некрасовца; они отыскали удобный на берегу Босфора домъ, гдѣ Амвросій переодѣлся въ казацкое платье, такъ что въ одни ворота вошелъ греческимъ митрополитомъ, а въ другіе вышелъ „некрасовскимъ майносскимъ казакомъ“; они же наконецъ, подъ своею охраной и прикрытіемъ, проводили его до самаго парохода и съ рукъ на руки передали Павлу, который давно уже нетерпѣливо ожидалъ ихъ на этомъ, готовомъ къ

отплытію, пароходѣ, перебравшись на него заблаговременно и приготовивъ мѣсто для Амвросія *. Такъ много и такъ усердно содѣйствовалъ Чайковскій съ братіей пріобрѣтенію архіерея для раскольниковъ, а слѣдовательно и учрежденію новой раскольничьей іерархіи.

II.

Итакъ пресловутая бѣлокриницкая іерархія основана при сильномъ и дѣятельномъ пособіи проживавшихъ въ Константинополѣ польскихъ выходцевъ. Понимая всю неблаговидность дѣла съ этой стороны, Павелъ, чтобъ избѣжать соблазна, старался сохранить въ тайнѣ отъ старообрядцевъ, особенно московскихъ, все что̀ касалось участія Поляковъ въ пріисканіи Амвросія **; но участіе это не подлежитъ

* Алимпій уѣхалъ изъ Константинополя раньше. Отъѣздъ же Амвросія вотъ какъ описывалъ самъ Павелъ въ письмѣ къ бѣлокриницкому настоятелю Геронтію: „Первый его (Амвросія) состоялъ подвигъ, какъ отторгнуться отъ того края, у котораго онъ привязанъ былъ крѣпкимъ узломъ: ибо на пароходъ показаться нужно согласно паспорту некрасовскимъ майносскимъ казакомъ, а по городу, по знакомству лицъ, никакъ невозможно пройдти въ такомъ странномъ видѣ. Но Богъ промыслилъ посредствомъ *благодѣтелей нашихъ*. Назначено было одно великое зданіе, заведеніе близъ пристани, чтобы въ однѣ ворота войдти митрополитомъ, а въ другіе выйдти казакомъ и прямо на пароходъ, что̀ и учинено было съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Переѣхавъ на пароходъ между безчисленнаго множества лодокъ и народовъ, въ странной одеждѣ, закрытъ весь, едва только видны одни глаза и притомъ отъ сильнаго зноя подъ зонтикомъ *провожавшихъ пріятелей*, а я былъ уже на пароходѣ и уготовалъ мѣсто, и онъ аки плѣнный и трясущійся введенъ былъ въ камору 2 номера, и аки безчувственъ положенъ въ ложе за занавѣсочку мало отдохнуть и собраться съ духомъ.“ (Письмо отъ 8-го іюля 1846 г.).

** Достойно замѣчанія, что Павелъ (а равно и епископъ Аркадій Славскій, какъ увидимъ въ послѣдствіи) въ своихъ письмахъ избѣгалъ прямыхъ указаній на лица польскаго происхожденія, когда приходилось говорить объ ихъ одолженіяхъ расколу, а называлъ ихъ вообще *благодѣтелями*, *пріятелями* и т. п. Когда же случалось нѣкоторымъ изъ этихъ благодѣтелей пріѣзжать въ Бѣлую-Криницу, то Павелъ, принимая ихъ со всѣмъ почетомъ, никому однакожъ изъ братіи, за исключеніемъ самыхъ близкихъ, какъ на-

сомнѣнію, и старообрядцы за первопрестольника и родоначальника ихъ нынѣшней іерархіи обязаны, между прочимъ, воздать должную благодарность полонизму и прикрытому турецкою чалмой католицизму.... Самъ же представитель католической Польши на мнимо-турецкой службѣ, панъ Чайковскій, такъ усердно помогая учрежденію раскольничьей іерархіи за границей, руководился какъ мы сказали, своими

примѣръ Онуфрія, не говорилъ, что̀ за лица эти дорогіе гости. Еще любопытнѣе въ настоящемъ случаѣ слѣдующее обстоятельство: Бѣлокриницкій инокъ Корнилій, подъ руководствомъ и надзоромъ самого Павла, подробно изложилъ для Русскихъ и въ особенности московскихъ старообрядцевъ исторію учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, со внесеніемъ всѣхъ относящихся къ ней матеріаловъ. Цѣлая обширная глава въ этой исторіи посвящена была описанію того, какое участіе принимали въ дѣлѣ митрополита Амвросія польскіе выходцы. Когда Павелъ просматривалъ исторію, то собственноручно вырвалъ изъ нея всю главу о сношеніяхъ съ Поляками, замѣтивъ, что московскимъ вѣдать того не подобаетъ. Кстати скажемъ, какая судьба постигла исторію Корнилія. Въ 1854 году онъ отправился съ нею въ Россію. Переходя австро-молдавскую границу, въ Немеричени, онъ былъ задержанъ молдавскими таможенными чиновниками, которые по причинѣ военнаго времени оказывали особенную бдительность. При осмотрѣ бумагъ Корнилія вниманіе ихъ обратила на себя тетрадка, содержавшая толкованіе 11 и 12 главы третьей книги Эздры (о видѣніи орла). Толкованіе это составлено было Конономъ, въ послѣдствіи епископомъ новозыбковскимъ, примѣнительно къ судьбамъ православной церкви и Русскаго государства. Такъ какъ въ немъ упоминалось не одинъ разъ имя императора Николая I, то чиновники приняли его за сочиненіе политическаго содержанія, посему и задержали Корнилія, какъ подозрительнаго человѣка. Присутствіе русскихъ войскъ въ Молдавіи придавало этому обстоятельству въ глазахъ Корнилія чрезвычайную важность: онъ страшно перепугался. Но одинъ изъ таможенныхъ же чиновниковъ, знакомый съ задунайскими и австрійскими старообрядцами, выпустилъ Корнилія, который и поспѣшилъ укрыться въ Мануиловскомъ скиту. Сюда ему были доставлены брошенныя имъ въ таможнѣ, по причинамъ поспѣшнаго бѣгства, его бумаги, въ томъ числѣ и исторія. Напуганный всѣмъ случившимся, Корнилій немедленно бросилъ ихъ въ печь и сжегъ. Такимъ образомъ погибъ весьма любопытный матеріалъ для исторіи бѣлокриницкой митрополіи; но та глава о сношеніяхъ съ Поляками, которую Павелъ вырвалъ изъ рукописи и оставилъ у себя, этой печальной участи избѣгла.

враждебными Россіи видами. Не всѣ, конечно, разчеты его оправдались; отъ новоучреждаемой іерархіи онъ ждалъ, безъ сомнѣнія, и для раскола и для своего собственнаго дѣла въ раскольничьей средѣ, гораздо больше выгодъ нежели сколько могла она дать и дала въ дѣйствительности. Но зла Россіи она причинила все-таки не мало; зло это между прочимъ заключалось именно въ томъ, что вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ самымъ учрежденіемъ бѣлокриницкой іерархіи, расколъ въ отношеніи къ правительству сталъ въ положеніе болѣе враждебное нежели прежде, чѣмъ и желали воспользоваться, а иногда и дѣйствительно пользовались въ своихъ видахъ политическіе дѣятели, подобные Чайковскому.

При первыхъ же извѣстіяхъ объ учрежденіи раскольничьей іерархіи за границей, усматривая зло, которое могло произойдти для церковнаго и гражданскаго благосостоянія Россіи въ томъ случаѣ, если будетъ упрочено вліяніе этой іерархіи на русскихъ старообрядцевъ, наше правительство озаботилось принять нужныя мѣры къ предупрежденію зла. Дознано было, что въ Москвѣ находится самъ настоятель Бѣлокриницкаго монастыря, архимандритъ Геронтій, пріѣхавшій для сбора пожертвованій въ пользу новоучрежденной іерархіи и для упроченія связей ея съ русскими и особенно московскими старообрядцами; что эти послѣдніе въ знакъ своего общенія съ новымъ митрополитомъ отправили уже двухъ депутатовъ въ Бѣлую-Криницу за полученіемъ новоосвященнаго мура и для присутствія при самомъ мувареніи. * За дѣйствіями Геронтія въ Москвѣ учрежденъ былъ бдительный надзоръ, и въ послѣднихъ числахъ мая 1847 года, когда онъ былъ уже на возвратномъ пути въ Буковину, на первой станціи въ Тульской губерніи, взяли его съ находившимися при немъ пожертвованіями для бѣлокриницкой митрополіи. ** Начались строгія изслѣдованія о лицахъ,

*. Ѣздили Ѳ. В. Жигаревъ и В. В. Борисовъ. Составленное послѣднимъ описаніе его поѣздки напечатано въ *Русск. Вѣстн.* № 3, 1864 г.

** Вотъ письмо, которымъ изъ Москвы извѣщали инока Павла о взятіи Геронтія: „Спѣшу васъ увѣдомить, что послано вамъ отъ подрядчика (иносказательное раскольничье названіе архимандрита) Геронтія денегъ 3.309 полуимперіаловъ, взятые имъ изъ совѣта, а нащетъ подрядчика—онъ выѣхалъ изъ Москвы съ товарищемъ сво-

прикосновенныхъ къ его дѣлу. Усиленъ надзоръ за сношеніями русскихъ раскольниковъ съ заграничными и вообще за дѣйствіями старообрядцевъ по всѣмъ мѣстамъ имперіи. Въ то же время правительство потребовало у Австріи объясненій по дѣлу объ учрежденіи въ ея предѣлахъ, съ соизволенія самого императора, архіерейской каѳедры для русскихъ старообрядцевъ; въ твердыхъ и сильныхъ выраженіяхъ поставлено было на видъ австрійскому правительству, какъ несовмѣстны его дѣйствія по сему, столь близко касающемуся Россіи предмету съ дружественными отношеніями обѣихъ имперій и какъ легко эти добрыя отношенія могутъ быть нарушены подобнымъ образомъ дѣйствій съ его стороны. Австрійское правительство озаботилось пріисканіемъ средствъ къ удовлетворенію Россіи по поводу этихъ вполнѣ справедливыхъ ея предъявленій. Амвросій былъ вызванъ въ Вѣну; начались изслѣдованія о причинахъ и обстоятельствахъ его перехода въ расколъ, о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ учредителей новой раскольничьей іерархіи. Бѣлокриницкіе иноки первоначально не обнаружили слишкомъ большаго опасенія по случаю всѣхъ этихъ изслѣдованій; они надѣялись на покровительство и благосклонность своихъ прежнихъ благодѣтелей въ Вѣнѣ. Эти послѣдніе дѣйствительно оказывали имъ вниманіе и, конечно, были бы готовы кончить дѣло въ ихъ пользу; но требованія русскаго правитель-

---

имъ (монахомъ Діонисіемъ) благополучно 28-го мая и при себѣ повезъ разныя церковныя вещи, имъ купленныя, и около Тулы воротила ихъ тайная полиція и слухи носятся, что ихъ отправили въ Петербургъ, а что̀ съ ними послѣдуетъ, намъ неизвѣстно, и просимъ васъ взять мѣры по своему правительству, чрезъ кого знаете, а намъ никому стараться здѣсь невозможно. Совѣтуйтесь съ кѣмъ знаете, какъ къ лучшему объ ихъ несчастіи, и молите Бога о страждущихъ невинныхъ, а противъ царя и правительства, и церковной религіи ничего онъ и мы не сдѣлали, а такъ угодно Богу за наши грѣхи наказывать насъ. Надо имѣть терпѣніе и надѣяться на Всевышняго. Сердце царево въ рукѣ Божіей; гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость“ (письмо отъ 20-го іюня 1847 г. Изъ матеріаловъ П. И. Мельникова). Въ Бѣлой-Криницѣ извѣстіе о взятіи Геронтія было принято съ крайнимъ огорченіемъ: „Какъ мы о немъ соболѣзнуемъ! писалъ Павелъ,—да проститъ Богъ обиду сію виновнымъ и да возмѣритъ имъ праведною мѣрою, но простыѣю и человѣколюбіемъ!“ (Письмо отъ 23-го іюня 1848 г.)

ства были высказаны такъ твердо и настойчиво, что австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ видахъ сохраненія дружественныхъ отношеній къ Россіи, находилъ невозможнымъ оставить ихъ безъ надлежащаго удовлетворенія. По настоянію князя Меттерниха опредѣлено было навсегда удалить Амвросія изъ Бѣлой-Криницы, а монастырь Бѣлокриницкій запечатать. *

---

* Алимпій, сопровождавшій Амвросія въ Вѣну, писалъ отсюда въ Бѣлую-Криницу: „За обстоятельства наши скажу вамъ, что мы въ прошедшій понедѣльникъ, 26-го января, лично были у министра графа Инцаги, и собственноручно г. митрополитъ на требованные имъ запросы подалъ отвѣтствованіе, каковое принявши, министръ намъ объявилъ, что дѣло есть дипломатическое, потому онъ представитъ министру иностранныхъ дѣлъ Меттерниху, и что онъ посему учинитъ, тогда намъ будетъ возвѣщено. Обойдясь съ нами весьма пріятно и проводя насъ за двери, раскланявшись разошлись. А теперь на субботу, 31-го января, мы сами готовимся къ министру иностранныхъ дѣлъ, Меттерниху, имѣть личную аудіенцію, и что далѣе Богъ устроитъ, современемъ васъ увѣдомимъ“. Кромѣ графа Инцаги, Амвросій имѣлъ аудіенцію и у прежняго покровителя раскольниковъ—эрцгерцога Лудвига, какъ видно изъ прошенія, поданнаго Алимпіемъ 26-го марта 1848 г. графу Коловрату: er (Ambrosius) sich auch genöthigt sah bei Seiner Hoheit dem Erzherzog Ludwig eine Audienz zu ersuchen, was auch geschah. Аудіенція у эрцгерцога не принесла однакоже Амвросію никакой пользы; а Меттернихъ даже не принялъ его. Объ этомъ Павелъ писалъ въ Москву къ В. В. Борисову: „Изъ полученныхъ (отъ Алимпія) писемъ извѣстились, хотя они желали быть лично на аудіенціи у министра иностранныхъ дѣлъ, но не удостоились, а посредствомъ освѣдомились, что дѣло отъ него представлено самому императору Фердинанду и скоро ли и чѣмъ кончится, Богу извѣстно. Только какъ по видимымъ запросамъ и по силѣ отвѣтовъ, поданныхъ лично митрополитомъ министру внутреннихъ дѣлъ, опаснаго не предвидимъ.“ (Пис. отъ 24-го февраля 1848 г.) Но слѣдовавшее за симъ письмо Павла къ тому же В. В. Борисову содержало уже извѣстіе, что надежды на благопріятный исходъ Амвросіева дѣла не оправдались. Павелъ именно писалъ: „По секрету сынъ митрополитовъ Георгій Андреевичъ получилъ (изъ Вѣны) паче всякаго чаянія зѣло печальное извѣстіе, въ которомъ пишутъ самоудивительными словами: „Императоръ пре„кратилъ всѣ свои къ намъ бывшія и настоящія милости, — или за „рѣшительный отзывъ митрополита противъ цареградскаго патріар„ха и русскаго царя, или за другое подобное рѣшительно повелѣлъ: „болѣе не принимать отъ митрополита никакого слова о возвраще-

Но всѣ изложенныя мѣры противъ новоучрежденной раскольничьей іерархіи были приняты уже слишкомъ поздно и потому не достигали своей цѣли. Съ удаленіемъ Амвросія изъ Бѣлой-Криницы существованіе этой іерархіи прекратиться не могло, ибо Амвросій успѣлъ уже поставить себѣ преемника и одного архіерея для задунайскихъ раскольниковъ (Аркадія); пресѣчь же сношенія русскихъ старообрядцевъ съ ихъ духовнымъ владыкой за границей также нельзя было посредствомъ полицейскаго надзора. А между тѣмъ всѣ эти строгія мѣры сильно раздражали старообрядцевъ противъ русскаго правительства, не только за границей, но и въ Россіи, что̀ было, во всякомъ случаѣ, не противно видамъ людей, желавшихъ дѣйствовать чрезъ раскольниковъ во вредъ Россіи. И если русскіе старообрядцы таили про себя неудовольствіе, вызванное усиленіемъ надзора за дѣйствіями раскольниковъ и карательными мѣрами, которымъ подверглись нѣкоторые изъ нихъ, то заграничные, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывали его очень громко и всѣми способами старались ослабить опасныя для нихъ дѣйствія и вліянія русскаго правительства. Обстоятельства тому благопріятствовали.

Мы сказали, что дѣло объ Амвросіи, вопреки надеждамъ бѣлокриницкаго братства, рѣшено было австрійскими министрами не въ пользу раскольниковъ. Но это рѣшеніе еще не было приведено въ исполненіе, еще не было назначено мѣсто ссылки Амвросія, и онъ жилъ очень спокойно въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ инокомъ Алимпіемъ Милорадовымъ, когда здѣсь получены были печальныя извѣстія о февральскихъ происшествіяхъ въ Парижѣ и вслѣдъ затѣмъ возникли волненія и безпорядки въ самой столицѣ Австрійской имперіи,

---

„ніи опять къ старообрядцамъ въ Бѣлую-Криницу, но и въ Вѣнѣ „не можетъ онъ пробыть какъ только развѣ 8 дней.“ (Письмо отъ 8-го мая.) А въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ старовѣрскаго бѣлокриницкаго монастыря* рукой инока Павла подъ $^{3}/_{15}$ марта замѣчено: „Коммиссія сего числа, окончивъ протоколы, запечатала монастырь и, открывъ, дала запечатанный конвертъ, въ которомъ по распечатаніи изъ крайзамтскаго декрета явствуетъ: 1) монастырь закрыть провизіально, сирѣчь на время; иноковъ, кои иностранцы, и бѣльцовъ выслать вонъ и отправить въ ихъ мѣста, здѣшнихъ же перевести въ свои селенія и общества; 2) верховному ихъ святителю Амвросію не позволяется въ Буковину къ Липованамъ возвратиться.“

принудившія императора Фердинанда издать манифестъ о конституціи. Бѣлокриницкіе иноки видѣли нѣчто знаменательное въ этомъ совпаденіи событій, * и вообще находили для себя много благопріятнаго въ начавшихся общественныхъ переворотахъ, которыми и поспѣшили воспользоваться для поправленія своего дѣла. Особенно оживило ихъ надежды обнародованіе конституціи, которую Алимпій привѣтствовалъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что во главѣ новаго конституціоннаго правительства поставленъ былъ министръ, особенно много содѣйствовавшій учрежденію бѣлокриницкой митрополіи (графъ Коловратъ).** Онъ надѣялся достигнуть совершенной перемѣны въ рѣшеніи по дѣлу Амвросія, представивъ его на новое разсмотрѣніе конституціоннаго правительства и заявивъ съ тѣмъ вмѣстѣ права буковинскихъ старообрядцевъ на привилегіи, дарованныя конституціей всѣмъ австрійскимъ подданнымъ. Въ Бѣлой-Криницѣ раздѣляли его надежды,*** и, конечно, по соглашенію съ Павломъ, спустя только десять дней по изданіи манифеста о конституціи, Алимпій, въ качествѣ „депутата Бѣлокриницкаго монастыря и всѣхъ обществъ старообрядческихъ въ Буковинѣ“, подалъ дѣйствительно графу Коловрату прошеніе о дарованіи Амвросію права свободно жить и отправлять свои обязанности въ Бѣлой-Криницѣ.**** Въ этомъ прошеніи министру-президенту онъ прежде всего искусно объяснилъ,

---

* Павелъ въ письмѣ къ одному московскому пріятелю писалъ: „Въ главномъ правительствѣ въ тѣ самыя первыя числа марта, то есть 1, 2 и 3, когда закрывали монастырь и розыски чинили, учинился внутри самой столицы Вѣны весьма важный и ужасный переворотъ, о которомъ не умѣю вкратцѣ выразить.“ (Письмо отъ 16-го марта.) Взглядъ свой на это совпаденіе событій Павелъ выразилъ гораздо яснѣе въ другомъ письмѣ, отъ 23-го іюня, которое приведено будетъ ниже.

** У насъ имѣется писанный собственною рукой Алимпія русскій переводъ императорскаго манифеста о конституціи и благодарственнаго адреса императору отъ „магистрата и гражданъ города Вѣны“. Алимпій прислалъ этотъ списокъ, какъ драгоцѣнность, въ Бѣлую-Криницу.

*** Отъ 16-го марта Павелъ писалъ въ Москву: „За г-на митрополита не знаемъ, развѣ по случаю новыхъ переворотовъ облегчится....“

**** Манифестъ, какъ извѣстно, изданъ былъ 15-го марта, а прошеніе подано 26-го.

что разъ имѣлъ уже высокое счастіе вкусить сладкіе плоды отеческихъ милостей его превосходительства; затѣмъ изложивъ кратко обстоятельства Амвросіева дѣла, онъ живыми чертами изобразилъ, какое волненіе будто бы произведено было въ старообрядскихъ обществахъ извѣстіемъ о неожиданномъ для нихъ рѣшеніи этого дѣла. Примѣнясь, очевидно, къ современнымъ обстоятельствамъ, разчитывая сильнѣе подѣйствовать на правительство, смущенное недавними безпорядками и волненіями въ народѣ, онъ писалъ, что это рѣшеніе возбудило величайшія замѣшательства и смятенія (stürzte in die grösste Verlegenheit und verursachte in den Gemüthern Aller die schrecklichste Verwirrung) не только между монастырскими жителями, но и во всѣхъ старообрядческихъ обществахъ въ Буковинѣ, что эти послѣднія единогласно выразили намѣреніе немедленно отправить въ Вѣну значительное число депутатовъ (schonend mehrere Deputirten) для личныхъ объясненій съ императоромъ по поводу такого прискорбнаго опредѣленія (dieses unglüchlichen Ausspruches); что только благоразумнѣйшіе изъ монастырскихъ иноковъ (die vernünftigeren Kloster-Mönche), по сыновней любви къ всемилостивѣйшему монарху и въ твердой надеждѣ на него (aus kindlicher Liebe und fester Freue gegen den allergnädigsten Monarchen), своими увѣщаніями и предостереженіями успѣли отклонить общества отъ этого намѣренія, и что теперь ему, Алимпію, поручено отъ монастыря и обществъ старовѣрческихъ ходатайствовать предъ правительствомъ по сему дѣлу. Сущность своей просьбы онъ излагалъ потомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ мнѣ честное собраніе монастырское въ обязанность оное дѣло возложило и повелѣло всѣ нужные способы употребить къ возвращенію преосвященнаго митрополита Амвросія, почему и повергаюсь къ ногамъ вашего превосходительства, прося милостивѣйшаго и скорѣйшаго позволенія къ возвращенію преосвященнаго митрополита Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь (для успокоенія народа, zur Beruhigung des Volkes *). Понеже въ сихъ благословенныхъ дняхъ всѣмъ подъ высокославнымъ австрійскимъ скипетромъ соединеннымъ краямъ и народамъ, чрезъ принятіе своихъ желаній (durch die Erhörung ihrer Wünsche) величайшія благодѣянія показаны:

* Эти слова въ переводномъ текстѣ прошенія пропущены.

и старовѣрческія общества также не меньше вѣрны къ высокославному императорскому дому и для таковаго благодѣянія и онѣ также достойными себя чувствуютъ. Благоизвольте убо, ваше превосходительство, сіе наше нижайшее прошеніе всемилостиво выслушать, дабы мы, вмѣстѣ съ нашимъ верховнымъ пастыремъ, * о многолѣтномъ здравіи вашего превосходительства Всемогущаго непрестанно молить могли.“ ** Тогда же Алимпій хлопоталъ и о разрѣшеніи открыть запечатанный Бѣлокриницкій монастырь.

Прошенія, поданныя „депутатомъ всѣхъ старовѣрческихъ обществъ въ Буковинѣ“, приняты были благосклонно; Амвросій и Алимпій питали надежду на полный успѣхъ своего дѣла. Но потому ли что правительство слишкомъ занято было другими, несравненно болѣе важными дѣлами, которыхъ было у него такъ много въ это тревожное для Австріи время,

---

* Здѣсь пропущены, оставленныя безъ перевода, слѣдующія достойныя замѣчанія слова: welchen uns vielleicht die Ungerechtigkeit der Zeit unschuldig entriess.

** Переводъ поданнаго Алимпіемъ прошенія, которымъ мы здѣсь воспользовались, найденъ нами въ одномъ очень любопытномъ сборникѣ, писанномъ собственноручно Антоніемъ, очевидно въ то время когда онъ жилъ еще въ Бѣлой-Криницѣ и могъ пользоваться монастырскими бумагами. Но у насъ имѣется и нѣмецкій текстъ прошенія, собственноручно писанный Дворачкомъ, постояннымъ вѣнскимъ адвокатомъ Бѣлокриницкаго монастыря, который безъ сомнѣнія составлялъ и это прошеніе, какъ и всѣ другія бумаги, поступавшія отъ бѣлокриницкихъ монаховъ къ австрійскому правительству. Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя мѣста и выраженія нѣмецкаго подлинника пропущены въ переводномъ текстѣ, и именно пропущено все то мѣсто, гдѣ говорится о страшномъ, будто бы, смятеніи всѣхъ старовѣрческихъ обществъ въ Буковинѣ по случаю опредѣленія объ удаленіи Амвросія изъ Бѣлой-Криницы. Въ прошеніи, поданномъ новому конституціонному правительству Австріи, сказаніе объ этихъ волненіяхъ, какъ мы замѣтили выше, имѣло свое значеніе; но старообрядцамъ не надлежало вѣдать о томъ, что бѣлокриницкіе депутаты въ своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ имѣли обыкновеніе прибѣгать ко лжи, почему все мѣсто о небывалыхъ народныхъ смятеніяхъ и депутаціяхъ благоразумно исключено изъ русскаго перевода поданной Алимпіемъ просьбы. Въ приложеніяхъ подъ № 1 и 2 мы напечатали вполнѣ оба текста этой очень любопытной просьбы, и нѣмецкій и русскій, чтобы читатели могли сличить тотъ и другой.

или по инымъ какимъ причинамъ, только въ продолженіе полутора мѣсяца никакого рѣшенія по просьбѣ Алимпія сдѣлано не было; а $^{13}/_{25}$ мая было сообщено ему, что монастырь Бѣлокриницкій, согласно опредѣленію прежняго правительства, остается до времени запечатаннымъ. Амвросій и Алимпій, конечно, были весьма недовольны такимъ сообщеніемъ, равно какъ медлительностью, съ какою вообще вели ихъ дѣло. Случилось, что въ это самое время готовилось въ Прагѣ открытіе общеславянскаго революціоннаго сейма: изданною 1-го мая прокламаціей всѣ „братья-Славяне“ приглашались съѣхаться туда для совѣщаній къ 31-му числу того же мѣсяца. Амвросію пришло на мысль представить свое дѣло, такъ какъ оно касалось славянскихъ подданныхъ Австріи, на разсмотрѣніе пражскаго сейма. Онъ предложилъ Алимпію съѣздить для этой цѣли въ Прагу, на что̀ Алимпій съ своей стороны изъявилъ полное согласіе. Такого рода порученія всегда ему нравились и были особенно по душѣ: ничего такъ не любитъ онъ, какъ участвовать въ шумныхъ собраніяхъ или быть героемъ какой бы то не было „исторіи“; а теперь предстоялъ случай отличиться на революціонномъ сеймѣ и, быть-можетъ, оказать при этомъ новую незабвенную услугу старообрядству. *

Итакъ Алимпій пріѣхалъ въ Прагу заявить предъ славянскимъ революціоннымъ ареопагомъ свою жалобу на обиды, причиненныя Липованамъ двумя могущественными державами Европы, и просить защиты отъ ихъ несправедливыхъ притѣсненій. Онъ явился прямо въ одно изъ послѣднихъ засѣданій сейма, на которомъ единственнымъ дотолѣ представителемъ русской національности былъ извѣстный Михаилъ Бакунинъ. Появленіе въ залѣ засѣданій новаго депутата отъ русскаго старообрядства было очень эффектно. Алимпій, по обычаю, былъ нѣсколько выпивши, но, какъ слѣдуетъ, во всемъ иночествѣ: въ старинаго покроя камилавочкѣ, заломленной на затылокъ, въ ряскѣ и съ манатейкой на пле-

---

* Свои воинственныя наклонности Алимпій заявилъ даже самымъ выборомъ фамиліи, которую, по примѣру большей части раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ Россіи, принялъ по переходѣ за границу. Собственная фамилія его Звѣревъ. Милорадовымъ онъ назвалъ себя въ память извѣстнаго своею храбростью генерала Милорадовича, который былъ почему-то его любимымъ героемъ.

чахъ. Одною своею наружностью и этимъ страннымъ одѣяніемъ онъ произвелъ уже на присутствовавшихъ немалое впечатлѣніе. Но торжество старообрядскаго депутата достигло высшей степени, когда произнесъ онъ свою краткую рѣчь, состоявшую изъ самыхъ энергическихъ возгласовъ противъ русскаго и австрійскаго государей, и для большей выразительности, приправленную самыми выразительными россійскими изреченіями.... Извѣстно, что пушки Виндишгреца скоро положили конецъ пражскимъ демонстраціямъ. Алимпій, вѣрный своему характеру, хотѣлъ сдѣлаться героемъ баррикадъ; но скоро увидѣлъ, что это не такъ удобно, какъ быть героемъ корчмы или биргалля: подобравши свои длинныя полы, онъ пустился бѣжать, и благополучно проскользнувъ между рядами австрійскихъ солдатъ, немедленно уѣхалъ въ Вѣну къ ожидавшему его Амвросію. *

Такимъ образомъ поѣздка въ Прагу кончилась неудачно. Оставалось возложить всѣ надежды на конституціонное австрійское правительство. Но вскорѣ по возвращеніи Алимпія въ Вѣну и съ этой стороны получено было новое непріятное объявленіе: $^{11}/_{23}$ іюня послѣдовало опредѣленіе: Амвросію отправиться на постоянное и безвыѣздное жительство въ Штирію, въ городокъ Цилли. ** Амвросій и Алимпій

---

* Объ участіи Алимпія въ пражскихъ событіяхъ свидѣтельствуетъ самъ Бакунинъ, какъ будетъ сказано ниже. Алимпій же, который вообще любитъ вести разказы о своей обильной приключеніями жизни, съ особеннымъ удовольствіемъ повѣствуетъ всегда о подвигахъ, совершенныхъ имъ въ Прагѣ, и по обычаю съ разными прикрасами. Въ 1861 году онъ сопровождалъ Кирилла въ Черновцы для представленія вновь назначенному губернатору. Когда этотъ послѣдній, въ Черновцахъ же, отдалъ визитъ Кириллу, то Алимпій, во время угощенія, вздумалъ и его занять разказомъ о своихъ пражскихъ дѣяніяхъ. Онъ съ такимъ увлеченіемъ изображалъ, какъ летали пули вокругъ его головы и какъ ловко онъ увертывался отъ нихъ, что сопровождавшій губернатора капитанъ Лайнеръ не удержался замѣтить ему: „якій же ты, Алимпій, непомеркованный брехунъ....“

** Въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ*, подъ 18 іюня, записано: „Присланы почтою рѣшенія, иноку Алимпію, данное изъ Вѣны отъ министра $^{13}/_{25}$ мая, что временно-запертый монастырь еще не отворяется, а митрополиту особое $^{11}/_{23}$ іюня, что возвратиться не можетъ, но отсылается по смерть въ городъ Цыль.“

однакоже не унывали: этого новаго опредѣленія они всетаки не считали окончательнымъ рѣшеніемъ ихъ дѣла и были увѣрены, что въ виду продолжавшихся безпорядковъ въ правительствѣ могутъ очень удобно уклониться отъ подчиненія ему. То же совѣтовали имъ и ихъ вѣнскіе друзья, поставляя на видъ именно неустановившійся еще порядокъ дѣлъ и увѣряя, что окончательнаго рѣшенія по ихъ дѣлу слѣдуетъ ожидать не ранѣе конца іюля мѣсяца, послѣ ожидаемаго съѣзда въ Вѣну депутацій отъ всего государства, когда новыя конституціонныя правила должны войдти въ полную силу. Такими добрыми вѣстями, основанными частію на собственныхъ соображеніяхъ, частію на увѣреніяхъ столичныхъ благопріятелей, Алимпій утѣшалъ и бѣлокриницкихъ своихъ собратій, которые также стали питать надежду не только на близкое распечатаніе монастыря, но и на скорое возвращеніе къ нимъ самого Амвросія. Ободренные этими надеждами, они рѣшились даже, несмотря на недавно состоявшееся подтвердительное опредѣленіе оставить монастырь запечатаннымъ, открыть въ немъ богослуженіе и прочіе монастырскіе порядки; * стали мало-по-малу собираться и изгнанные иноки. О всемъ этомъ Павелъ извѣщалъ одного изъ московскихъ своихъ пріятелей въ письмѣ отъ 23-го іюня, то-есть писанномъ уже послѣ того, какъ получено было извѣстіе о состоявшемся опредѣленіи отправить Амвросія на жительство въ Цилли. Письмо это, въ которомъ выражаетъ онъ полную надежду на благопріятное окончаніе бѣлокриницкихъ дѣлъ при новомъ государственномъ устройствѣ Австріи, весьма замѣчательно потому еще, что въ немъ знаменитый старообрядскій учитель высказалъ свой взглядъ на политическую свободу вообще,—взглядъ, который, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ съ нимъ всѣ сколько-нибудь разсудительные старообрядцы и съ которымъ неизлишне познакомиться политическимъ дѣятелямъ, мечтающимъ найдти въ старообрядствѣ удобное орудіе для осуществленія своихъ революціонныхъ замысловъ. Мы приведемъ здѣсь важнѣйшія мѣста изъ этого Павлова письма.

* „Заведенная машина (служба и проч.), съ помощію Божіею, и нынѣ попрежнему вседневно еще дѣйствуетъ и въ ней упражняются почти безъ различія, — почти и самые фабриканты (епископы), въ мастеровыхъ (іеромонахи), а мастера въ рабочихъ“. (Письмо Павла отъ 23-го іюня 1848 г.)

„По нашимъ государственнымъ разстройствамъ, нашимъ же собственнымъ и внезапнымъ разореніямъ и коварному отъ насъ отнятію любезнаго отца нашего, бывшаго оклеветаннаго, уже самое дѣло заставляло насъ плачевнымъ гласомъ вопіять ко Господу: Боже, Боже мой, вонми ми, вскую остави мя далече отъ спасенія, ибо словеса беззаконныхъ превозмогоша насъ. И уже не осталось намъ инаго на лицѣ земли примѣра, какъ только примѣра птенцовъ врановыхъ, иже на гнѣздѣ своемъ отъ рождшихъ своихъ оставленныхъ, не могущихъ на волю ни слетати, ни сходити, но точію зіяющихъ и малыя мушицы во уста ихъ падающія поглащающихъ! А наконецъ и самое гнѣздо наше, во истинну, яко птичіе, и закрыто и до зѣла скорчено. Обаче и притомъ долгъ нашея вѣры, любве и надежды побуждаетъ насъ присно молиться за державнаго и иже во власти сущихъ, — нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, по писанному, — притомъ за обидящихъ насъ и творящихъ намъ пакости. Не постави имъ, Господи, грѣха сего! Но праведный судъ Всемогущаго Бога не закоснѣлъ открыться на повелѣвшихъ сіе. Въ тыя бо самые дни, въ который день коммиссія накрыла въ нашъ домъ, то-есть 1-го числа марта, въ той самый день открылась въ столичномъ градѣ Вѣнѣ ужасная и даже отъ вѣковъ небывалая революція, а въ третій день, когда у насъ опечатывали домъ, и всю *фабрику*, и всѣхъ *прикащиковъ* и *рабочихъ* * выгнаны вонъ, тогда въ Вѣнѣ принудили царя подписать на конституціонныя правила. А главнаго виновника, наведшаго на нашъ домъ толикую напасть, князя Меттерниха, министра иностранныхъ дѣлъ, *который клевету со стороны Съвера въ нѣдрахъ своихъ имѣлъ*, хотя не по нашему дѣлу, но попущеніемъ Божіимъ совершенно вонъ изъ Вѣны изгнали, и еще смертію угрожали, еслибы только не укрылся.

„Нынѣ въ государствѣ нашемъ новыя права, и неоднократно объявлены, но еще настояще не утверждены, но уже всѣмъ націямъ и религіямъ совершенная вольность предоставлена. Тѣмъ убо и нашей фабрики мастера, прикащики и работники, за высылкою иностранныхъ, остальные теперь всѣ, какъ нѣкія слабыя безъ матери пчелки, собрались въ одну кучу и отъ толикой поражавшей насъ внезапной и ужасной бури едва-едва отдыхаемъ и уже, слава Богу, къ тому въ тишинѣ и покоѣ пребываемъ и даже честныхъ сѣдинъ любезнаго нашего отца обратно къ себѣ ожидаемъ, хотя разрѣшенія ему еще нѣтъ, за неутвержденіемъ новыхъ государственныхъ законовъ, такъ какъ его дѣло при старомъ законѣ совершенно закончено, но увѣряютъ, что послѣ депутаціи, имѣющей быть со всего государства въ столицѣ 26-го будущаго іюля, получитъ свободу совершенно. Впрочемъ, теперь у насъ архіереевъ и поповъ сколько угодно

---

* Иносказательныя названія монастыря и монастырскихъ жителей

себѣ поставляй, книги какія угодно печатай невозбранно. Теперь въ Австріи уже нѣтъ такой вѣры, которая бы надъ всѣми господствовала, или гонима была, не исключая даже и Жидовъ, но равность и вольность....

„Но за всѣмъ тѣмъ хощу отчасти объявить вамъ сердечное мое чувствованіе, съ глубочайшимъ отъ души вздохновеніемъ. Ахъ, любезный мой благопріятель Григорій Ивановичъ, ей-ей не веселитъ меня открытая въ здѣшнихъ странахъ многими ублажаемая такая великая свобода и вольность, понеже превосходитъ мѣры. Говорится пословица: „всякое дѣло краситъ мѣра, а безмѣрная воля доводитъ людей до неволи.“ Если мы посмотримъ на эту вольность съ другой точки, то увидимъ, что по истиннѣ не есть воля, но горе, а вслѣдъ за тѣмъ еще грядетъ вдвое. Не о несчастномъ состояніи нашемъ, или религіи и священствѣ нашемъ разумѣйте сіи слова мои, но о всемірномъ внѣшнемъ положеніи, основывающемся на силѣ конституціонной. О религіи бо нашей и священствѣ я уже вамъ предъ симъ писалъ, кажется, довольно, что елико Господь единожды вначалѣ животворяще устроилъ, та самая истина Господня и пребудетъ во вѣки.... Тѣмъ убо и вамъ, хотя нынѣ и настоитъ земная напасть за религію, но мужайтесь, яко Господь нищихъ своихъ не забудетъ и терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца. Вспомните, гдѣ Петръ (то-есть императоръ), гдѣ Павелъ? Не закоснитъ быть тамъ же.... И паки реку, вѣруйте, яко рано или позднѣе, но воздвигнетъ и вамъ Богъ втораго Даніила, который стряхнетъ прахъ поношенія отъ невинныя Сусанны. Впрочемъ, повторимъ: сіе говорю не о нашей религіи, ибо она подъ Всемогущимъ Промысломъ Божіимъ существуетъ, и нынѣ и присно и вовѣки пребудетъ. Но я теперь хощу открыть вамъ ужасное ожиданіе о всемірной конституціи, что̀ значитъ ножъ медомъ помазанъ и уготовляется рано или поздно на закланіе всего міра. Не продолжаю вамъ о началахъ ея, ибо медомъ вольности помазана; вамъ довольно въ предосторожность: только слова того, если услышите, „конституція“ бойтеся, аки нѣкоего кровожаднаго губителя, являющагося къ вамъ подъ видомъ благотворителя. А, какъ выше сказано, нужно посмотрѣть на сію вольность съ другой точки, то-есть не съ начинанія, а съ самаго совершенія цѣли ея, да увидимъ, что не есть воля, а горе....“ *

Итакъ, Алимпій въ Вѣнѣ, а вслѣдъ за нимъ и Павелъ въ Бѣлой-Криницѣ питали надежду на благополучный исходъ дѣла объ Амвросіи. Но скоро обнаружилось, что это была напрасная надежда. Если конституціонное австрійское правительство и было расположено исполнить просьбу буко-

* Изъ матеріаловъ П. И. Мельникова.

винскихъ старообрядцевъ о возвращеніи ихъ митрополита въ Бѣлую-Криницу, то съ другой стороны, въ виду предстоящихъ событій, оно имѣло гораздо больше побужденій возстановить и упрочить дружескія отношенія къ русскому правительству точнымъ исполненіемъ его требованій по дѣлу объ Амвросіи. Алимпій узналъ объ этомъ, и убѣдившись такимъ образомъ, что состоявшееся 11-го (23-го) іюня рѣшеніе имѣло серіозный характеръ, нашелъ необходимымъ съѣздить нарочно въ Бѣлую-Криницу посовѣтоваться съ Павломъ, какъ дѣйствовать далѣе, „какія бы еще принять мѣры“. Когда же изъ этой поѣздки онъ возвратился обратно въ Вѣну съ семействомъ Амвросія, духовникомъ его Іеронимомъ и походною для него церковью, то отъ правительства получено было новое „строжайшее“ предписаніе Амвросію немедленно отправиться въ Цилль; и такъ какъ онъ все еще продолжалъ медлить, то поручено было полицейскому чиновнику препроводить его въ назначенное мѣсто. Алимпію же со Іеронимомъ были выданы паспорты для немедленнаго также возвращенія въ Бѣлую-Криницу. *

Такъ кончились всѣ хлопоты Алимпія въ Вѣнѣ объ освобожденіи Амвросія. Несчастный исходъ этого дѣла заграничные раскольники приписали главнымъ образомъ вліянію со стороны Сѣвера, и для нихъ, также и для русскихъ старообрядцевъ, ссылка Амвросія, равно какъ заточеніе Геронтія, сдѣлалась съ этого времени надолго однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ побужденій къ жалобамъ на русское правительство. Однакоже общественными переворотами въ Австрійской имперіи бѣлокриницкое братство все-таки успѣло въ значительной степени воспользоваться для поправленія своихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли, что Павелъ съ прочею братіей, подъ прикрытіемъ новодарованныхъ льготъ всѣмъ обитающимъ въ Австрійской имперіи народамъ, и пользуясь общимъ смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ, распорядился открыть запечатан-

---

* Въ *Памятникѣ* подъ 24 числомъ іюля записано: „Митрополитъ полиціею одинъ отправленъ въ Цылль.... А нашимъ посламъ полиція прописала пасъ на выѣздъ обратно домой, по непріятному замѣчанію правительствомъ за церковь и за священника, якобы митрополитъ умыслилъ другой монастырь липованскій въ Цылли завести тайно.“

ный монастырь и возстановить въ немъ всѣ прежніе порядки, несмотря на потвердительное распоряженіе правительства считать монастырь запечатаннымъ. Ближайшее мѣстное начальство, озабоченное дѣлами болѣе важными, и не чувствуя себя достаточно прочнымъ при новыхъ, не вполнѣ установившихся порядкахъ, смотрѣло снисходительно на эту вольность бѣлокриницкихъ монаховъ, тѣмъ болѣе, что имѣло особенныя выгоды не нарушать своихъ добрыхъ къ нимъ отношеній. * А потомъ это произвольное распоряженіе незамѣтно вступило какъ бы въ законную силу, и такимъ образомъ монастырь, числившійся запечатаннымъ, сталъ существовать и пользоваться всѣми прежде присвоенными ему правами. Попрежнему наполнился онъ бѣглыми русскими раскольниками и открылъ сношенія съ Россіей; попрежнему отправлялись въ немъ всѣ церковныя службы и производились посвященія духовныхъ лицъ для старообрядцевъ во всѣ мѣста. Еще въ августѣ 1848 года поставленъ былъ новый намѣстникъ митрополіи, Онуфрій; ** вскорѣ за тѣмъ посвященъ былъ первый рас-

* Мѣстное начальство, въ видахъ „благодарности“ отъ монастыря, постоянно оказывало ему снисхожденіе и разнаго рода услуги. Даже въ то время, когда назначена была слѣдственная коммиссія, одинъ изъ „пановъ“ (такъ обыкновенно Липованы зовутъ чиновниковъ) извѣстилъ объ ней заблаговременно инока Павла и тѣмъ далъ возможность приготовиться къ ревизіи, да и самая ревизія производилась не такъ строго, какъ было предписано высшимъ правительствомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Москву къ В. В. Борисову (отъ 8-го мая 1848 г.) Павелъ самъ говоритъ: „въ четвертокъ на первой недѣлѣ великаго поста прибѣгаетъ въ монастырь одинъ нѣкоторый панъ и *по-пріятелски* извѣщаетъ, что сегодня или утромъ, по императорскому повелѣнію, прибудетъ въ монастырь коммиссія, всѣхъ людей живущихъ въ монастырѣ строжайше переспроситъ. Сіи слова исполнились самымъ дѣломъ.“ Въ другомъ письмѣ въ Москву же (отъ 16-го марта) Павелъ извѣщалъ: „коммиссія весьма для насъ благонамѣренна“. Понятно, что при новыхъ порядкахъ мѣстное начальство тѣмъ меньше могло быть расположено обращаться строго съ монастыремъ.

** Статья о посвященіи Онуфрія въ *Памятникѣ* начинается слѣдующими словами: „когда высокое правительство наше, въ уваженіе россійскаго императорскаго двора, *иже на всѣ религіи завистію дышущаго*, отняло отъ насъ митрополита Амвросія“ и т. д. Слова эти, писанныя Павломъ, очевидно, подъ вліяніемъ недавнихъ

кольничій попъ для русскихъ старообрядцевъ Кириллъ Масляевъ, оказавшійся въ послѣдствіи совершенно негоднымъ человѣкомъ, почему и былъ нѣсколько разъ подвергаемъ изверженію изъ сана; а въ первыхъ числахъ января 1849 года поставленъ и первый раскольничій архіерей для Россіи, Софроній. Когда назначеніе это оказалось также совершенно неудачнымъ, то (въ началѣ 1853 г.) посвященъ для русскихъ старообрядцевъ другой епископъ, Антоній. * Оба они, несмотря на всю бдительность, съ какою правительство *предписывало* слѣдить за раскольниками, благополучно пробрались въ Россію и размножили здѣсь новое раскольничье духовенство.

Итакъ ни существованія заграничной старообрядческой іерархіи, ни сношеній ея съ русскими раскольниками не могли пресѣчь строгія мѣры противъ раскола, принятыя нашимъ правительствомъ и отчасти, по его настоянію, правительствомъ австрійскимъ. Онѣ имѣли лишь то послѣдствіе, что съ новою силой пробудили и въ русскихъ, и въ заграничныхъ старообрядцахъ недовольство нашимъ правительствомъ—послѣдствіе для него вовсе не желательное, и напротивъ вполнѣ согласное съ интересами той антирусской партіи, которая видѣла въ расколѣ удобное орудіе для осуществленія своихъ враждебныхъ Россіи плановъ и въ этой мысли содѣйствовала самому учрежденію бѣлокриницкой іерархіи.

III.

Между тѣмъ какъ австрійское правительство, уступая единственно желаніямъ Россіи, сдѣлало нѣсколько временныхъ стѣснительныхъ для Липованъ распоряженій, которыя однакоже, какъ мы сейчасъ сказали, ни мало не содѣйствовали ослабленію раскола въ Россіи, а только усилили непріяз-

---

огорченій по дѣлу Амвросія, достаточно показываютъ, кого считали въ Бѣлой-Криницѣ главнымъ виновникомъ этихъ огорченій и какъ были по сему случаю вооружены тамъ противъ русскаго правительства.

* Любопытна также сдѣланная въ *Памятникѣ* рукой инока Павла замѣтка объ отправленіи Антонія въ Россію: „отправленъ къ больнымъ, *въ карантинѣ сидящимъ*."

ненныя отношенія раскольниковъ къ русскому правительству, вызванныя и внутренними строгими противъ нихъ мѣрами, въ турецкихъ предѣлахъ, напротивъ, дарованы были раскольникамъ и особенно ихъ духовенству такія права и привилегіи, какими не пользовалось и не пользуется ни одно изъ подвластныхъ Турціи христіанскихъ населеній. Это сдѣлано было уже прямо въ видахъ враждебныхъ Россіи, съ цѣлію тѣснѣе привязать Некрасовцевъ къ турецкому правительству и сильнѣе вооружить ихъ противъ русскаго. Главнымъ дѣятелемъ и здѣсь былъ все тотъ же панъ Чайковскій съ своею польско-турецкою братіей.

Было замѣчено выше, что еще Амвросій поставилъ для задунайскихъ раскольниковъ епископа Аркадія, котораго Кириллъ возвелъ потомъ въ званіе Славскаго архіепископа. Рукоположеніе Аркадія породило большую вражду и раздѣленіе между Некрасовцами: образовалась цѣлая партія, не хотѣвшая принять его, какъ поставленнаго якобы митрополитомъ-обливанцемъ; партія эта успѣла представить мѣстному турецкому начальству учрежденіе епископства дѣломъ злонамѣреннымъ и опаснымъ для правительства; * Аркадій, вмѣстѣ съ нѣсколькими главными дѣятелями въ учрежденіи Славской епископіи, въ числѣ которыхъ находился и Гончаровъ, посаженъ былъ въ тюрьму и около шести мѣсяцевъ содержался въ заключеніи. Гончаровъ, успѣвшій раньше выйдти на волю, отправился въ Константинополь искать покровительства и защиты у своихъ друзей. По ихъ наставленію и при ихъ содѣйствіи подалъ онъ прошеніе съ надлежащимъ объясненіемъ дѣла военному министру (сераскиръ-пашѣ), который отправился лично ходатайствовать за него къ великому визирю, а этотъ послѣдній предписалъ новому рущукскому губернатору Сеидъ-пашѣ кончить дѣло въ пользу Аркадія; ** кромѣ того по просьбѣ Гончарова и по ходатай-

* „Оклеветали," говорится въ одномъ письмѣ Павла, „якобы всѣ старовѣрцы и казаки, принявши греческаго митрополита, согласились съ Греками и Болгарами, и тѣмъ поставили ихъ (предъ правительствомъ) въ лицѣ непріятеля" (пис. отъ 12-го февраля 1848 г.).

** Въ своемъ сочиненіи: *„Первое начатіе происшествія нашего духовнаго дѣла о устроеніи епископа"*, самъ Гончаровъ пишетъ: „наши *доброжелатели* стали меня утѣшать, говорятъ: не бойся ты, и взяли и написали прошеніе военному министру, сераскиръ-пашѣ, и послали со мною своего драгомана. Когда мы пришли къ

ству его друзей, Аркадій тогда же признанъ былъ турецкимъ правительствомъ въ званіи епископа, которымъ дано ему право пользоваться безъ всякой за то платы, привилегія, какой не имѣетъ ни одинъ изъ православныхъ епископовъ.* Утвердившись на мѣстѣ, Аркадій вмѣстѣ съ Онуфріемъ поставилъ для Некрасовцевъ другаго епископа въ Тульчу—Алипія.

Такимъ образомъ явилась у турецкихъ раскольниковъ своя вполнѣ устроенная іерархія, которая притомъ была дозволена и правительствомъ. Но имъ казалось мало этого дозволенія: они желали получить отъ верховнаго правительства въ имперіи законный актъ, которымъ вполнѣ и навсегда ограждались бы права ихъ новоучрежденнаго духовенства и

нему, подалъ я ему прошеніе и объясненіе, а драгоманъ ему разказалъ все по ряду какъ было дѣло. Прочиталъ онъ прошеніе, мною поданное, и объясненіе, и той часъ поѣхалъ къ садразану (великому визирю), а намъ приказалъ съ драгоманомъ дожидаться. Часа черезъ два пріѣхалъ назадъ отъ садразана и говоритъ мнѣ: „теперь не бойся ничего, хотя и померъ Садыкъ-паша (рущукскій губернаторъ), но на мѣсто его будетъ Сеидъ-паша, и мы ему дадимъ особое предписаніе; а ты напиши своимъ старикамъ, чтобъ они и епископъ поѣхали къ пашѣ непремѣнно. Я поклонился ему, и пошли; пришелъ на хватеру, той часъ написалъ письмо и послалъ. Наши получили письмо и прочитали, и дѣло исполнили порядкомъ.“ На допросѣ въ Кіевѣ Аркадій показалъ между прочимъ: „были подъ присмотромъ почти шесть мѣсяцевъ, до 8-го мая 1848 г. Рущукскіе паши Садыкъ-паша, а по смерти его Сеидъ-паша производили сами строгое изслѣдованіе, но ничего не открывъ, отпустили насъ свободно“. Павелъ писалъ въ Москву 23-го іюня 1848 г.: „о задунайскомъ фабрикантѣ А. мы получили извѣстіе, что прочіе купцы съ Тульчи и атаманы некрасовскихъ обществъ отправлялись къ высшему правительству съ новымъ прошеніемъ и доказали невинность его обо всемъ обстоятельно, и просили, чтобъ тотъ фабрикантъ со всѣми къ нему прикосновенными, по клеветамъ сѣдящіе столь долгое время въ тюрьмѣ, были освобождены, а фабрика его, а въ прочихъ городахъ начатое устроеніе заведеній, были бы оставлены попрежнему. Итакъ, съ помощію Божіею, получили совершенное разрѣшеніе и во всемъ удовлетвореніе.“

* Въ дополнительномъ показаніи, взятомъ съ Аркадія, говорится: „Порта, разсмотрѣвъ дѣло, признала Аркадія въ санѣ, не требуя за то никакой платы, какъ это требуется съ греческихъ архіереевъ. *Гончаровъ входилъ объ этомъ въ совѣщаніе съ Аліономъ.*“

была бы предоставлена имъ совершенная свобода вѣры и богослуженія. Съ просьбой объ этомъ они обратились сначала къ мѣстнымъ турецкимъ властямъ, чтобы чрезъ ихъ посредство довести ее до высшаго правительства въ имперіи. Но мѣстное начальство рѣшительно отказалось принять на себя ходатайство по такому, какъ оно думало, опасному и неудобоисполнимому дѣлу. Тогда всѣ хлопоты принялъ на себя Гончаровъ. Минуя низшія инстанціи, онъ снова отправился въ Царьградъ подавать прошеніе уже на имя самого султана. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ всѣ надежды возлагалъ онъ на мощное содѣйствіе своихъ константинопольскихъ друзей, которые успѣли уже неоднократно доказать свое расположеніе къ старообрядцамъ. Это происходило въ 1851 году. Чайковскій очень хорошо понималъ, что чѣмъ больше услугъ придется ему оказать раскольникамъ, тѣмъ вѣрнѣе можетъ онъ разчитывать на нихъ въ своемъ дѣлѣ. Не трудно было ему, особенно въ виду предстоявшихъ политическихъ событій, объяснить турецкому правительству тѣ выгоды, какія можетъ пріобрѣсти оно, покровительствуя у себя гонимому въ Россіи старообрядству. Итакъ Чайковскій охотно и усердно принялся помогать Гончарову. Подъ его покровительствомъ этотъ послѣдній получилъ свободный доступъ во всѣ присутственныя мѣста турецкой столицы; ему открыты были двери къ самымъ высшимъ сановникамъ въ имперіи, и наконецъ въ іюнѣ 1851 г. врученъ ему, подписанный самимъ султаномъ, фирманъ, которымъ Оттоманское правительство, столь извѣстное недружелюбіемъ къ христіанскимъ народонаселеніямъ православнаго исповѣданія, предоставляло Игнатъ-казакамъ, *своимъ вѣрнымъ и благонадежнымъ подданнымъ*, совершенную свободу *пользоваться своею, отъ другихъ независимою вѣрой*, такъ чтобъ они подъ его *покровительскимъ крыломъ свободнымъ воздухомъ въ благополучіи отдыхали*, и чтобы *никакая другая церковная власть въ ихъ церковныя дѣла не мѣшалась, когда они имѣютъ уже свое собственное священство.* * Какъ вообще внимательны были въ Константинополѣ къ желаніямъ старообрядцевъ, и съ какимъ восторгомъ приняты были у этихъ послѣднихъ новыя милости Высокой

---

* Курсивомъ напечатанныя слова взяты изъ самого фирмана, который печатаемъ въ приложеніи, подъ № 3.

порты, хорошо видно изъ письма, которымъ славскій архіепископъ Аркадій извѣщалъ бѣлокриницкаго митрополита о дарованіи фирмана. Письмо, по порученію архіепископа, писалъ проживавшій въ Славскомъ скиту, бывшій настоятель Лаврентьева монастыря, инокъ Аркадій (нынѣшній славскій епископъ и экзархъ Некрасовцевъ), и тогда уже состоявшій въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Гончарову Вотъ что̀ именно говорилось въ этомъ письмѣ:

„По благословенію архипастыря нашего, владыки Аркадія, пишу сіе скорое увѣдомленіе обществамъ всѣмъ, лежащимъ по пути сему, а наконецъ и въ самую Бѣлокриницкую митрополію, о происшествіяхъ нашихъ, за Дунаемъ сущихъ. Послѣ трехлѣтняго изнуренія церкви задунайской отъ враждебныхъ раздорниковъ нашихъ, наченшихся отъ духа безпоповскаго повѣтрія, начали мы принимать мѣры о исходатайствованіи отъ Высокой Порты намъ фермана, то-есть государственнаго указа на наше духовенство, коего еще не имѣли Некрасовцы; а хотя и имѣли нѣкоторые ферманы, но всѣ они писаны кромѣ священства; нѣсколько разовъ просили мы мѣстное начальство о выдачѣ намъ одобренія въ Константинополь къ высокимъ властямъ, но все было тщетно. Наконецъ изъявилъ ревность намъ коренный житель Іосифъ Семеновичъ Гончаровъ, преобидя всѣ неудобства, аки вторая Іюдифъ на главу Олоферну, тако и онъ дерзнулъ на главу церковнаго раздора. Съ помощію самого Бога, безъ одобренія, прибылъ въ восточную древнюю столицу, въ Царьградъ, началъ ходатайствовать у высокихъ властей, и Богу помогающу, достигнулъ цѣли, и возымѣлъ входъ во всѣ диваны и департаменты, началъ дѣло всѣмъ удивительное, вмѣсто одобренія *высокія особы были по немъ поруками*, прошелъ всѣ дистанціи, достигнулъ до самаго высочайшаго императорскаго престола, вступило дѣло въ государственную канцелярію; не могъ онъ знать императорскаго благоволенія; чрезъ сорокъ два дни объявлено ему, что императоръ подписалъ намъ ферманъ, и выданъ онъ по министерству для надлежащаго окончанія, высокія особы, получа его, цѣловали царскую титлу. На оборотѣ онаго подписали садразанъ, вторый по царѣ, и прочія приложили руки къ оному. Врученъ Гончарову, и онъ его намъ доставилъ благополучно. Во время производства сего передано было дѣло сіе въ греческую патріархію; но Гончаровъ какъ только узналъ, принялъ скорѣйшія мѣры и истребовалъ изъ патріархіи; но и самъ патріархъ отозвался, что это дѣло ему не принадлежитъ. По полученіи мы сего фермана, объявили его тулчинскому каймакану, начальнику пяти городовъ или уѣздовъ; онъ принялъ его съ великимъ благоговѣніемъ, и приказалъ занести въ журналъ кадіи, то-есть прокурора, отъ слова до слова,

ради покровительства нашихъ всѣхъ единовѣрныхъ; предъявили и въ нашемъ городѣ, называемомъ Бабадахъ, и также занесли въ журналъ; объявленъ и въ Мачинѣ ради покровительства Каменской церкви священства и самыхъ жителей ея. Копію сего фермана, переведенную въ Константинополѣ французскимъ переводчикомъ, не въ совершенной точности, но съ нѣкоторою неясностію, при семъ прилагаемъ и объявляемъ всѣмъ нашимъ единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ: благоугодно архіепископіи Славской, чтобы прочитано было въ церквахъ Каменской и Браиловской и всѣмъ христіанамъ до города Яссъ; а изъ Яссъ дабы въ самоскорѣйшее время доставили мануиловскимъ церквамъ, а изъ Мануиловки препроводили бы въ Бѣлокриницкую митрополію, и дабы вручили своеручно отцу нашему и владыкѣ, высокопреосвященнѣйшему митрополиту Кириллѣ, и его намѣстнику владыкѣ Ануфрію и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и всей богоподвижной братіи; а наипаче трудившимся въ семъ дѣлѣ отцемъ Павлу и Алимпію. Трудъ вашъ, отцы святіи, принесъ намъ пользу, не точію душевную, но и гражданскую. *Нашъ добрый императоръ проникнулъ угнетеніи наши отъ съверная повѣтрія*, высочайше повелѣваетъ всѣмъ своимъ начальникамъ, чтобы покровительствовать намъ и дабы мы подъ его крыломъ отдыхали, вѣру свою содержали, церкви и священство безпрепятственно имѣли бы свое собственное, а не заимствовались бы отъ Россіи, какъ прежде. Нынѣ въ нашихъ архипастырехъ и во всѣхъ отцахъ и въ мірскихъ положено, въ память сей монаршей милости, въ непродолжительномъ времени, составить свѣтлый праздникъ во всѣхъ нашихъ церквахъ, и принести Всемогущему Господу Богу и взбранной воеводѣ Пречистѣй Богородицѣ благодарственныя молитвы и обще молить Господа Бога за кроткаго нашего царя. Вѣчно благодаримъ и молимъ Бога о здравіи и спасеніи трудившаго безмездно раба Христова Іосифа.“ *

---

* Подлинное письмо Аркадія отъ 2-го іюля 1851 г. На немъ подписался онъ слѣдующимъ образомъ: „Сіе писалъ и сочинялъ изъ словъ господина Гончарова и копію съ французскаго перевода, по благословенію архипастыря нашего, грѣшный инокъ Аркадій Лаврентьевскій.“ О Чайковскомъ и другихъ Полякахъ въ письмѣ не упоминается; но ихъ не трудно узнать подъ тѣми „высокими особами“, которыя явились „поруками“ за Гончарова. Нельзя еще оставить безъ вниманія, что на приложенномъ къ письму русскомъ переводѣ фирмана Аркадій сдѣлалъ замѣтку: „переведенъ на русскій языкъ чрезъ И. Р. К. однокровнаго казачьяго сосѣда и друга.“ Любопытно было бы знать, кто этотъ „однокровный сосѣдъ и другъ“ казаковъ, сокрытый подъ таинственными буквами? А что Чайковскому Гончаровъ обязанъ былъ больше всѣхъ за полученіе

Едва ли нужно прибавлять что-либо къ этому торжественному посланію, назначенному для прочтенія во всѣхъ заграничныхъ старообрядческихъ обществахъ. Оно достаточно показываетъ, съ одной стороны, чрезвычайную благосклонность и великія милости Оттоманскаго правительства къ Игнатъ-казакамъ, съ другой — восторженную радость, съ какою приняты эти милости, если не всѣми заграничными раскольниками, то по крайней мѣрѣ заграничнымъ раскольничьимъ духовенствомъ. Предписывается во всѣхъ старообрядскихъ церквахъ совершить нарочитое свѣтлое празднество съ торжественнымъ чтеніемъ, конечно на амвонѣ, султанскаго фирмана и съ умилительнымъ молебствіемъ за магометанскаго властителя и за раба Христова Іосифа Семеновича! Чѣмъ еще болѣе могли раскольники выразить свою признательность къ его величеству султану и къ господину Гончарову? Не менѣе очевидно изъ письма Аркадія, какими побужденіями объясняли турецкія власти и друзья ихъ эти новыя милости, излитыя султаномъ на подвластныхъ ему старообрядцевъ, и какъ охотно вѣрили такимъ объясненіямъ люди, подобные Гончарову и Аркадію Лаврентьевскому, или по крайней мѣрѣ какъ хлопотали эти люди, чтобы такимъ объясненіямъ вѣрили другіе. Аркадій въ письмѣ своемъ торжественно провозглашаетъ, что султанъ видитъ угнетенія, претерпѣваемыя старообрядцами *отъ сѣвернаго повѣтрія*, что, напротивъ, самъ онъ отечески печется о своихъ вѣрныхъ Игнатъ-казакахъ, и вотъ теперь приглашаетъ ихъ свободно отдыхать подъ его мощнымъ крыломъ, въ полной безопасности отъ зло-

---

султанскаго фирмана, это извѣстно и по офиціальнымъ документамъ. Новороссійскій губернаторъ, отъ 4-го октября 1854 года доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ: „для постриженія нѣкоторыхъ раскольниковъ въ духовное званіе и для свободнаго отправленія какъ ими, такъ и архіереями Аркадіемъ и Алипіемъ, духовныхъ требъ исходатайствованы были турецкіе фирманы членомъ той же (польской) пропаганды Чайковскимъ, нынѣ Садыкъ-паша, посѣщавшимъ нерѣдко некрасовскія селенія.“ Одинъ изъ агентовъ нашего правительства также доносилъ: „Садыкъ-паша выхлопоталъ фирманъ, дозволяющій раскольникамъ безъ всякаго ограниченія имѣть у себя духовныхъ лицъ.“ (Изъ матеріаловъ П. И. Мельникова.) Кромѣ султанскаго фирмана, Гончаровъ выпросилъ у садразама позволеніе задунайскимъ епископамъ поставлять священниковъ для русскихъ старообрядцевъ.

вредныхъ дѣйствій этого сѣвернаго повѣтрія. Печальная исторія Амвросія и Геронтія была еще такъ памятна всѣмъ старообрядцамъ, что намекъ о сѣверномъ повѣтріи они могли понять какъ нельзя лучше и тѣмъ скорѣе могли признать султана, издавшаго столь благодѣтельный для нихъ фирманъ, истиннымъ своимъ благодѣтелемъ, а самихъ себя истинно счастливыми подъ прикрытіемъ его мощнаго крыла; цѣль, которой ближайшимъ образомъ и желало достигнуть чрезъ изданіе фирмана турецкое правительство, въ сущности нисколько не расположенное безкорыстно покровительствовать подвластныхъ ему гяуровъ и въ настоящемъ случаѣ руководившееся преимущественно политическими соображеніями, которыя постарались разъяснить ему нѣкоторыя „высокія особы“. Кто именно были эти особы, кто руководилъ здѣсь болѣе всего дѣйствіями турецкаго правительства, объ этомъ Аркадій призналъ за лучшее умолчать въ своей окружной епистоліи, хотя, безъ сомнѣнія, зналъ это такъ же хорошо, какъ и его другъ Осипъ Семеновичъ Гончаровъ; но эти дѣятели хорошо извѣстны изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. * Мы уже сказали, что дѣло объ изданіи фирмана уладилъ главнымъ образомъ Садыкъ-паша съ прочими членами польской пропаганды въ Константинополѣ. Они-то преимущественно и старались разъяснить турецкому правительству всѣ выгодныя стороны такой мѣры, какъ изданіе покровительственнаго фирмана Игнатъ-казакамъ. Объ интересахъ Игнатъ-казаковъ, объ ихъ спокойствіи, безопасности и благополучіи здѣсь, конечно, не было и рѣчи; поставлялось на видъ собственно то, какъ важно при настоящихъ обстоятельствахъ для самого турецкаго правительства привязать Некрасовцевъ къ себѣ знаками особеннаго къ нимъ вниманія и покровительства и тѣмъ еще болѣе отдалить ихъ отъ правительства русскаго, которымъ всѣ старообрядцы были уже такъ недовольны за его строгій въ отношеніи къ нимъ способъ дѣйствованія. Что разрывъ и война съ Россіей, искусно подготовленныя иноземными интригами при оттоманскомъ дворѣ, должны были послѣдовать въ непродолжительномъ времени, этого не могли не видѣть и сами Турки. Изъ прежнихъ же войнъ имъ хорошо было извѣстно, какія заботы и опасенія въ военное время обыкновенно внушало правительству

* См. предыдущее примѣчаніе.

раскольничье населеніе пограничныхъ съ Россіей областей своею родственною племенною связью съ Русскими, и какія напротивъ выгоды во время войнъ съ Россіей оно извлекало изъ того же воинственнаго населенія, если умѣло расположить его въ свою пользу. Необходимо было поэтому и теперь заблаговременно позаботиться, съ одной стороны, о лучшемъ упроченіи связей турецкихъ раскольниковъ съ турецкимъ правительствомъ, съ другой—объ усиленіи ихъ неудовольствій противъ правительства русскаго: фирманъ, обезпечивающій полную религіозную свободу раскольниковъ въ турецкихъ предѣлахъ, предоставляющій ихъ духовенству такія права, какими оно нигдѣ не пользовалось, служилъ самымъ лучшимъ и удобнымъ къ тому средствомъ, тѣмъ больше, что его просили сами Некрасовцы. Вотъ аргументы, которые Чайковскій съ полнымъ успѣхомъ употребилъ въ дѣло, чтобы склонить турецкое правительство къ изданію фирмана, съ такимъ восторгомъ принятаго раскольничьимъ духовенствомъ. Но если у него въ настоящемъ случаѣ вовсе не было безкорыстной заботливости собственно о благополучіи Некрасовцевъ, то конечно столь же мало думалъ онъ при этомъ о безкорыстномъ служеніи и Оттоманскому правительству: такъ усердно, повидимому, заботясь о турецкихъ и раскольничьихъ интересахъ, панъ Чайковскій въ сущности заботился только объ интересахъ своихъ собственныхъ, объ успѣхахъ своего собственнаго дѣла. Едва ли кто желалъ такъ пламенно возбудить войну противъ Русскихъ и приготовить имъ пораженіе, какъ Поляки, — и не въ видахъ только униженія ненавистной имъ Россіи, но, что̀ всего важнѣе для нихъ, въ надеждѣ возсоздать на развалинахъ русскаго могущества независимую Польшу. Въ этихъ-то именно видахъ и надеждахъ панъ Чайковскій съ прочими членами польской пропаганды такъ усердно заботился объ обезпеченіи успѣховъ Турціи въ предстоящей войнѣ съ Русскими, между прочимъ и посредствомъ установленія наиболѣе прочныхъ связей турецкаго правительства съ подвластными ему раскольниками. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ имѣлъ онъ и другую, болѣе частную цѣль: упрочивая добрыя отношенія Некрасовцевъ къ турецкому правительству, приготовляя ихъ къ совокупному съ этимъ послѣднимъ дѣйствію противъ Русскихъ, онъ надѣялся самымъ опытомъ повѣрить степень ихъ враждебности противъ Россіи и готовности дѣйствовать во вредъ ей; усер-

діе, съ какимъ они станутъ служить Туркамъ въ войнѣ съ Русскими, должно показать, въ какой мѣрѣ можетъ онъ разчитывать на нихъ и въ своемъ собственномъ дѣлѣ, когда настанетъ время дѣйствовать. Такимъ образомъ и турецкое правительство, и польскіе пропагандисты, благодѣтельствуя Некрасовцамъ, въ сущности всего менѣе заботились о ихъ дѣйствительныхъ интересахъ, а желали только обезпечить для самихъ себя возможность въ надлежащее время воспользоваться ими, какъ силой враждебною Россіи, — и каждый въ своихъ собственныхъ интересахъ. Гончаровъ и Аркадій Лаврентьевскій настолько проницательны, что, безъ сомнѣнія, отъ нихъ не ускользнули эти своекорыстные разчеты ихъ турецкихъ и польскихъ благодѣтелей, и нисколько не удивительно, если эти послѣдніе даже посвятили ихъ въ тайну этихъ разчетовъ. И если Гончаровъ съ Аркадіемъ такъ ликовали по случаю новыхъ благодѣяній, оказанныхъ имъ турецкимъ правительствомъ, то вопервыхъ, потому что это были дѣйствительно благодѣянія, обезпечивавшія за турецкими раскольниками такія права, какими дотолѣ не пользовался никто изъ христіанскихъ подданныхъ султана;* вовторыхъ, потому что лично оба друга не видѣли ничего дурнаго въ тѣхъ разчетахъ, изъ которыхъ проистекали дарованныя Некрасовцамъ милости; напротивъ, готовы были содѣйствовать ихъ осуществленію, въ видахъ отмщенія Россіи за всѣ свои обиды. Отсюда эти похвалы, расточаемыя въ письмѣ Аркадія „доброму султану“, и это нескрываемое противопоставленіе его благодѣяній угнетеніямъ отъ Сѣвера.... И вотъ приготовился такимъ образомъ турецко-польско-раскольничій союзъ противъ Россіи изъ элементовъ, не имѣющихъ между собою ничего рѣшительно общаго, кромѣ общей имъ вражды къ русскому правительству, на которой единственно и могъ основаться этотъ странный тройственный союзъ. Событія скоро вызвали его къ дѣйствительному существованію и показали его настоящую силу и прочность.

---

* Въ силу султанскаго фирмана турецкіе раскольники даже повѣсили на своихъ церквахъ колокола и безпрепятственно звонятъ въ нихъ, тогда какъ подобнаго права не имѣетъ ни одна христіанская церковь въ Турціи.

IV.

Турецко-польско-раскольничій союзъ, о которомъ мы сказали въ предыдущей главѣ, становился все тѣснѣе по мѣрѣ того, какъ приходило время открытаго разрыва между Россіей и Турціей. Сами Некрасовцы, сами раскольничьи населенія Придунайскихъ областей, конечно, не принимали ни малѣйшаго участія въ этомъ союзѣ и даже не имѣли о немъ никакого понятія; если не единственнымъ, то главнымъ и самымъ дѣятельнымъ представителемъ ихъ былъ здѣсь все тотъ же Осипъ Семеновичъ Гончаровъ. Его поѣздки въ Константинополь стали повторяться чаще и чаще; сношенія съ Жуковскимъ, Садыкъ-пашой, Аліономъ сдѣлались живѣе и постояннѣе; есть извѣстіе, что однажды онъ будто бы былъ приглашенъ даже въ верховный совѣтъ, занимавшійся въ присутствіи самого султана рѣшеніемъ вопроса, начинать ли войну съ Россіей.

Нѣтъ сомнѣнія, что турецкія власти и иностранные политическіе агенты вовсе не думали дѣлать Гончарова участникомъ своихъ плановъ и намѣреній: имъ пользовались только какъ удобнымъ орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей, какъ человѣкомъ, на преданность котораго вполнѣ надѣялись, и который въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ дать полезный совѣтъ, вообще оказать немаловажную услугу. Въ этихъ предшествовавшихъ войнѣ сношеніяхъ своихъ съ турецкимъ правительствомъ и членами польской пропаганды, Гончаровъ занятъ былъ исполненіемъ двухъ порученныхъ ему обязанностей: онъ долженъ былъ, во-первыхъ, собирать и доставлять по принадлежности свѣдѣнія изъ Россіи и о Россіи,—о военныхъ приготовленіяхъ внутри имперіи, о разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, о настроеніи общественнаго мнѣнія и т. п., особенно же о мѣстахъ и лицахъ, которыми можно было бы воспользоваться въ борьбѣ противъ Русскихъ; во-вторыхъ, онъ долженъ былъ постепенно приготовить самихъ Некрасовцевъ къ наступающимъ событіямъ,—внушить имъ увѣренность въ несомнѣнномъ успѣхѣ турецкаго оружія въ предстоящей войнѣ съ Русскими, поддержать въ нихъ преданность султану и подогрѣть старую вражду противъ Россіи.

Давнишнія тѣсныя связи съ русскими раскольниками, особенно ближайшихъ мѣстъ, какъ напримѣръ, Бессарабіи, и давно установившіяся удобства взаимныхъ съ ними сношеній открывали Гончарову возможность собирать свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается въ Россіи, и въ частности о томъ, какія военныя приготовленія происходятъ въ мѣстахъ, ближайшихъ къ будущему театру войны; благодаря тѣмъ же близкимъ связямъ съ живущими въ Россіи раскольниками, онъ могъ отыскать между ними и людей, готовыхъ измѣнически дѣйствовать во вредъ Россіи. Достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить обнаружившіяся въ послѣдствіи сношенія Гончарова съ богатымъ измаильскимъ купцомъ Никитой Бѣляевымъ. Бѣляевъ состоялъ въ родствѣ съ Гончаровымъ чрезъ зятя своего, измаильскаго же купца Нестора Качалкина, и какъ горячій ревнитель раскола, вполнѣ сочувствовалъ заботамъ Гончарова объ учрежденіи заграничной раскольничьей іерархіи и всѣмъ его замысламъ, клонившимся ко вреду русскаго правительства, къ которому и самъ питалъ непріязненныя чувства за стѣсненіе раскольниковъ. На эти предпріятія онъ доставлялъ Гончарову даже значительныя суммы денегъ * и вообще состоялъ съ нимъ, и чрезъ него съ Некрасовцами, въ близкихъ сношеніяхъ. Для бо̀льшаго удобства этихъ сношеній, незадолго передъ войной (именно осенью 1852 г.), Бѣляевъ снялъ казенныя и городскія рыбныя ловли въ Георгіевскомъ гирлѣ Дуная, по сосѣдству съ некрасовскими поселеніями. Зять Бѣляева, Качалкинъ, и самъ Некрасовецъ по происхожденію, въ званіи управляющаго рыбнымъ промысломъ, переѣхалъ сюда на жительство и такимъ образомъ получилъ возможность часто и совершенно безпрепятственно ѣздить въ некрасовскія селенія. Чрезъ него-то Гончаровъ съ полнымъ удобствомъ могъ получать свѣдѣнія изъ Россіи отъ Бѣляева, который притомъ ѣзжалъ и самъ въ Журиловку для личныхъ свиданій и совѣщаній съ Осипомъ Семеновымъ. ** Можно догадываться, что когда Бѣляевъ бралъ на откупъ рыбныя ловли по сосѣдству съ Добруджей, то это дѣлалось не безъ злонамѣ-

---

* Дознано было, напримѣръ, что Бѣляевъ однажды передалъ Гончарову въ его распоряженіе 2.000 червонцевъ.

** Донесеніе новороссійскаго генералъ-губернатора, отъ 4-го октября 1854 г. Аркадій (первый) въ Суздалѣ также объяснилъ: „съ

ренной цѣли; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что по открытіи военныхъ дѣйствій, всѣ принадлежавшія Бѣляеву рыбацкія лодки поступили въ распоряженіе Турокъ и Некрасовцевъ, а самъ Качалкинъ, выправивъ билетъ на званіе маркитанта при русскихъ войскахъ и получивъ такимъ образомъ свободный доступъ въ русскій лагерь, приносилъ оттуда самыя свѣжія извѣстія для передачи своимъ друзьямъ.

Доставляя въ Тульчу и Константинополь нужныя свѣдѣнія о Россіи, Гончаровъ въ свою очередь получалъ здѣсь отъ Жуковскаго и Садыкъ-паши запасъ другаго рода интересныхъ новостей, съ которымъ обыкновенно и возвращался въ свою Журиловку. Всѣ новости, которыми Садыкъ-паша и Жуковскій считали полезнымъ снабжать Гончарова, были политическаго свойства; будучи передаваемы съ самой невыгодной для Русскихъ стороны, онѣ имѣли назначеніе—внушить раскольникамъ увѣренность въ неизбѣжномъ пораженіи ожидающемъ Россію. Съ этими новостями изъ Журиловки Гончаровъ отправлялся обыкновенно въ Славскій скитъ къ своему другу Аркадію, и потомъ общими силами они распространяли ихъ по некрасовскимъ селеніямъ. Такимъ образомъ чрезъ Гончарова Некрасовцы узнали какая страшная приготовляется противъ Россіи коалиція, какихъ могущественныхъ союзниковъ будетъ имѣть Турція въ войнѣ съ Русскими, и какъ вообще трудно будетъ Россіи вести предстоящую войну. Послѣ одной поѣздки онъ разказывалъ, напримѣръ, что когда князь Меншиковъ прибылъ въ Константинополь, то султанъ, не желая его видѣть, притворился больнымъ и до тѣхъ поръ его не принималъ, пока не пріѣхали посланники изъ Франціи и Англіи; что эти посланники сказали султану: „если хочешь воевать, начинай,—мы давно ждемъ этой поры и тебя не выдадимъ“; что султанъ все еще колебался, но что всѣ министры и весь народъ настоятельно требуютъ отъ Абдулъ-Меджида войны и угрожаютъ въ случаѣ несогласія низложеніемъ съ престола и возведеніемъ на его мѣсто Абдулъ-Ази-

---

Бѣляевымъ познакомился осенью 1852 г., когда онъ взялъ Георгіевскій островъ на откупъ. Видѣлся съ нимъ въ Журиловкѣ, куда привезъ мнѣ боченокъ зернистой икры и далъ нѣсколько денегъ на поминъ своего семейства. Приходилъ ко мнѣ въ келью; останавливался въ Журиловкѣ у Осипа Семенова.“

са. Въ другой разъ онъ привезъ переведенную на русскій языкъ выписку изъ какой-то французской газеты, гдѣ говорилось, что Наполеонъ III пожертвовалъ Туркамъ для войны противъ Русскихъ 40.000 ружей и подарилъ польскому выходцу графу Потоцкому штагу, на одной сторонѣ которой вырѣзанъ французскій гербъ и надпись: „честь и вольность“, а на другой — гербъ польскій и надпись: „за отечество и вѣру“. * Когда между некрасовскими политиками заходила рѣчь объ Австріи, приметъ ли она участіе съ прочими великими державами въ войнѣ противъ Русскихъ, то Гончаровъ, со словъ Жуковскаго, увѣрялъ рѣшительно, что „Австрія обманетъ Россію“; а о Французахъ и Англичанахъ передавалъ рѣчи того же Жуковскаго, что „пусть только они высадятъ въ Ригѣ 10.000 войска, къ нимъ немедленно явится на подмогу 100.000: тогда увидятъ, что будетъ въ Польшѣ и съ Россіей.“

Скоро слухи и толки о войнѣ должны были перейдти въ дѣйствительность: русскія войска заняли Княжества и готовились къ переправѣ черезъ Дунай. Пришло время испытать на самомъ дѣлѣ преданность раскольниковъ турецко-польскому дѣлу и готовность служить противъ Россіи, которыя такъ усердно и искусно старались возбудить въ нихъ. Садыкъ-паша, въ качествѣ давнишняго благопріятеля и благодѣтеля Некрасовцевъ, самъ явился набирать изъ нихъ отрядъ для турецкой арміи, причемъ, само собою разумѣется, Гончаровъ служилъ ему необходимымъ и дѣятельнымъ помощникомъ. Нельзя думать, чтобы личное участіе Садыкъ-паши и самого Гончарова въ этомъ дѣлѣ могло принести ему особенную пользу, или обезпечить несомнѣнный успѣхъ. Чайковскій пользовался большимъ уваженіемъ у Гончарова. Лаврентьевскаго Аркадія и другихъ подобныхъ лицъ, на которыхъ дѣйствительно и могъ имѣть сильное вліяніе; но въ массѣ раскольничьяго населенія Турціи авторитетъ его былъ не весьма значителенъ. Некрасовцы, народъ грубый и невѣжественный, мало цѣнили, да и не были способны оцѣнить нѣжную заботливость объ нихъ этого благодѣтеля изъ „нехристей“, и по свидѣтельству знающихъ людей, даже очень подозрительно и весьма неблагосклонно смотрѣли на самого

* Аркадій говорилъ, что онъ самъ читалъ привезенную Гончаровымъ выписку.

Гончарова — именно по причинѣ его слишкомъ тѣсныхъ связей съ Турками и польскими выходцами, планы которыхъ были совершенно непонятны для нихъ, и которыхъ они считали едва ли не хуже Турокъ; по крайней мѣрѣ тотъ знакъ отличія, который полученъ былъ Гончаровымъ за его усердіе къ дѣлу польской пропаганды, они серіозно считали какимъ-то масонскимъ знакомъ, — а хуже масонства они не могли уже ничего представить. Если формированіе казачьяго отряда изъ Некрасовцевъ шло успѣшно, то вопервыхъ потому, что Некрасовцы, въ силу давнихъ условій съ турецкимъ правительствомъ и въ силу коренныхъ казацкихъ обычаевъ, вынесенныхъ изъ Россіи и завѣщанныхъ самимъ атаманомъ Некрасовымъ, считаютъ себя обязанными въ военное время поставлять на службу молодыхъ людей изъ своего общества; вовторыхъ— вслѣдствіе тѣхъ воинственныхъ наклонностей, которыми вообще отличаются потомки Некрасовской дружины. Нельзя отрицать и того, что старая вражда къ русскому правительству, искусно подогрѣтая въ послѣднее время, также привела не мало отчаянныхъ головъ въ отрядъ Чайковскаго, трудъ котораго собственно и состоялъ въ наборѣ охотниковъ изъ этой вольницы. * При всемъ томъ, составленный изъ Некрасовцевъ казачій отрядъ былъ незначителенъ по числу людей, а одѣтъ и вооруженъ былъ довольно плохо, на счетъ самихъ раскольничьихъ обществъ. ** Когда отрядъ Чайковскаго былъ окончательно устроенъ и готовъ былъ отправиться въ походъ, архіепископъ славскій Аркадій (первый), по обычаю, отслужилъ торжественный молебенъ, окропилъ всѣхъ находившихся въ строю освященною водой, и благословилъ на ратное дѣло.

Въ то же время турецкое правительство предложило Некрасовцамъ, не пожелаютъ ли они переселиться на время куда-нибудь подальше отъ театра начавшейся войны. Это переселеніе предлагалось, конечно, въ видахъ обезопасенія раскольничьихъ семействъ отъ бѣдствій непріятельскаго нашествія и какъ новый опытъ заботливости объ нихъ ту-

---

* Аркадій въ Суздалѣ, между прочимъ, объяснилъ: „Чайковскій, по приказанію султана, вербовалъ въ казаки *вольницу*."

** Тотъ же Аркадій въ Кіевѣ объяснилъ: „Къ войнѣ поставленные 200 казаковъ сформированы и снабжены незначительнымъ оружіемъ на счетъ общинъ и учились военному дѣлу сами."

рецкаго правительства; въ сущности же, правительство дѣлало это приглашеніе, какъ и во время прежнихъ войнъ съ Россіей, для своего собственнаго успокоенія, желая удалить отъ неизбѣжнаго сношенія съ Русскими людей, имѣющихъ съ ними слишкомъ много родственной связи и на преданность которыхъ оно, какъ видно, мало надѣялось и теперь. Такая именно цѣль довольно ясно обнаружилась въ томъ замѣчательномъ обстоятельствѣ, что къ переселенію изъ Добруджи старались особенно склонить и даже, какъ увидимъ, принудить силою высшее раскольничье духовенство, самихъ некрасовскихъ архіереевъ: примѣромъ ихъ, конечно, хотѣли подѣйствовать на другихъ, и во всякомъ случаѣ разчитывали, что ихъ пребываніе между Турками будетъ служить ручательствомъ за вѣрность турецкому правительству и всего общества Некрасовцевъ, тогда какъ, напротивъ, можно было опасаться, что оставаясь въ мѣстахъ занятыхъ Русскими и войдя въ близкія съ ними сношенія, раскольничьи епископы легко могутъ своимъ примѣромъ и вліяніемъ увлечь и всѣ некрасовскія населенія къ дѣйствіямъ, невыгоднымъ для Турокъ. Дѣйствительно ли по чувству кровнаго родства съ Русскими, которое такъ тревожило турецкія власти, по нежеланію ли разстаться съ своими домашними очагами, или по чему другому, только Некрасовцы не обнаружили большой готовности къ переселенію предъ ожидаемымъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Добруджу; и всего менѣе расположенъ былъ къ тому самъ архіепископъ славскій, Аркадій. Но чтобы тѣ семейства, которыя изъявили готовность переселиться, не остались во время странствія безъ высшаго духовнаго пастыря и не имѣли повода за это сѣтовать на него, онъ рѣшился поставить для нихъ особаго, новаго епископа. Тогда-то (именно 1-го января 1854 г.), по усильной просьбѣ Гончарова, онъ поставилъ въ архіереи столь часто упоминаемаго нами инока Аркадія Лаврентьевскаго, котораго при поставленіи назвалъ „епископомъ странствующихъ христіанъ“. * Цѣлую зиму просбирались въ путь и тѣ изъ Некрасовцевъ, которые рѣшились бѣжать отъ Русскихъ. Они тогда только пустились въ путь, когда изъ ту-

* Въ этомъ случаѣ Аркадій дѣйствительно уступилъ лишь настоятельнымъ просьбамъ Гончарова, который указывалъ при томъ

рецкой арміи дано было знать, что русскія войска перешли уже черезъ Дунай. Это было въ первыхъ числахъ марта мѣсяца. Турецкій офицеръ съ конвоемъ солдатъ прискакалъ и въ Славскій скитъ, чтобы взять архіепископа съ двумя другими архіереями и также немедленно выпроводить изъ Добруджи. Архіепископъ Аркадій, какъ мы сказали, не намѣренъ былъ оставлять своего постояннаго мѣстопребыванія; онъ объявилъ офицеру, что по причинѣ разныхъ лежащихъ на немъ обязанностей и по слабости здоровья онъ ѣхать не можетъ. Но посланный, очевидно, имѣлъ относительно Аркадія самыя точныя и ясныя приказанія; онъ не принялъ во вниманіе никакихъ отговорокъ и требовалъ безпрекословнаго повиновенія. Тогда Аркадій, чтобъ избавиться отъ такого принужденія, употребилъ хитрость: подъ предлогомъ необходимыхъ дорожныхъ сборовъ, онъ вышелъ изъ комнаты и скрылся въ одной изъ отдаленныхъ монастырскихъ келій, гдѣ Турки не могли отыскать его. * Офицеру пришлось отправиться въ путь съ однимъ только недавно поставленнымъ епископомъ странствующихъ христіанъ, такъ какъ третьяго епископа, Алимпія Тульчинскаго, въ Славскомъ скиту въ ту пору не было, а находился онъ по нѣкоторымъ дѣламъ въ Тульчѣ, гдѣ у него былъ и собственный домъ.

По переходѣ чрезъ Дунай войска наши, какъ извѣстно, заняли тѣ самыя мѣста, гдѣ находятся главныя поселенія

на особенныя, трудныя обстоятельства времени, дозволяющія якобы отступленіе отъ правилъ; самъ же онъ видѣлъ законное препятствіе къ поставленію Аркадія Лаврентьевскаго въ томъ обстоятельствѣ, что у этого послѣдняго была жена, которая вступила съ нимъ въ бракъ, будучи вдовою. На этомъ основаніи еще Амвросій призналъ невозможнымъ произвести его въ епископы, и вообще на священныя степени, когда въ числѣ кандидатовъ на епископство представленъ былъ задунайскими раскольниками и этотъ Аркадій.

* Такъ именно передавалъ всѣ эти подробности самъ архіепископъ Аркадій. Вотъ что онъ между прочимъ говорилъ: „въ мартѣ 1854 года, когда начался переходъ Русскихъ за Дунай, прискакалъ въ Славскій скитъ турецкій офицеръ съ конвоемъ, съ такимъ приказомъ, чтобы меня взять и увезти во внутрь Турціи. Не имѣя къ тому желанія, я отговаривался нездоровьемъ, дѣйствительно я былъ слабъ, и иными обязанностями. Но это не имѣло успѣха, и я, показывая видъ, что собираюсь, скрылся

Некрасовцевъ. Здѣсь же, по прибрежьямъ Дуная, происходили большею частію и стычки казаковъ Чайковскаго съ отрядами нашихъ войскъ. Разказываютъ, что Некрасовцы дрались съ своею привычною храбростью и особенно вредили намъ своими неожиданными нападеніями, искусно пользуясь для того совершеннымъ знаніемъ мѣстности засѣвъ въ высокихъ и густыхъ камышахъ, которыми поросли берега Дуная, и въ которыхъ имъ извѣстны были всѣ недоступные другимъ входы и выходы, они подстрѣливали солдатъ, неосторожно приближавшихся къ мѣсту засады. Вообще турецкое правительство не имѣло поводовъ жаловаться на ихъ службу. Что же касается всего остальнаго народонаселенія Добруджи, то въ немъ, конечно, было не безъ людей готовыхъ воспользоваться каждымъ удоб-

---

въ одной изъ отдаленныхъ келій, а Турки, боясь быть захваченными Русскими, отправились безъ меня, захвативъ епископа Аркадія. Алимпій же на ту пору случился въ Тульчѣ.“ Тѣ же обстоятельства Алимпій передавалъ нѣсколько иначе. Онъ говорилъ на допросѣ, что Аркадія понуждали ѣхать не Турки, а сами Некрасовцы, собравшіеся въ путь, и что отъ нихъ-то онъ скрылся. Вотъ слова Алимпія: „Когда начались военныя дѣйствія, то взяли Тульчу, то журиловскіе жители возмутились ѣхать, то пріѣхали въ Славскій монастырь ночью, и взяли своего епископа Аркадія, и хотѣли взять и архіепископа Аркадія, и съ принужденіемъ большимъ, то онъ отъ нихъ скрылся, и уѣхалъ епископъ Аркадій и съ нимъ четыре монаха изъ монастыря, и изъ Журиловки уѣхалъ попъ, который поставленъ 1847 г., и съ ними четыре семьи Журиловцевъ, а прочіе не успѣли выѣхать, остались. А я былъ тогда въ Тульчѣ для исправленія церковныхъ дѣлъ.“ Очевидно, что показаніе самого Аркадія должно имѣть здѣсь гораздо бо́льшую достовѣрность нежели показаніе Алимпія, который зналъ обстоятельства дѣла только по слуху. Но въ обоихъ показаніяхъ важно то особенно, что Аркадій, несмотря на понужденіе и полную возможность бѣжать отъ Русскихъ, предпочелъ остаться на мѣстѣ. Что̀ же побудило его къ этому? Родственное ли расположеніе къ Русскимъ и надежда встрѣтить въ нихъ тоже не враговъ, а людей близкихъ, желаніе ли не разлучаться съ своею паствой и раздѣлить общую съ ней участь, рѣшимость ли вполнѣ вручить судьбу свою волѣ Божіей, или наконецъ все это вмѣстѣ? Дальнѣйшее его поведеніе даетъ поводъ именно къ этому послѣднему предположенію, и во всякомъ случаѣ поступокъ Аркадія, о которомъ говоримъ, обнаруживаетъ въ немъ характеръ достойный уваженія.

нымъ случаемъ, чтобы вредить Русскимъ, и даже самымъ дѣломъ показавшихъ свою непріязнь къ нимъ и вмѣстѣ къ православнымъ подданнымъ Турціи, съ такими отрадными надеждами встрѣтившимъ русскія войска; * едва ли однакоже было бы справедливо сказать, что такая вражда и непріязненность были общею характеристическою чертой въ отношеніяхъ раскольничьяго населенія Добруджи къ русскимъ солдатамъ; преобладающимъ чувствомъ, которое овладѣло Некрасовцами при извѣстіи о переходѣ Русскихъ чрезъ Дунай, былъ скорѣе нѣкоторый страхъ предъ ними и опасеніе кары за измѣну Россіи. Когда же эти опасенія оказались неосновательными, и присутствіе русской арміи не такъ страшнымъ, какъ предполагали, когда увидѣли, что кромѣ неизбѣжныхъ тягостей военнаго времени, никакихъ притѣсненій отъ русскаго солдата они не терпятъ, что напротивъ этотъ послѣдній, услышавъ чистую русскую рѣчь на басурманской землѣ, встрѣчаетъ ихъ какъ земляковъ, невѣдомыми судьбами занесенныхъ въ Туречину, и вообще дружелюбно съ ними обращается: тогда и въ самихъ Некрасовцахъ не могло не пробудиться чувство національнаго родства съ Русскими, подъ вліяніемъ котораго должно было умолкнуть и самое чувство религіозной вражды къ нимъ. Ничего особенно враждебнаго, дѣйствительно, не было замѣчено во взаимныхъ отношеніяхъ между добруджинскими старообрядцами и занимавшими Добруджу нашими войсками, пока одно, прискорбное для старообрядцевъ, обстоятельство не нарушило этихъ мирныхъ отношеній. Мы разумѣемъ неожиданное взятіе и отправленіе въ Россію обоихъ оставшихся въ Добруджѣ раскольничьихъ архіереевъ.

* Напримѣръ, жители раскольничьяго селенія Камень въ это время производили грабежи и разорили православную церковь. Объ этомъ писалъ между прочимъ и Аркадій (второй) въ Бѣлую-Криницу: „съ Камня погнали человѣкъ 20 за разные грабежи и противозаконныя дѣла, есть и добрые люди, но пострадали отъ дураковъ: дураки во время таковыхъ тревогъ разорили надъ Дунаемъ молдавскій монастырь близъ Камня, ограбили утварь, и добрые люди вѣрно принимали отъ нихъ церковныя вещи, за сіе и пострадали (писано отъ 12-го іюня 1854 г.). Неподалеку отъ Константинополя два раскольника также самымъ гнуснымъ образомъ осквернили православную церковь, за что даже турецкимъ правительствомъ были преданы суду.

V.

Аркадій и Алимпій показывали своимъ духовнымъ дѣтямъ примѣръ тѣхъ добрыхъ и мирныхъ отношеній къ русскому войску, о которыхъ мы сейчасъ сказали, чего именно, какъ замѣчено выше, и опасалось турецкое правительство, желавшее увезти ихъ подальше отъ театра войны. Дѣйствительно, оба архіерея вели себя въ отношеніи къ Русскимъ свободно и довѣрчиво, не скрывая ни своего происхожденія, ни своего сана и положенія въ старообрядческомъ обществѣ: а Русскіе, съ своей стороны, не давали имъ никакого повода къ опасеніямъ за свою безопасность. Когда дошелъ до нихъ слухъ, что нѣкоторые изъ военныхъ начальниковъ желаютъ посмотрѣть, какъ совершаютъ они архіерейскую службу, то на Пасхѣ Аркадій съ Алимпіемъ нарочно ѣздили въ Тульчу и тамъ въ присутствіи генерала Ушакова и многихъ русскихъ офицеровъ совершали литургію. Послѣ этого Аркадій просилъ позволенія представиться генералу и поднести по русскому обычаю хлѣбъ-соль. Подъ предлогомъ болѣзни, самъ генералъ къ нему не вышелъ, а поручилъ взять отъ него хлѣбъ-соль своему адъютанту. Обстоятельство это нѣсколько смутило Аркадія, — внушило ему опасеніе, которое въ послѣдствіи оказалось не напраснымъ. Изъ Тульчи онъ благополучно возвратился въ свой Славскій скитъ; но спустя нѣсколько дней послѣ этого, именно вечеромъ 23-го апрѣля, въ Славу пріѣхалъ русскій штабъ-офицеръ съ небольшимъ отрядомъ казаковъ. Остановившись ночевать въ домѣ одного зажиточнаго старообрядца, Василья Спиридонова, онъ среди разговора сообщилъ хозяину, что имѣетъ надобность повидаться съ ихъ архіепископомъ. Спиридоновъ предчувствовалъ, что это свиданіе не кончится добромъ для Аркадія, и ночью же поспѣшилъ увѣдомить его о предстоящей опасности, въ надеждѣ, что онъ воспользуется удобнымъ временемъ и скроется куда-нибудь. Но Аркадій и на этотъ разъ предпочелъ покориться своей участи. Утромъ офицеръ дѣйствительно явился въ скитъ и пригласилъ Аркадія немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Исакчу, для

свиданія съ генераломъ, который будто бы желаетъ съ нимъ поговорить объ одномъ нужномъ дѣлѣ. Аркадій спросилъ только, что̀ можетъ онъ взять съ собой,—и сталъ спокойно собираться. Тогда же приглашенъ былъ въ келью епископъ Алимпій и также получилъ приказаніе немедленно собираться въ путь. Офицеръ приказалъ еще позвать іеромонаха Іакова; но Іаковъ воспользовался удобною минутой и убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ отыскать его не могли. Обоихъ архіереевъ дѣйствительно привезли въ Исакчу; но свиданія съ генераломъ Ушаковымъ они здѣсь не имѣли, а вмѣсто того, посадили ихъ въ приготовленную для каждаго темную кибитку и отправили въ Кіевъ, откуда въ послѣдствіи они и посланы въ Суздальскій Спасоевѳиміевъ монастырь *. Тогда же взятъ былъ и отправленъ въ одномъ экипажѣ съ Алимпіемъ тульчинскій попъ Ѳедоръ, человѣкъ поведенія далеко не безукоризненнаго и даже заподозрѣнный въ дѣланіи фальшивой русской монеты, каковое подозрѣніе въ послѣдствіи оказалось вполнѣ

---

* Вотъ что̀ самъ Аркадій говорилъ о томъ, какъ онъ взятъ былъ изъ Славскаго скита и отправленъ въ Россію: „на Пасхѣ съ Алимпіемъ были въ Тульчѣ, служили: намъ сказали, что желательно господамъ начальствующимъ посмотрѣть службы. Мы дожидались нѣсколько дней въ Тульчѣ позволенія представиться съ хлѣбомъ-солью генералу Ушакову, но не удостоились этой чести по его нездоровью, какъ намъ объявили, что̀ привело насъ въ нѣкоторое сомнѣніе. Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи моемъ въ Славскій скитъ дали мнѣ знать, что прибыли тульчинскій комендантъ Р — й и съ ними 35 человѣкъ команды. Мнѣ посовѣтовали бѣжать, но я предпочелъ остаться и покориться своей участи, какая бы ни ожидала меня. 24-го апрѣля офицеры, придя ко мнѣ, приглашали явиться въ Исакчу, подъ предлогомъ, что генералъ желаетъ поговорить со мной о способахъ къ возврату изъ Турціи уведенныхъ, или ушедшихъ нашихъ единовѣрцевъ. Изъ Исакчи я отправился въ Кіевъ вмѣстѣ съ Алимпіемъ и попомъ Ѳедоромъ.“ Другія подробности мы заимствовали изъ письма Лаврентьевскаго Аркадія въ Бѣлую-Криницу отъ 12-го іюня 1854 года. Письмо это весьма любопытно и по многимъ другимъ извѣстіямъ, которыми мы еще будемъ пользоваться. Въ приложеніяхъ, подъ № 4, печатаемъ его вполнѣ, за исключеніемъ только одного мѣста, содержащаго подробности объ устройствѣ подвижныхъ престоловъ и нѣкоторыхъ церковныхъ вещей, не относящагося къ предмету настоящей статьи и мало интереснаго для читателей.

основательнымъ *. Ѳедоръ былъ отчасти виной и печальной перемѣны въ судьбѣ обоихъ епископовъ, болѣе мѣсяца спокойно проживавшихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими войсками. Есть извѣстіе, что у него возникло неудовольствіе съ однимъ офицеромъ русской арміи по денежному дѣлу, гдѣ вина была, впрочемъ, не на его сторонѣ, и что въ отмщеніе ему офицеръ обратилъ вниманіе начальства на раскольничьихъ поповъ и архіереевъ въ Турціи, о которыхъ было извѣстно, что они въ сущности бѣжавшіе изъ Россіи русскіе подданные **. Дѣйствительно ли два раскольничьи епископа взяты были только по интригамъ и вслѣдствіе мелкой притязательности нѣкоторыхъ военныхъ чиновниковъ, или же главному начальнику отряда, расположеннаго въ Добруджѣ, даны были на этотъ счетъ прямыя приказанія отъ высшаго начальства,—сказать рѣшительно мы не можемъ, за неимѣніемъ точныхъ извѣстій; но во всякомъ случаѣ, взятіе двухъ раскольничьихъ архіереевъ было событіемъ, сильно поразившимъ некрасовскія населенія и рѣшительно измѣнившимъ ихъ отношенія къ расположенному среди нихъ русскому войску. Это событіе распространило большой страхъ между старообрядцами и пробудило сильный ропотъ противъ русскаго правительства, ропотъ, котораго только изъ стра-

* Спустя два года по взятіи попа Ѳедора, въ домѣ его случайнымъ образомъ отысканы были фальшивые русскіе императоры. Объ этомъ обстоятельствѣ Аркадій (второй) извѣщалъ тогда митрополита Кирилла, причемъ требовалъ отъ него совѣта, какъ надобно судить о поступкѣ Ѳедора, и вмѣстѣ предлагалъ собственное мнѣніе по сему случаю. Печатаемъ и это письмо, также не лишенное значенія, въ приложеніи подъ № 5. Кстати замѣтимъ здѣсь, что Ѳедоръ въ послѣдствіи возвратился на родину, но вскорѣ по возвращеніи сошелъ съ ума.

** Изъ нѣкоторыхъ документовъ видно, что одинъ офицеръ забралъ у Ѳедора значительный запасъ сѣна, въ полной увѣренности, что этотъ послѣдній не станетъ требовать съ него платы; но Ѳедоръ вовсе не намѣренъ былъ терпѣть убытки и слѣдующихъ ему денегъ потребовалъ. За такую обиду офицеръ пригрозилъ отмстить Ѳедору, что̀ и привелъ въ исполненіе. Другой, болѣе значительный, офицеръ желалъ получить съ раскольниковъ деньги за сохраненіе въ безопасности ихъ архіереевъ, но Некрасовцы удовлетворить его желаніе не могли, или не хотѣли, а сдѣланный самимъ Аркадіемъ подарокъ (15 червонцевъ) казался ему слишкомъ ничтожнымъ. Достойно замѣчанія, что взять Аркадія явились именно оба эти офицера.

ха не смѣли выражать громко; стали жалѣть, что не воспользовались предложеніемъ турецкихъ властей заблаговременно уйдти подальше отъ театра войны и что слишкомъ понадѣялись на родственныя чувства Русскихъ; нѣкоторые даже теперь, несмотря на явную опасность, рѣшались бѣжать къ своимъ „странствующимъ“ братьямъ,—бросали все имущество и на маленькихъ лодкахъ, съ женами и грудными дѣтьми, пускались въ открытое море, такъ что Англичане, наблюдавшіе за ними съ своихъ кораблей, приходили въ изумленіе отъ такой отчаянной отважности *. Особенно встревожилось раскольничье духовенство: попы, дьяконы, простые монахи бѣжали въ лѣса и камыши искать себѣ убѣжища. Тревога распространилась до самой Бѣлокриницкой митрополіи. И здѣсь считали себя не безопасными, слыша о первоначальныхъ успѣхахъ русскаго оружія и о томъ, что̀ постигло задунайскихъ епископовъ. Кириллъ извѣщалъ Аркадія, епископа странствующихъ христіанъ, что его, Кирилла, „обдержитъ недоумѣніе и опасность“, и что онъ помышляетъ на случай нужды о надежномъ убѣжищѣ.** Теперь у Некрасовцевъ не могло быть и рѣчи о пріязненныхъ отношеніяхъ къ Русскимъ, и если они не отваживались явно вредить имъ, то втайнѣ готовы были сдѣлать всякую непріятность. Вообще взятіемъ двухъ раскольничьихъ епископовъ оказана была съ нашей стороны немаловажная услуга турецкому правительству; мы помогли ему достигнуть того, о чемъ само оно усердно, но безуспѣшно заботилось передъ этимъ: удалили отъ Некрасовцевъ ихъ духовныхъ владыкъ, которые могли бы имѣть и дѣйствительно имѣли не малое вліяніе на установленіе ихъ добрыхъ къ намъ отношеній, и этимъ самымъ сдѣлавъ имъ чувствительнѣйшую обиду, пробудили въ нихъ старую, готовую заглохнуть вражду противъ насъ. А было ли удобно возбуждать такую непріязненность въ населеніи, съ которымъ наши войска должны были входить въ неизбѣжныя сношенія, и выгодно ли было вообще въ интересахъ Россіи,—понять не трудно; еще болѣе понятно, что взятіемъ двухъ заграничныхъ раскольничьихъ архіереевъ не могло быть сдѣлано никакого ущерба расколу ни за границей, ни въ Россіи; напротивъ, только давался поводъ къ упро-

* См. въ приложеніи письмо Аркадія, № 5.

** Тамъ же.

ченію его и тамъ и здѣсь: архіереевъ у заграничныхъ раскольниковъ не убыло,—кромѣ возвратившагося въ Славскій скитъ епископа странствующихъ христіанъ, у нихъ явился еще новый архіерей, третій Аркадій, названный архіепископомъ Васлуйскимъ и поставленный Кирилломъ именно въ взамѣну взятыхъ (12-го августа 1854 г.)*; а взятые и для заграничныхъ, и для русскихъ старообрядцевъ получили авторитетъ страдальцевъ за вѣру и своею судьбой постоянно напоминали имъ о долгѣ какъ можно крѣпче держаться этой, гонимой въ лицѣ ихъ вѣры **.

А между тѣмъ, въ то самое время какъ взятіемъ двухъ епископовъ распространенъ былъ между старообрядцами въ Добруджѣ такой страхъ и такой затаенный ропотъ противъ Русскихъ, турецкое правительство, съ своей стороны, оказывало всевозможные знаки вниманія тѣмъ изъ добруджинскихъ раскольниковъ, которые приняли его предложеніе переселиться на время поближе къ Константинополю. Выше было замѣчено, что немногія некрасовскія семейства рѣшились отправиться въ странствіе съ Аркаліемъ и Гончаровымъ, который, само собою разумѣется, стоялъ во главѣ переселенцевъ, какъ покровитель и ходатай ихъ предъ правительствомъ. Нѣкоторые, совсѣмъ уже приготовившись въ путь, въ самый часъ отъѣзда перемѣнили свое намѣреніе и остались въ родныхъ селеніяхъ, съ которыми для нихъ слишкомъ тяжело было разстаться. Первые переселенцы успѣли забрать съ собой имущество, даже скотъ и хозяйственныя принадлежности. Они спустились по Дунаю на большихъ, приспособленныхъ къ морскому плаванію лодкахъ, называемыхъ *поѣдами*, и направились прямо къ Царьграду. Здѣсь немедленно назначили имъ мѣсто для жительства: Садыкъ-паша, продолжая свою роль благодѣтеля Некрасовцевъ, усту-

---

* Въ отмщеніе за взятіе Аркадія и Алимпія въ Бѣлой-Криницѣ хотѣли поставить даже нѣсколькихъ новыхъ епископовъ, для чего имѣли въ виду между прочимъ иноковъ Павла и Симеона, и только нѣкоторыя изъ болѣе благоразумныхъ лицъ успѣли отклонить бѣлокриницкія власти отъ этого намѣренія.

** Вскорѣ послѣ взятія Аркадія и Алимпія у раскольниковъ явилась составленная въ честь ихъ стихира, которая начиналась такъ: „Пріидите братія и сестры, дадимъ послѣднее поклоненіе любимымъ нашимъ пастырямъ, архіепископу Аркадію и епископу Алимпію, себе отъ насъ отлучаются и яко птица на небо возлетаютъ“ и т. д.

пилъ для переселенцевъ одинъ изъ принадлежавшихъ ему чифликовъ (хуторъ), гдѣ они могли удобно расположиться и въ продолженіе лѣта заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; * а на осень и зимнее время имъ назначенъ былъ для жительства Еносъ, достопамятный для нихъ, между прочимъ, какъ мѣсто родины Амвросія: здѣсь, при лиманѣ, они могли въ теченіе осени съ полнымъ удобствомъ заниматься рыбными ловлями, своимъ обычнымъ ремесломъ. Къ нимъ присоединилось потомъ нѣсколько новыхъ выходцевъ, поспѣшно бѣжавшихъ изъ Добруджи, послѣ взятія архіереевъ, распространившаго такое смятеніе между Некрасовцами. Они принесли съ родины печальные разказы о томъ, что̀ тамъ происходитъ, — „какъ отцы скорбятъ, како священницы кроются, какъ ихъ ищутъ, *какъ міръ стонетъ* и бѣжанію время миновало“; а „странниковъ“ нашли удобно устроившихся на привольномъ мѣстѣ и жившихъ очень спокойно. Заботы султанскаго правительства о добруджинскихъ выходцахъ не ограничились однимъ выборомъ и назначеніемъ удобныхъ мѣстъ для ихъ поселенія: оно старалось чрезъ Аркадія и Гончарова узнавать объ ихъ нуждахъ и изъявляло полную готовность удовлетворять всѣ ихъ желанія, такъ что, по словамъ Аркадія, имъ нужно было только сказать, кому слѣдуетъ, чтобы получить какое-либо мѣсто въ свое полное владѣніе. Гончаровъ часто ѣздилъ въ Константинополь, то по своимъ дѣламъ, то за разными порученіями отъ правительства; ** иногда сопровождалъ его

* Въ письмѣ Аркадія (см. приложеніе № 4) сказано: „Мы находимся на чифлику *одного паши*“; по свидѣтельству инока Онуфрія, это былъ именно Садыкъ-паша.

** Есть извѣстіе, что Гончаровъ, по порученію Омеръ-паши, исполнялъ иногда должность шпіона; его употребляли между прочимъ „для разузнанія направленія умовъ въ болгарскихъ селеніяхъ, для чего Гончаровъ, дабы сблизиться съ Болгарами, одѣвался въ мундиръ русскаго офицера“ (донес. новороссійскаго губернатора). За свои услуги турецкому правительству во время послѣдней восточной войны Гончаровъ получилъ отъ султана орденъ, которымъ весьма гордится. Разказываютъ, что одному весьма значительному лицу изъ Русскихъ, спросившему, за что̀ онъ получилъ орденъ, Гончаровъ съ наглостью отвѣтилъ: „за то наградили насъ, что не пустили въ Константинополь васъ“. Турецкій вельможа, бывшій при этомъ, будто бы пришелъ отъ такого отвѣта въ величайшій восторгъ и назвалъ Гончарова молодцомъ.

въ столицу и Аркадій. Здѣсь-то приходилось имъ видѣть самую предупредительную внимательность отъ высшихъ правительственныхъ лицъ имперіи. Однажды великій визирь нарочно пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобы лично освѣдомиться, хорошо ли имъ жить и не нуждаются ли въ чемъ-нибудь: милость, которая привела въ изумленіе Турокъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, даже люди порядочные (не абы какіе, по выраженію Аркадія) удивлялись, какъ стало у Аркадія съ Гончаровымъ смѣлости на свиданіе съ такою высокою особой, и говорили, что еслибъ ихъ потребовалъ садразанъ, они умерли бы со страху. Поблагодаривъ его свѣтлость за такое вниманіе и за всѣ милости, оказанныя странникамъ, Гончаровъ воспользовался случаемъ, чтобы предложить визирю одну только просьбу о выдачѣ Аркадію тискаря (паспорта), такъ какъ за поспѣшностью онъ не могъ взять его изъ мѣстнаго управленія: просьба эта имѣла для Аркадія не малую важность: видъ, полученный отъ визиря, за неимѣніемъ ставленной грамоты и даже митрополичьяго свидѣтельства, могъ служить ему на случай документомъ, удостовѣряющимъ въ дѣйствительности его епископскаго сана. Визирь немедленно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тискарь Аркадію былъ приготовленъ, и увѣрилъ, что дня черезъ три можно будетъ получить его. Въ первый же разъ какъ пришлось быть снова въ Константинополѣ, Гончаровъ явился къ визирю напомнить о видѣ для Аркадія, и дѣйствительно получилъ его безъ всякаго замедленія изъ собственныхъ рукъ визиря, имъ самимъ подписанный и скрѣпленный его печатью. Во время этой же поѣздки своей въ Константинополь, Гончаровъ удостоился необыкновенныхъ знаковъ вниманія даже со стороны султана, котораго случайно встрѣтилъ на улицѣ. Султанъ, ѣхавшій въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, самъ замѣтилъ некрасовскаго атамана, и обмѣнявшись нѣсколькими словами съ визиремъ, велѣлъ остановить экипажъ, подозвалъ Гончарова и въ ласковыхъ выраженіяхъ обѣщалъ ему полное свое покровительство.* Вообще, положеніе переселенцевъ было такъ удобно и хорошо, что Аркадій предлагалъ даже митрополиту Кириллу убѣжище у себя на тотъ случай, еслибъ онъ увидѣлъ свое пребываніе въ Бѣлой-Криницѣ не безопаснымъ:

---

* См. письмо Аркадія въ прилож. № 4.

„Если кому судьба приведетъ, писалъ онъ къ Кириллу, можно у насъ пробыть и милость имѣть предъ императоромъ.... Если что Богъ въ васъ устроитъ, или превратитъ вашу судьбу, то первѣе предварите насъ письмомъ, и мы выѣдемъ въ Царьградъ, и будемъ ждать вашего парохода и примемъ васъ въ свою обитель.“ *

Всѣ эти знаки необыкновенной внимательности турецкаго правительства къ раскольникамъ и самой предупредительной заботливости объ ихъ нуждахъ проистекали изъ того же источника, изъ тѣхъ же видовъ и побужденій, какъ и прежнія его милости къ Некрасовцамъ. Теперь даже еще болѣе чѣмъ прежде настояла надобность явить отеческую заботливость о раскольникахъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ некрасовскихъ переселенцевъ, чтобы посредствомъ ихъ поддержать вѣрность турецкому правительству и во всемъ раскольничьемъ населеніи занятыхъ нашими войсками областей. Но эти новыя заботы привязать къ себѣ раскольниковъ, такъ же какъ и прежнія, едва ли принесли бы Туркамъ какую-либо пользу, еслибы мы сами не помогли имъ въ этомъ случаѣ, причинивъ Некрасовцамъ столько огорченія и возбудивъ такое недовольство противъ насъ взятіемъ ихъ архіереевъ. Турецкія власти хорошо поняли выгодную для нихъ сторону этого событія и постарались еще болѣе усилить свою внимательность къ переселенцамъ,** чтобъ еще рѣзче выставить всю противоположность собственныхъ дѣйствій относительно раскольниковъ въ сравненіи съ дѣйствіями русскаго правительства и тѣмъ еще больше привлечь ихъ къ себѣ и вооружить противъ этого послѣдняго — не только на время войны, но и на долгое время послѣ. Разчетъ сдѣланъ былъ довольно вѣрно: приходившіе отъ „странниковъ“ слухи, а потомъ, когда они возвратились изъ странствія, ихъ разказы о свободномъ и безбѣдномъ пребываніи подъ кровомъ благодѣтельнаго оттоманскаго правительства должны были, очевидно, дѣлать еще чувствительнѣе для Некрасовцевъ нане-

---

* Тамъ же.

** Описанные выше случаи такой внимательности къ нимъ со стороны визиря и самого султана происходили именно послѣ взятія Аркадія и Алимпія.

сенную имъ Русскими обиду, о которой они надолго сохранили и, конечно, хранятъ доселѣ горькое воспоминаніе, къ немалой радости и турецкихъ, и польскихъ зложелателей Россіи, столь усердно старающихся поддерживать въ заграничныхъ раскольникахъ враждебныя къ намъ чувства.

VI.

Взятіе двухъ задунайскихъ архіереевъ дѣйствительно осталось у заграничныхъ раскольниковъ самымъ памятнымъ изъ всѣхъ событій послѣдней восточной войны и наравнѣ съ заточеніемъ Амвросія стало служить для нихъ предлогомъ жаловаться на притѣсненія отъ русскаго правительства. Чайковскій и подобные ему зложелатели Россіи не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Будучи не совсѣмъ довольны исходомъ войны и разочаровавшись нѣсколько въ своихъ надеждахъ на сочувствіе и расположеніе къ нимъ всего заграничнаго раскольничьяго населенія, они видѣли нужду снова приняться за старое ремесло наущиванья турецкихъ раскольниковъ на русское правительство и были очень довольны, что одно изъ лучшихъ къ тому средствъ дали имъ сами же Русскіе, отнявъ у раскольниковъ двухъ уважаемыхъ архіереевъ: оставалось только поддерживать въ раскольникахъ тѣ враждебныя чувства противъ Россіи, которыя возбуждены были нанесеннымъ имъ оскорбленіемъ, и съ этою цѣлію поощрять ихъ на разныя безплодныя попытки возвратить изъ Россіи взятыхъ архіереевъ. Подъ вліяніемъ Чайковскаго съ братіей, чрезъ посредство ихъ неизмѣннаго друга и слуги Осипа Гончарова, старообрядцы дѣйствительно поднимали нѣсколько разъ дѣло „о заточенныхъ архипастыряхъ“, обращались съ просьбой о ихъ возвращеніи и непосредственно къ русскому правительству, и чрезъ посредство правительствъ иностранныхъ, въ той вѣренности, что они могутъ будто бы заставить Россію возвратить раскольникамъ ихъ архіереевъ, прибѣгали и къ другимъ не менѣе безполезнымъ средствамъ. Неудачи всѣхъ этихъ попытокъ, хорошо предвидѣнныя таинственными руководителями старообрядцевъ, только питали и поддерживали въ послѣднихъ раздраженіе противъ

русскаго правительства, что̀ собственно и было желательно для помянутыхъ руководителей. Въ собственноручныхъ письмахъ Аркадія, которыя по возвращеніи изъ „странствія“ писалъ онъ довольно нерѣдко въ Бѣлую Криницу, и въ разныхъ другихъ документахъ нашли мы извѣстія, по которымъ можно составить понятіе о ходѣ этихъ раскольничьихъ попытокъ возвратить на свое мѣсто „заточенныхъ архипастырей“ и вмѣстѣ перенести свое дѣло, такъ сказать, на судъ Европы.

Въ первое время послѣ того какъ увезены были въ Россію Аркадій и Алимпій, подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній этого сколько неожиданнаго, столько же прискорбнаго для старообрядцевъ событія, являлись между Некрасовцами такіе ревнители древняго благочестія, которые готовы были прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, чтобы только возвратить своихъ „архипастырей“, или по крайней мѣрѣ отмстить тому, кого они считали главнымъ виновникомъ постигшей ихъ бѣды. Садыкъ-паша и Гончаровъ, съ своей стороны, охотно поощряли такихъ ревнителей на самыя безумныя предпріятія, нисколько не рискуя своею личностью въ случаѣ ихъ неуспѣха, и напротивъ ожидая очень многаго, еслибы подобныя предпріятія могли удаться. Въ томъ же 1854 году, когда взятъ былъ Аркадій съ Алимпіемъ, нѣсколько отчаянныхъ раскольниковъ отправились изъ Турціи въ Россію съ намѣреніями въ высшей степени преступными: они должны были, повидавшись съ плѣнными архіереями въ Москвѣ, отправиться оттуда въ Петербургъ и выжидать случая, чтобы привести въ исполненіе чудовищный замыселъ цареубійства.... Въ Турціи снабдили ихъ нужными документами и деньгами, обѣщая, кромѣ того, денежное и всякое пособіе отъ русскихъ раскольниковъ: съ этою цѣлію Гончаровъ далъ имъ рекомендательныя письма къ богатѣйшимъ и болѣе вліятельнымъ между раскольниками лицамъ, а Садыкъ-паша обѣщалъ чины, почести и богатство предводителю этихъ отчаянныхъ головъ, если онъ возвратится въ Турцію, удачно исполнивъ главное предпріятіе, которое, какъ видно, особенно нравилось благородному пашѣ. Въ преступный замыселъ цареубійства изъ русскихъ старообрядцевъ посвященъ былъ одинъ только Никита Бѣляевъ; къ нему, какъ надобно полагать, раскольничьи эмиссары заѣзжали въ Измаилъ на

пути въ Россію, и на его имя условлено было пересылать письма изъ Россіи въ случаѣ надобности. По крайней мѣрѣ у Бѣляева, во время обыска, найдено было письмо одного изъ этихъ эмиссаровъ, какого-то Стефана. Изъ этого письма можно получить понятіе объ ихъ намѣреніяхъ и планахъ.

Въ письмѣ говорилось между прочимъ: „когда мы были въ (Москвѣ), видали тамъ нашихъ узниковъ, ане (они) какъ тіе (тіи) агци (агнцы) готовы положить животъ свой за Христа и вѣру готовіе въ пичи огнени (?). Мочи нѣтъ доліе хранить все. А когда придетъ часъ умереть, тогда помянуть насъ сорокоустомъ. Ираклъ (sic) * нашъ уже въ Питери, онъ хорошо выполнитъ всіо; онъ пріидетъ вездѣ; ему обѣщаны большія милости *пашею*, а когда онъ самъ живъ возвратится, то ему чинъ, почести и богатства велики дадуть. Нужна лишь смерть....; его не будетъ, все пойдетъ благо, и козлы уймутся. Когда Ираку Господь не поможетъ, то Василій успѣетъ, аль Ѳедоръ. Они въ Москвѣ у первыхъ вельможъ (?) ужь бываютъ. Гончаровъ имъ письма далъ, а о деньгахъ всѣ міромъ мулятъ, ** гдѣ ни зайдутъ они, вездѣ мулятъ, и я, благодаря Бога, имѣю ужь довольно и нашимъ узникамъ пособлю. Что у васъ слышно, пиши чрезъ Димитрія. Богомолецъ Стефанъ.“

Съ помощью денегъ и при содѣйствіи разныхъ покровителей, некрасовскіе выходцы успѣли-таки увидѣть своихъ плѣнныхъ архіереевъ; что же касается ихъ главнаго предпріятія, то, какъ само собою понятно, они не могли привести въ исполненіе этого чудовищнаго дѣла, какъ ни были увѣрены въ успѣхѣ,— и что сталось потомъ съ таинственнымъ Иракомъ и его товарищами,—намъ неизвѣстно. Но тотъ фактъ, что Садыкъ-паша и Гончаровъ отправляли въ Россію Некрасовцевъ-раскольниковъ совершить гнуснѣйшее изъ преступленій, не подлежитъ сомнѣнію и падаетъ темнымъ пятномъ на современную исторію раскола. Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, этотъ фактъ особенно важенъ какъ доказательство того, какъ были оскорблены заграничные раскольники взятіемъ ихъ архіереевъ и на какія отчаянныя средства они были готовы,

---

* Слѣдуетъ читать, вѣроятно, *Имрка*, то-есть имя рекъ,—лицо, извѣстное тому, къ кому письмо писано.

** Проѣятъ.

чтобы только освободить ихъ, или по крайней мѣрѣ отмстить за нихъ.

Между тѣмъ ходъ военныхъ дѣйствій становился болѣе и болѣе для насъ невыгоднымъ. Послѣдовала кончина императора Николая I. Открылись переговоры о мирѣ. Все это — и наши военныя неудачи, и неожиданная кончина государя, и невыгодныя для Россіи условія Парижскаго трактата, принято было съ радостью заграничными раскольниками и внушило имъ надежду, что теперь, при помощи турецкаго правительства и прочихъ иностранныхъ державъ, не трудно будетъ возвратить изъ Россіи взятыхъ въ Добруджѣ архіереевъ. Гончаровъ отправился хлопотать по этому дѣлу въ Константинополь. Онъ подалъ на имя визиря прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что правительство турецкое имѣетъ полное право требовать отъ Россіи взятыхъ во время войны, но состоящихъ въ его подданствѣ, раскольничьихъ архіереевъ. Ему обѣщано было, что Порта не оставитъ дѣла безъ вниманія и войдетъ по этому предмету въ сношенія съ русскимъ правительствомъ, и именно обѣщано, что дѣло это можетъ устроить отправляющійся въ Россію, для присутствія на коронаціи Государя Императора, турецкій посланникъ. Гончаровъ питалъ полную надежду на успѣхъ, и чтобъ удобнѣе слѣдить за ходомъ дѣла, почти поселился въ Константинополѣ. Въ концѣ 1856 г. онъ извѣщалъ своего друга Аркадія, что удалось уже возвратить изъ числа взятыхъ въ плѣнъ Некрасовцевъ тринадцать человѣкъ и что онъ надѣется вытребовать и плѣнныхъ архипастырей *. Такія добрыя извѣстія отъ Гончарова пробудили надежду на скорое возвращеніе архіереевъ и во всемъ раскольничьемъ населеніи Добруджи; распространился даже слухъ, что архіереевъ привезли уже въ Одессу и оттуда въ Константинополь. Но скоро пришло отъ Гончарова извѣстіе, что слухъ этотъ ложный, что дѣло о возвращеніи „архипастырей“ встрѣтило даже нѣкоторыя затрудненія и, какъ онъ ни хлопочетъ, медленно подвигается впередъ **. Впрочемъ, онъ не терялъ еще

---

* Письмо Аркадія къ Кириллу отъ 7 го марта 1857 г. „Гончаровъ въ Царѣградѣ, пишетъ, что онъ изъ плѣна вытребовалъ тринадцать человѣкъ, еще требуетъ шестерыхъ, надѣется истребовать и архипастырей.“

** Его же письмо отъ 7-го сентября 1857 г. „Прошла молва, будто нашихъ іерарховъ провезли на Адесъ въ Царь-градъ. Но это

надежды на успѣхъ и все поджидалъ возвращенія изъ Петербурга турецкаго посла, отъ котораго надѣялся получить точныя и рѣшительныя извѣстія относительно своего дѣла.* Наконецъ, возвратился изъ Петербурга и турецкій посланникъ; но привезенныя имъ извѣстія были неутѣшительны для Гончарова и Некрасовцевъ: едва ли даже онъ имѣлъ время и удобство похлопотать предъ русскимъ правительствомъ за раскольничьихъ архіереевъ, если только имѣлъ подобнаго рода порученіе. Тогда Гончаровъ обратился съ новыми настоятельными просьбами о возвращеніи Аркадія и Алимпія къ турецкимъ министрамъ, и они рѣшились начать дѣло по этому предмету обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ. Дѣйствительно, въ концѣ 1857 г., турецкое правительство обратилось къ управлявшему нашею миссіей въ Константинополѣ, г. Бутеневу, съ ходатайствомъ, на основаніи Парижскаго трактата, возвратить Некрасовцамъ взятыхъ во время войны ихъ архіереевъ. Отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ послѣдовалъ отвѣтъ, что Аркадій и Алимпій, какъ русскіе подданные, бѣжавшіе изъ Россіи, не могутъ получить позволенія возвратиться въ Турцію.

Съ этимъ отвѣтомъ Гончаровъ пріѣхалъ въ Журиловку и, казалось бы, долженъ былъ убѣдиться въ совершенной безполезности всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ вытребовать изъ Россіи своихъ плѣнныхъ „архипастырей“. Но отступать предъ такого рода затрудненіями, какъ отрицательный отвѣтъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, вовсе не въ характерѣ Осипа Семеновича Гончарова. Отъ пана Чайковскаго онъ слышалъ нерѣдко, что со времени послѣдней войны голосъ Россіи значительно утратилъ свою силу предъ судомъ общеевропейской политики, и поэтому отвѣтъ русскаго министра вовсе не расположенъ былъ считать окончательнымъ рѣшеніемъ своего дѣла. Онъ пріѣхалъ изъ Царяграда главнымъ образомъ для того, чтобы посовѣтоваться

ложно; только говорятъ, что іерей Ѳеодоръ изъ заточенія бѣжалъ и скоро будетъ къ намъ. А Гончаровъ въ Царѣ-градѣ много хлопочетъ объ нихъ, но безъ успѣха.“

* Его же письмо отъ 6-го ноября 1857 г. „Іосифъ Семеновичъ Гончаровъ изъ Царя-града пишетъ, что съ коронаціи изъ Россіи цареградскаго посланника еще нѣтъ и о заточенныхъ извѣстія нѣтъ никакого.“

о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по общему дѣлу съ другомъ своимъ, епископомъ Аркадіемъ, дипломатомъ не менѣе опытнымъ, какъ и самъ Гончаровъ. На общемъ совѣтѣ они признали за лучшее перенести свое дѣло на судъ Европы, сдѣлать изъ него въ нѣкоторомъ родѣ международный вопросъ. По мнѣнію Гончарова, слѣдовало непосредственно обратиться къ главному рѣшителю всѣхъ европейскихъ вопросовъ—императору Наполеону III; но такъ какъ дѣло касалось лицъ духовныхъ, имѣло отчасти церковный характеръ, то Аркадій, кромѣ того, призналъ за нужное перенести его и на судъ Пія IX, котораго, какъ надобно полагать, готовъ былъ признать въ настоящемъ случаѣ такимъ же главой и верховнымъ судіей по дѣламъ церковнымъ, какимъ Гончаровъ почиталъ Наполеона въ области всемірной дипломатіи. Но планъ этотъ, своею грандіозностью, еще нѣсколько смущалъ журиловскихъ политиковъ; они разсудили, что къ нему нужно будетъ прибѣгнуть какъ къ послѣднему уже средству, а прежде слѣдуетъ испытать другія, не столь рѣшительныя. Именно, они рѣшились напередъ обратиться къ великому визирю съ новымъ прошеніемъ, чтобъ онъ отправилъ въ Петербургъ особо-уполномоченнаго чиновника ходатайствовать объ освобожденіи епископовъ непосредственно передъ самимъ Государемъ Императоромъ. Съ этою цѣлію и Гончаровъ, и Аркадій вмѣстѣ поѣхали въ Константинополь. Кромѣ главнаго дѣла, имѣли они въ виду лично ходатайствовать предъ визиремъ о выдачѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ документовъ, частію утраченныхъ во время войны. Было и еще обстоятельство, по которому они желали имѣть личное объясненіе съ визиремъ: оно касалось Бѣлокриницкой митрополіи и вообще раскольничьяго духовенства въ Австріи.

VII.

Бѣлокриницкіе иноки, съ того времени какъ подъ защитой „новодарованной конституціи“ открыли свой запечатанный монастырь, жили очень спокойно, не думая стѣсняться существующими законами Австрійской имперіи и не слишкомъ заботясь даже о точномъ исполненіи утвержденныхъ императоромъ правилъ, на которыхъ первоначально дозволено существова-

ніе ихъ іерархіи. Успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ и слухи объ увезенныхъ оттуда епископахъ, при недостаточно опредѣлившихся отношеніяхъ Австріи къ воюющимъ сторонамъ, какъ мы видѣли, навели было тревогу и на бѣлокриницкихъ обитателей, такъ что Кириллъ даже помышлялъ о болѣе безопасномъ мѣстѣ, куда бы могъ въ случаѣ нужды удалиться изъ своей митрополіи. Но эти страхи и опасенія скоро миновались; напротивъ, достигшіе до Бѣлой-Криницы слухи о нашихъ военныхъ неудачахъ породили и тамъ надежду— нельзя ли извлечь какую-либо пользу для митрополіи изъ стѣсненнаго положенія Россіи, съ которою и само австрійское правительство, столь многимъ ей обязанное не задолго передъ этимъ, поступило такимъ вѣроломнымъ образомъ. Въ Бѣлой-Криницѣ есть свой Гончаровъ, такой же охотникъ и искусникъ хлопотать по всевозможнымъ дѣламъ, особенно по дѣламъ дипломатическаго свойства, — хорошо знакомый читателямъ инокъ Алимпій. Онъ сейчасъ сообразилъ, что настала удобная пора возобновить старые, неконченные счеты съ русскимъ правительствомъ. Поднять дѣло объ Амвросіи было неудобно, такъ какъ дѣло это рѣшено было самимъ австрійскимъ правительствомъ, — да и хлопотать о возвращеніи Амвросія не было особенной надобности, оно не обѣщало особенной пользы. Гораздо интереснѣе было дѣло о задержаніи Геронтія со всѣми находившимися при немъ денежными и другими пожертвованіями русскихъ раскольниковъ для Бѣлой-Криницы (болѣе 15 тыс. руб.). Это забытое дѣло Алимпій и рѣшился возобновить, пользуясь, какъ онъ полагалъ, благопріятными обстоятельствами, когда австрійское правительство можетъ обращаться къ русскому съ требованіями болѣе настоятельными чѣмъ прежде. И дѣйствительно, въ то самое время какъ Гончаровъ хлопоталъ чрезъ турецкое министерство о возвращеніи задунайскихъ епископовъ изъ Россіи, Алимпій, отъ имени всего бѣлокриницкаго братства, подалъ въ Серетѣ форштеру Войнаровичу прошеніе о понужденіи русскаго правительства къ скорѣйшему возвращенію задержаннаго въ Россіи настоятеля ихъ, архимандрита Геронтія, со всѣми находившимися при немъ деньгами и вещами. Прошеніе составлено было съ большимъ достоинствомъ: Алимпій изложилъ въ немъ довольно подробно обстоятельства дѣла, напомнилъ, сколько разъ безуспѣшно хлопоталъ объ

его рѣшеніи, и въ заключеніе писалъ: „наконецъ гдѣ нынѣ уже искать правосудія недоумѣемъ, или сказать—не знаемъ; но по крайней мѣрѣ просимъ извѣстить насъ, въ живыхъ ли онъ (т.-е. Геронтій) еще существуетъ, или уже преселился *къ лику прежнихъ страдальцевъ* въ безконечный покой будущихъ воздаяній“ *. Но прошло болѣе года,—и никакого отвѣта на прошеніе не было; послѣдовалъ наконецъ и отвѣтъ, но вовсе не такой, какого надѣялся Алимпій съ братіей: и о Геронтіѣ, такъ же какъ о задунайскихъ епископахъ, русское правительство отозвалось, что онъ и прочіе съ нимъ „возвратиться въ Австрію не могутъ по причинѣ показанія ихъ въ Россіи своего рожденія“.**

Такимъ образомъ новый дипломатическій походъ Алимпія Милорадова противъ Россіи оказался столь же неудаченъ какъ и прежніе. А между тѣмъ, Бѣлокриницкую митрополію, интересы которой онъ такъ горячо защищалъ предъ австрійскимъ правительствомъ, въ скоромъ времени ожидала серіозная опасность со стороны этого самаго правительства. Упомянутый выше форштеръ Войнаровичъ былъ человѣкъ вовсе не расположенный смотрѣть сквозь пальцы на разныя происходившія въ Бѣлой-Криницѣ противозаконности и безпорядки, какъ дѣлали это его снисходительные предшественники. Для него не было секретомъ, что монастырь, въ которомъ свободно отправлялись службы и всѣ монастырскіе порядки, офиціально числился запечатаннымъ; что другой женскій монастырь въ той же Бѣлой-Криницѣ

---

* Прошеніе помѣчено: іюля $^{14}/_{26}$ 1856 года. Вотъ что сказано въ немъ о прежнихъ ходатайствахъ за Геронтія: „Мы подавали $^{12}/_{24}$ іюля и 11-го ноября 1847 года въ И. К. Крайзамтный прейзидіумъ (sic) просьбы о вытребованіи изъ Россіи невинно взятыхъ нашихъ людей съ вещами и при архимандритѣ бывшемъ не маломъ денежномъ количествѣ. На каковыя наши просьбы мы только получили извѣстіе изъ Крайзамта отъ 17-го января 1848 года, что губерніальнымъ декретомъ отъ 10-го декабря 1847 года за № 86.139, чрезъ производство въ дипломатическомъ министерствѣ между имперіями австрійскимъ и русскимъ правительствомъ, ожидать въ терпѣніи конецъ дѣла. Послѣ того мы еще повторяли просьбсю въ губернію въ январѣ мѣсяцѣ 1854 года, но никакого не имѣемъ на то отвѣта“.

** Увѣдомленіе въ Бѣло-Криницкій монастырь изъ Seretskaго бецирксамта отъ 20-го ноября 1857 г. № 1323.

существовалъ, вовсе даже безъ всякаго со стороны правительства дозволенія; что въ оба монастыря свободно принимаютъ всякаго бѣглаго раскольника, не требуя никакихъ видовъ; что въ митрополіи происходятъ посвященія поповъ и даже архіереевъ для заграничныхъ раскольниковъ, вопреки прямому запрещенію правительства. Кромѣ того, онъ былъ крайне недоволенъ, что бѣлокриницкіе иноки и всѣ вообще липованы упорно отказываются отъ подчиненія разнымъ постановленіямъ, признаннымъ необходимыми въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ, какъ-то: не хотятъ заводить метрическихъ записей о родившихся, вступившихъ въ бракъ и умершихъ, считаютъ ненужнымъ обращаться къ гражданской власти за дозволеніемъ совершать браки, хоронятъ умершихъ безъ медицинскаго осмотра и полицейскаго свидѣтельства, упорно отказываются отъ принятія присяги, отъ прививанія оспы, равно и отъ всякихъ медицинскихъ пособій, и т. п. О всѣхъ такихъ безпорядкахъ и отступленіяхъ отъ закона Войнаровичъ доносилъ областному правительству, требуя принять мѣры къ прекращенію ихъ на будущее время, — и вслѣдствіе его донесеній, въ концѣ февраля 1858 года послѣдовало назначеніе въ монастырь слѣдственной коммиссіи, подъ начальствомъ особаго чиновника (актуара) г-на Штокера *. Задолго до

---

* Достойно замѣчанія, что старообрядцы главною причиной бѣды, постигшей тогда Бѣлую-Криницу, почитали собственно упорный отказъ липованъ вести метрическія записи. Въ упорствѣ же этомъ выразились слѣды извѣстной лужковской секты, вліяніе которой простиралось и на нѣкоторыя другія раскольничьи общества за границей. Такъ въ Молдавіи возстаніе противъ метрикъ учинили въ 1862 г. нѣкоторые жители Браилова, Галаца, Хутора, Тятръ и др. раскольничьихъ селеній. Одинъ изъ главныхъ возмутителей, нѣкій Хрипатый, „написалъ двѣ церкви въ лицахъ: первая, которая не приняла метрикъ,—тамъ сидитъ Христосъ и принимаетъ младенца отъ купели, а ангелъ записуетъ въ свиткѣ; вторая, гдѣ приняли метрики,—тамъ сидитъ діаволъ при крещеніи и принимаетъ младенца, а другой діаволъ записываетъ въ свитокъ“ (письмо изъ Кагула къ ясскому протопопу Георгію 9-го мая 1862 г.). Эта дерзкая картина смущала многихъ и вооружала противъ принятія метрикъ. Къ возмутителямъ присоединился и сталъ во главѣ ихъ браиловскій попъ Иванъ Іюдинъ, о которомъ было сказано въ одномъ письмѣ, что на него „надобно непремѣнно соборъ собрать,

прибытія и даже назначенія коммиссіи, въ монастырѣ уже получили извѣстіе о предстоявшей ему бѣдѣ, и все пришло въ страшное смятеніе: еще въ ноябрѣ 1857 года человѣкъ 30 изъ монастырскаго братства, — всѣ которые опасались что не въ состояніи будутъ скрыть свое не-липованское происхожденіе,—поспѣшили убраться изъ Бѣлой-Криницы и большею частію бѣжали въ Молдавію, въ Мануиловскій монастырь, гдѣ это прибытіе заразъ стольких монаховъ также обратило на себя вниманіе правительства и чуть не подвергло бѣглецовъ новой опасности; тогда же намѣстникъ митрополіи Онуфрій, за неспособностію Кирилла распоряжавшійся монастырскими дѣлами, щедрою рукой раздавалъ нескудную монастырскую казну каждому, кто ни попроситъ, и особенно собравшимся въ бѣгство инокамъ, а книги, вещи и всѣ вообще драгоцѣнности старался куда бы то ни было припрятать. Между тѣмъ инокъ Алимпій поскакалъ въ Вѣну, искать защиты въ министеріяхъ отъ притѣсненія мѣстныхъ начальствъ. Здѣсь, при помощи Дворачка, составлено было прошеніе, одинъ экземпляръ котораго Алимпій подалъ министру внутреннихъ дѣлъ, а другой—министру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Въ прошеніи онъ доказывалъ, что въ силу извѣстной привилегіи, полученной отъ императора Іосифа II, липованамъ предоставлена полная религіозная свобода; а такъ какъ оспопрививаніе и другія дѣйствія, требуемыя полицейскою властію, съ ихъ религіей не согласны, то и къ исполненію оныхъ принуждать липованъ незаконно; что монастырь Бѣлокриницкій съ митрополитомъ, его намѣстникомъ и прочимъ духовнымъ чиномъ существуетъ на основаніи декрета, даннаго императоромъ Фердинандомъ I; ста-

---

и аще не примирится ко святѣй церкви, то подобаетъ таковаго послать къ отцу его Іудѣ, иже самого Христа невинно предаде на распятіе“ (письмо Ѳомина къ Кириллу отъ 2-го ноября 1862 г.). Молдавскіе старообрядцы ожидали себѣ также большихъ непріятностей отъ правительства по милости этихъ кривотолковъ, и борьба съ ними тянулась долго: въ концѣ ноября 1862 г. въ Браиловѣ составленъ былъ даже по сему случаю соборъ, подъ предсѣдательствомъ Аркадія Васлуйскаго, на которомъ попъ Иванъ Іудинъ изверженъ былъ изъ сана; но и соборъ не положилъ конца дѣлу о метрикахъ. Въ бѣлокриницкомъ архивѣ есть много любопытныхъ бумагъ относящихся къ этому дѣлу.

рался оправдать и существованіе женскаго монастыря—его религіозными, благотворительными и воспитательными цѣлями. Въ заключеніе онъ писалъ: „да благоволитъ высокое императорско-королевское министерство освободить наши старовѣрческія общества отъ всякаго нововведенія въ существовавшемъ у насъ доселѣ домашнемъ и общественномъ положеніи и въ исполненіи нашихъ религіозныхъ обрядовъ, и уже назначеннаго высокимъ окружнымъ правительствомъ въ Бѣлокриницкій монастырь коммиссара отозвать обратно".

Между тѣмъ этотъ назначенный отъ областнаго правительства коммиссаръ успѣлъ пріѣхать въ Бѣлокриницкій монастырь, вмѣстѣ съ другимъ актуаромъ и довольно значительною свитой. Этотъ г. Штокеръ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ необыкновенно строгаго характера и непреклонной воли, способный однимъ своимъ колоссальнымъ ростомъ и суровою наружностью приводить въ трепетъ подсудимыхъ. Прибывъ въ монастырь, онъ безъ церемоніи занялъ лучшія монастырскія келліи и приступилъ къ слѣдствію. Кириллъ и все монастырское братство пришли въ ужасъ; они придумали одно средство избавиться отъ раззоренія: телеграфировать въ Вѣну къ министру-президенту о притѣсненіяхъ, чинимыхъ монастырю отъ слѣдственной коммиссіи, и просить его защиты. 1-го (13-го) марта Кириллъ отправилъ къбарону Баху длинную депешу, въ которой писалъ между прочимъ: „Въ моихъ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь искать защиты и милости у вашего превосходительства... По распоряженію высокаго буковинскаго правительства, Серетскій бецирксамтъ прислалъ въ Бѣлую-Криницу для устраненія будто бы какихъ-то между нами непозволительныхъ дѣйствій тамошняго актуара Штокера. Этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ другимъ актуаромъ и двумя канцеляристами, съ женами, дѣтьми и прислугой помѣстились въ моемъ и моего намѣстника монастырскомъ домѣ, занявъ притомъ лучшія комнаты, такъ что я и мой намѣстникъ находимся въ великомъ стѣсненіи.... Мы вполнѣ вѣрны нашему отечеству, всѣ требуемыя отъ насъ повинности исполняемъ въ точности и не чувствуемъ за собою никакой вины, за которую должны были бы терпѣть такое притѣсненіе.... Посему покорнѣйше прошу ваше превосходительство избавить насъ отъ незаслуженной нами столь стро-

гой экзекуціи". * Вскорѣ послѣ этого, именно 3-го марта, Кириллъ послалъ жалобу на Штокера и въ областное буковинское управленіе, на имя президента (Bucowinär K. K. Landes President). Туда же (an eine hochlöbliche Bucowinär K. K. Landes-Regierung) отправили прошеніе Липоване—обитатели слободъ Бѣлой Криницы, Климоуцъ, Миттоки-Драгомирны, Лукавецъ и Бергометъ. Они ходатайствовали собственно, какъ значится въ надписи ихъ прошенія, „объ утвержденіи дальнѣйшаго существованія учрежденной въ Бѣлой-Криницѣ богадѣльни для убогихъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ женщинъ", ** то-есть женскаго монастыря, которому они дали невинное названіе богадѣльни. Такъ какъ защитить существованіе женскаго монастыря, основаннаго безъ всякихъ сношеній съ правительствомъ, было особенно трудно, и Штокеръ прежде всего обратилъ вниманіе на это дѣло и уже разогналъ всѣхъ собранныхъ въ монастырѣ женщинъ и дѣвицъ, то бѣлокриницкіе иноки и придумали сдѣлать ходатаями за женскій монастырь депутатовъ отъ самихъ липованскихъ обществъ, какъ будто бы особенно заинтересованныхъ въ существованіи этой общины, которой притомъ дали значеніе собственно благотворительнаго заведенія, только имѣвшаго храмъ для отправленія въ немъ богослуженія (nebst einer Kapellen zur Abhaltung des Gottesdienstes). Описавъ очень краснорѣчиво, какимъ благодѣяніемъ служило для нихъ это учрежденіе, дававшее пріютъ всѣмъ больнымъ, престарѣлымъ и безпріютнымъ женщинамъ, и также сиротамъ-дѣвицамъ, которые пріучались къ трудовой жизни, и какъ жестоко поступилъ съ этимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ уполномоченный отъ Серетскаго бецирксамта актуаръ Штокеръ, мгновенно (augenblicklich) разогнавшій всѣхъ его обитательницъ, депутаты нижайше просили высокославное (hoch-

---

* На спискѣ нѣмецкаго текста телеграммы помѣчено рукой чтеца Ѳеодора (въ послѣдствіи архидіаконъ Филаретъ): „телеграфировано 1-го (13-го) марта 1858 г. 304 слова. Заплачено 45 левовъ сер. конвенц. монетою".

** „Bialokiernitza, Klimoutz, Mitoka-Dragomirna, Lukawetz und Berhometh altglaubige Lipowanergemeinde, nebst ihren Mytropoliten Kiril, bitten um die Genehmigung des für die armen, blinden und arbeitsunfähigen Indiwiduen des weiblichen Geschlechts zu Bialokiernitza errichteten Armenhaus."

löbliche) правительство „предписать кому слѣдуетъ, чтобъ ихъ богадѣленный домъ былъ возстановленъ попрежнему, и впредь не подвергался раззорѣнію, чтобы бѣдныя женщины были возвращены въ ихъ прежній пріютъ, гдѣ онѣ будутъ вести тихую и благочестивую жизнь и ежечасно молить Бога о здравіи всемилостивѣйшаго монарха и ихъ благодѣтелей (und für das Wohlergehen unserer allergnädigsten Monarchen und ihrer Wohlthäter stündlich Gott angefleht haben). *

Въ то же время Алимпій усердно хлопоталъ въ Вѣнѣ. Онъ подалъ министру внутреннихъ дѣлъ новое прошеніе о защитѣ монастыря отъ притѣсненій слѣдственной коммиссіи. Это новое прошеніе, писанное также Дворачкомъ, было составлено весьма искусно. Въ немъ говорилось, что принуждать старообрядцевъ къ принятію какихъ-либо нововведеній значило поступать вопреки всякой справедливости. „Мы, старообрядцы, съ непоколебимымъ постоянствомъ держимся нашихъ вѣками освященныхъ обычаевъ и нравовъ, и никакого нововведенія принять не можемъ, какъ противнаго нашей совѣсти. И поелику у насъ церковная жизнь самымъ тѣснымъ образомъ связана съ жизнью народною,—религія такъ глубоко проникла въ народъ, что его по справедливости можно назвать церковнымъ народомъ (dasselbe ist fürwahr ein kirchisches Volk), то все несогласное съ нашею религіей не согласно и съ обычаями нашей жизни. Высокое правительство всегда уважало наши религіозныя вѣрованія, и мы съ своей стороны никогда не подавали повода упрекать насъ въ чемъ-либо. Трудъ и молитва — вотъ нашъ лозунгъ; вѣрность, покорность и преданность всепресвѣтлѣйшему дому Габсбурговъ—вотъ наши подданническія добродѣтели“ (Arbeit und Gebet ist unsere Losung; Treue, Gehorsam und Anhänglichkeit an das Allerdurchlauchtigste Haus Habsburg sind unsere Unterthanstugenden).... Не взирая на то, высокославное черновицкое мѣстное начальство требуетъ отъ насъ исполненія нѣкоторыхъ полицейскихъ и другихъ распоряженій, которыхъ мы принять не можемъ и къ которымъ въ теченіе семидесятилѣтняго мирнаго и безпрепятственнаго обитанія въ Буковинѣ никогда принуждаемы не были; теперь въ нашъ монастырь присланъ уже одинъ нарочито опредѣленный коммиссаръ и безъ всякаго уваженія къ имѣющимся у

* Прошеніе послано 16-го марта.

насъ величайшимъ привилегіямъ, не принимая въ соображеніе нашего особеннаго положенія и не обращая вниманія на наши религіозныя правила, на наши патріархальные нравы и обычаи, усиливается непремѣнно водворить у насъ разныя нововведенія.“ За тѣмъ слѣдуетъ обстоятельное указаніе причинъ, по которымъ старообрядцы не могутъ принять этихъ нововведеній. Для примѣра укажемъ, что̀ говорится въ прошеніи противъ оспопрививанія и другихъ подобныхъ установленій. „Къ прививанію оспы мы имѣемъ крайнее отвращеніе, и наши религіозныя правила рѣшительно воспрещаютъ намъ всякое смѣшеніе нашей крови съ веществомъ животныхъ (unsere Religionsprincipien verbieten uns ausdrücklich jede Vermischung unseres Blutes mit der animalischen Substanz); а любовь къ порядку, чистота, частое строгое пощеніе удаляютъ отъ насъ всякую болѣзнь, и не было примѣра, чтобъ изъ 2.000 нашихъ единовѣрцевъ кто-либо умеръ отъ оспы. Мы не принимаемъ также никакихъ лѣкарей, ибо, съ одной стороны, мы смотримъ на болѣзнь какъ на посылаемое свыше испытаніе и временное наказаніе, съ другой—исцѣленія болѣзней надѣемся получить не отъ человѣческаго искусства, а отъ Того, котораго неизреченное имя спасло насъ отъ жесточайшей болѣзни прародительскаго грѣха, и котораго неисповѣдимые суды управляютъ и нашею скорбью, и нашею радостью. Столь же мало дозволяютъ намъ правила нашей церкви приносить клятвенную присягу: къ этому обязываетъ насъ заповѣдь Святаго Евангелія: *ей-ей, ни-ни; а что̀ сверхъ сего, то грѣхъ.* * И ни одинъ липованинъ, произносившій: да, да; нѣтъ, нѣтъ, не былъ еще обличенъ во лжи“ (?!). Въ такомъ же родѣ и въ такомъ же тонѣ защищаются далѣе права Бѣлокриницкаго монастыря на существованіе съ архіереями и прочимъ духовенствомъ, а равно основанія, на которыхъ существовалъ монастырь женскій. **

---

* Hierin dient uns die Vorschrift des h. Ewangeliums: „ja-ja, nein-nein, was darüber, ist eine Sünde“. Такимъ образомъ Алимпій въ своемъ прошеніи употребилъ произвольное чтеніе столь извѣстнаго стиха 5 гл. Ев. отъ Матѳея, чего старообрядцы никакъ не простили бы православнымъ. Конечно, съ его стороны это былъ грѣхъ невѣдѣнія.

** Какъ замѣчательный образцикъ дѣловыхъ бумагъ по сношеніямъ липованской митрополіи съ австрійскимъ правительствомъ, которыхъ не мало имѣется въ бѣлокриницкомъ архивѣ, мы печатаемъ это прошеніе въ полномъ его видѣ, въ приложеніи подъ № 6.

Такъ все было пущено въ ходъ, чтобъ устранить постигшую Бѣлокриницкій монастырь невзгоду. Но ни телеграммы Кирилла, ни слезныя жалобы липованскихъ общинъ, ни скудные софистическіе доводы Алимпіевыхъ прошеній, — ничтò не помогало. Правительству хотѣлось дознаться правды относительно липованской митрополіи, съ ея монастырями, иноками и инокинями; Штокеръ ревностно производилъ свои разысканія и выводилъ наружу то одно, то другое обстоятельство, сильно компрометтирующее Кирилла съ братіей. Дѣло тянулось около полутора года: только въ августѣ 1859 послѣдовало императорское опредѣленіе, которымъ существованіе обоихъ монастырей въ Бѣлой-Криницѣ, и мужскаго и женскаго, было дозволено, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они отнюдь не смѣли принимать къ себѣ людей не состоящихъ въ австрійскомъ подданствѣ; существованіе митрополита и его намѣстника въ Бѣлой-Криницѣ также дозволено, но со многими ограничивающими ихъ дѣятельность условіями: такъ, посвященіе ихъ можетъ происходить не иначе, какъ послѣ предварительнаго разрѣшенія отъ областнаго правительства и министра духовныхъ дѣлъ; безъ разрѣшенія правительства они не имѣютъ права выѣзжать за границу; рѣшительно воспрещено поставлять поповъ и архіереевъ для заграничныхъ раскольниковъ, и даже для австрійскихъ липованъ не дозволено посвящать поповъ больше опредѣленнаго количества. * 14-го января 1860 года

---

* Что же касается другихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ назначеніе коммиссіи, какъ то: уклоненіе отъ оспопрививанія, веденія метрики и проч., — то объ нихъ въ императорскомъ указѣ не упомянуто; но рѣшеніе объ нихъ состоялось еще прежде, и конечно не въ пользу монастыря; для веденія метрики назначенъ былъ даже особый чиновникъ отъ правительства. Объ этомъ и о хлопотахъ митрополіи избавиться отъ веденія метрики очень любопытныя извѣстія встрѣчаемъ въ грамотѣ Кирилла, 30-го окт. 1862 г., къ браиловскимъ и хуторскимъ метрикоборцамъ: „Послѣ коммиссіи начахомъ мы стараніе къ старанію прилагати во еже бы избѣжати веденія метрическихъ книгъ и не щадихомъ ни злата, ни самѣхъ себе; четырежды посылахомъ въ городъ Вѣну для личнаго съ царемъ свиданія, на что болѣе 2.000 червонцевъ издержахомъ. Но что же успѣхомъ? Отнюдь ничего. Министерство, не взирая на всѣ наши прошенія и домогательства, опредѣлило единаго изъ чиновниковъ, которому мѣстопребываніе назначило въ самой Бѣлокриницкой ми-

рѣшеніе это было объявлено Кириллу областнымъ черновицкимъ управленіемъ, причемъ вмѣнено ему въ обязанность, чтобы въ теченіе восьми сутокъ представилъ онъ, въ двухъ экземплярахъ, именные списки всѣхъ находящихся налицо липованскихъ священниковъ, иноковъ и инокинь. *

Итакъ, спустя полтора года со времени Штокеровской коммиссіи существованіе Бѣлокриницкой митрополіи съ ея іерархіей и монастырями наконецъ обезпечено было законнымъ утвержденіемъ отъ австрійскаго правительства, хотя на условіяхъ очень для нея стѣснительныхъ. Но эти полтора года стоили Кириллу съ братіей многихъ тревогъ и опасеній. Особенно тяжкимъ, почти безвыходнымъ казалось его положеніе въ первое время, когда Штокеръ производилъ слѣдствіе, властно распоряжаясь въ монастырѣ, и когда всѣ жалобы на его притѣсненія и всѣ ходатайства о защитѣ предъ высшими правительственными лицами въ имперіи оставались безъ уваженія. Достойно замѣчанія, что въ это время всѣ свои невзгоды и неудачи бѣлокриницкіе „думные люди“ объясняли не инымъ чѣмъ какъ кознями русскаго правительства, хотя незадолго передъ этимъ сами же думали воспользоваться мнимымъ ослабленіемъ его значенія предъ правительствами прочихъ европейскихъ державъ, — полагали за несомнѣнное, что это именно правительство, по распоряженію котораго взяты прежде Геронтій и Аркадій съ Алимпіемъ, по настоятельнымъ требованіямъ котораго заточенъ былъ и самъ Амвросій, — что оно же теперь понудило Австрійцевъ принять противъ Бѣлокриницкой митрополіи самыя строгія мѣры, очевидно направленныя къ прекращенію самого ея существованія. Кириллъ находился въ полной увѣренности, что его ожидаетъ участь Амвросія, и сталъ

трополіи на общественномъ и нашемъ содержаніи для веденія метрическихъ книгъ, иже и до днесь постоянно здѣ пребываетъ и свою должность исполняетъ (копія съ грам. въ бѣлокр. арх.).“

* На основаніи этого-то постановленія судили Кирилла за самовольную поѣздку въ Москву и за поставленіе для Москвы новаго архіерея — Антонія втораго, о чемъ подробно говорено было въ статьяхъ *Современныя движенія въ расколѣ*. Такъ какъ этотъ документъ составляетъ главное основаніе для существованія Бѣлокриницкой митрополіи въ настоящее время, то по причинѣ такой его важности для современной исторіи раскола, мы почли не лишнимъ напечатать его въ приложеніяхъ, подъ № 7.

серіозно помышлять о средствахъ заблаговременно убрать ся изъ австрійскихъ владѣній. Лучшаго и болѣе безопаснаго убѣжища онъ не могъ избрать себѣ какъ въ Турецкой имперіи, подъ крыломъ султана, явившаго столько опытовъ вниманія къ старообрядцамъ,—тѣмъ больше, что нѣкогда Аркадій уже предлагалъ ему убѣжище въ султанскихъ владѣніяхъ на тотъ случай, если послѣдуетъ какое-либо *превращеніе* въ судьбѣ. Теперь именно ожидалось такое „превращеніе“, и Кириллъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, дѣйствительно, написалъ Аркадію, что вслѣдствіе происковъ Россіи, претерпѣвая страшныя притѣсненія отъ австрійскаго правительства и почитая самое пребываніе свое въ Бѣлой-Криницѣ не безопаснымъ, онъ желалъ бы переселиться съ главными лицами бѣлокриницкаго братства во владѣнія султана, въ чемъ и проситъ у него, Аркадія, помощи. Ревнуя объ интересахъ раскола, такъ тѣсно связанныхъ съ судьбой Бѣлокриницкой митрополіи, и видя въ стѣсненномъ положеніи Кирилла новый опытъ преслѣдованія старообрядцевъ со стороны русскаго правительства, Аркадій и теперь готовъ былъ оказать Кириллу желаемое содѣйствіе, хотя, по его мнѣнію, сдѣлать это теперь было уже не такъ легко какъ прежде. Онъ зналъ, что перейдти къ нимъ тайкомъ и жить у нихъ можно всякому: Некрасовцы сумѣютъ уладить это дѣло и не выдадутъ своихъ; но чтобъ открыто перейдти въ турецкія владѣнія и поселиться тамъ на жительство, особенно такому лицу какъ митрополитъ, этого дѣла онъ не находилъ возможнымъ устроить безъ предварительнаго дозволенія отъ правительства. Того же мнѣнія былъ и Гончаровъ, и потому они общимъ совѣтомъ рѣшили не отклонять Кирилла съ братіей отъ намѣренія переходить въ Турцію, какъ бы скоро ни представилась къ тому нужда,* но въ то же время заявить объ этомъ

* Это видно изъ письма, которое Аркадій, еще до поѣздки въ Константинополь, писалъ къ Кириллову намѣстнику, Онуфрію. Аркадій извѣщалъ Онуфрія, что въ случаѣ крайности они могутъ немедленно переходить въ Турцію, но для безопасности необходимо будетъ соблюсти нѣкоторыя не легкія формальности, или же перейдти секретно, такъ какъ со времени послѣдней войны учрежденъ въ Турціи строгій надзоръ за путешественниками. Вотъ подлинныя слова изъ этого Аркадіева письма: „Я вамъ уже писалъ, что *приходите*. Въ Тульчѣ или Мачинѣ дадутъ за поруками тискари съ именемъ папасъ (то-есть попъ, духовная особа): тогда

ихъ намѣреніи правительству и ходатайствовать предъ диваномъ о формальномъ дозволеніи имъ переселиться въ турецкія владѣнія. Это и было, кромѣ указанныхъ выше, новымъ побужденіемъ, почему Аркадій и Гончаровъ почли нужнымъ вмѣстѣ отправиться въ Константинополь для личнаго свиданія съ великимъ визиремъ.

VIII.

Мы оставили ихъ готовыми отправиться въ путь. По дорогѣ изъ Журиловки до Тульчи, они заѣхали въ Камень, откуда взяли съ собой попа Василья, — лицо довольно представительное въ турецкой раскольничьей іерархіи, — очевидно для того, чтобы придать болѣе значенія своей депутаціи предъ великимъ визиремъ. Въ Тульчѣ 13-го іюля они сѣли на пароходъ и 15-го пріѣхали въ Константинополь. Здѣсь до представленія визирю они прожили четверо сутокъ, — время, которое, безъ сомнѣнія, употребили на свиданіе и совѣщанія съ друзьями и покровителями изъ польскихъ пашей, отъ содѣйствія которыхъ и чаяли главнымъ образомъ успѣха своему дѣлу, равно какъ полученія самой аудіенціи у великаго визиря. 20-го іюля эта аудіенція послѣдовала: всѣ три депутата отъ турецкаго старообрядчества были приняты визиремъ, и какъ прежде, съ наружными знаками полнаго вниманія къ нимъ и готовности исполнить ихъ просьбы. Гончаровъ прежде всего повелъ рѣчь о плѣнныхъ архіереяхъ. — о томъ, чтобы визирь принялъ мѣры къ ихъ воз-

---

смѣло попечители защитятъ; да и границу молдавскую нужно пройдтить формой; а если не формой, то нужно секретно пожить. Точно, *Турки глупы*; но вотъ какія перемѣны отъ прошлой войны: съ Камня до насъ 4 кордона, отъ насъ до Тульчи 2 кордона, и на всякій являйся: гдѣ пропишутъ, а гдѣ и не посмотрятъ, — только явись. И вотъ какія взысканія: журиловскій человѣкъ ѣхалъ въ Тульчу; онъ въ Тульчѣ не былъ; за то судили, зачѣмъ ты въ Тульчѣ не былъ, ты, видно, недобрый человѣкъ. Другой ѣхалъ изъ Тульчи на Бабу; на кордонахъ писали, а въ Бабѣ не явился; послѣ сего судили, зачѣмъ ты въ Бабѣ не явился. И много такихъ дѣловъ и перемѣнъ, — говорятъ, и школы будутъ казенныя всѣмъ народамъ. Вкратцѣ вамъ прописалъ перемѣнныя обстоятельства" (письмо отъ 8-го іюля 1858 г.).

вращенію; именно, онъ просилъ для удобнѣйшаго и скорѣйшаго рѣшенія дѣла послать въ Петербургъ нарочнаго чиновника съ просьбой отъ старообрядцевъ и чрезъ посредство турецкаго посланника при Петербургскомъ дворѣ вручить ее самому Государю Императору. Гончаровъ представилъ визирю и самую эту просьбу, предварительно заготовленную. Визирь принялъ просьбу и обѣщалъ исполнить все такъ, какъ желалъ Гончаровъ. Послѣ этого Осипъ Семеновъ повелъ рѣчь о Кириллѣ и прочей бѣлокриницкой братіи, о томъ, что Россія крайне притѣсняетъ старообрядческихъ архіереевъ въ Нѣмечинѣ, что вслѣдствіе такихъ притѣсненій эти архіереи съ своимъ духовенствомъ не видятъ возможности долѣе тамъ оставаться и чрезъ посредство явившихся теперь къ его свѣтлости депутатовъ просятъ о дозволеніи переселиться во владѣнія всепресвѣтлѣйшаго султана, подъ могучею державой котораго они надѣются жить вполнѣ спокойно, въ совершенной безопасности отъ преслѣдованій враждебнаго имъ русскаго правительства. Какой-то паша, присутствовавшій на аудіенціи, немедленно выразилъ согласіе на эту просьбу: „Пусть приходятъ“, отвѣчалъ онъ Гончарову; но визирь взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе. Зная, что такимъ дозволеніемъ можно поставить себя въ непріятныя отношенія не только къ русскому, но и къ австрійскому правительству, съ другой стороны, не желая рѣшительно отказывать раскольникамъ, чтобы не выйдти изъ роли ихъ неизмѣннаго защитника и покровителя, онъ далъ отвѣтъ довольно уклончивый, согласился, чтобъ австрійское раскольничье духовенство переходило въ Туречину, но предупредилъ и о томъ, чтобы дѣлалось это осторожно, не гласно, какъ бы безъ вѣдома правительства. На всѣ другія просьбы Аркадія и Гончарова визирь изъявилъ полное согласіе *.

---

* Вотъ какъ описывалъ это свиданіе съ визиремъ самъ Аркадій въ письмѣ къ Кириллу отъ 3-го октября 1858 г.: „іюля мѣсяца 13-го числа отправились мы съ Тульчи пароходомъ съ каменскимъ священноіеремъ Василіемъ и Осипомъ Семеновичемъ Гончаровымъ, а въ Царь-градъ прибыли 15-го числа; 20-го іюля были у садразана всѣ трое. 1-е, Осипъ Семеновичъ просилъ о освобожденіи заточенныхъ архипастырехъ (рей), и подали прошеніе, каковое будетъ послано съ чиновникомъ особыхъ порученій въ Петербургъ

Аркадій и Гончаровъ были вообще довольны пріемомъ визиря; но его отвѣтъ на просьбу о переходѣ австрійскаго раскольничьяго духовенства въ Турцію они поняли въ томъ смыслѣ, что турецкое правительство не расположено сочувствовать этому переходу, и потому приняли за лучшее не поощрять къ тому и Кирилла. Возвратившись же въ Тульчу, они узнали, что въ Браиловѣ ктиторъ тамошней церкви, Семенъ Семеновъ, получилъ изъ Бѣлой-Криницы письмо, въ которомъ просили его выслать Кириллу два паспорта, что̀ Семенъ Семеновъ и исполнилъ: изъ этого Аркадій и Гончаровъ поняли, что Кириллъ рѣшилъ уже дѣло о переселеніи въ Турцію и что остается только ожидать его. * Оста-

---

къ турецкому министру, а онъ дабы подалъ самому царю. 2-е, Осипъ Семеновичъ объявлялъ Садразану, что *Россія тѣснитъ въ Нѣмечинѣ нашихъ диспотовъ*, и они къ намъ приходятъ. Одинъ паша сказалъ: пусть приходятъ," а садразанъ подумалъ и сказалъ: евашъ, евашъ, то-есть потише, помаленьку. 3-е, Подали просьбы: первую, о старой нашей церкви, что по взятіи диспотовъ погибли наши документы, требуемъ фирманъ: сіе завели въ журналъ; требуемъ ограничить нашу землю: сіе обѣщано; выстроили мы архіерейскій домъ, желаемъ въ немъ устроить церковь: обѣщали фирманъ; и еще подали просьбу, что въ Тульчѣ взятъ попъ и документъ потерянъ на церковь: въ журналъ завели, обѣщаютъ фирманъ."

* Въ томъ же письмѣ Аркадія отъ 3-го октября сказано: „Мы прибывши съ Майноса (изъ Константинополя они заѣзжали въ Майносъ) въ Тульчу и слыхали отъ іерея Григорія, что вы прислали просьбу къ Семену Семенову, чтобы вамъ прислать два *векселя*, или *купчія крѣпости* (подъ этими названіями, безъ сомнѣнія, разумѣются именно паспорты), которыя съ Галацъ и посланы къ вамъ съ Ѳеодоромъ какимъ-то. Посему я и не писалъ къ вамъ, *думалъ, что скоро васъ увижу*. Но теперь изъ дѣла видно, что ваши дѣла тянутся." Кстати объ упомянутомъ здѣсь Семенѣ Семеновѣ. У него была продолжительная ссора съ Браиловскимъ попомъ Егоромъ, которую разбирали и Кириллъ, и Аркадій Славскій, и Аркадій Васлуйскій. Славскій Аркадій держалъ сторону Семена Семенова и объ немъ лично имѣлъ очень высокое понятіе. Вотъ что̀ между прочимъ Аркадій писалъ объ немъ къ Кириллу: „Семенъ Семеновъ точно горячъ и пылокъ, но о церкви также горячъ и пылокъ и себя не щадитъ. *У нихъ Семенъ Семеновъ, а у насъ Гончаровъ*. Легче попа найдти нежели добраго строителя, какъ есть и писано: крестить всякій попъ можетъ, а проповѣдывать рѣдкій. Такъ Семенъ Семеновъ и Гончаровъ *люди рѣдкіе*, а крестить, вѣн-

навливать Кирилла они не хотѣли, а только сдѣлали распоряженіе на случай его пріѣзда, именно поручили тульчинскому и каменскому попамъ, чтобъ они, если пріѣдетъ Кириллъ, выправили для него поповскій или иноческій тискарь и посекретнѣе проводили его въ Славскій скитъ.

Но прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, а ни Кириллъ и никто изъ его братства не приходили. Въ Бѣлой-Криницѣ не бросили мысли о переселеніи въ Турцію; но, видно, привести ее въ исполненіе было не легко. Войнаровичъ и Штокеръ бдительно слѣдили за Кирилломъ и за всѣмъ что̀ дѣлается въ монастырѣ; правительство явнымъ образомъ покровительствовало ихъ образу дѣйствій относительно митрополіи; надежды на спасеніе представлялось мало. Тогда, въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, кому-то изъ бѣлокриницкихъ политиковъ (какъ надобно полагать, Алимпію) пришла въ голову та же счастливая мысль, которую давно уже таили между собой Аркадій и Гончаровъ, мысль обратиться къ европейскому ареопагу съ жалобой на притѣсненія отъ Россіи, которая, какъ имъ казалось, не даетъ покоя старообрядцамъ даже въ турецкихъ и австрійскихъ владѣніяхъ. Онъ составилъ въ этомъ смыслѣ и прошеніе на имя главнаго изъ европейскихъ властителей — Наполеона III. Кириллъ, съ своей стороны, одобрилъ и мысль, и самое прошеніе. Но возникалъ вопросъ: какъ подать прошеніе? Нашли, что самимъ подать его невозможно: Алимпій, бывавшій во дворцѣ австрійскихъ императоровъ, не затруднился бы, конечно, проникнуть и въ Тюльери или Сенъ-Клу; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ ему трудно было добраться до Парижа и вообще выѣхать за границу; при томъ же въ его присутствіи дома теперь чувствовалась особенная надобность. Послѣ Алимпія, болѣе способнаго исполнить такое порученіе не находили никого, кромѣ Осипа Семеновича Гончарова. Къ нему дѣйствительно и рѣшились обратиться. Кириллъ написалъ (точнѣе подписалъ) письмо къ Аркадію, и въ это письмо вложилъ другое на имя Гончарова, съ изложеніемъ дѣла и вложеніемъ самого прошенія. 29-го сентября пакетъ со всѣми этими письмами благополучно до-

---

чать и прочая и Ѳома Славской умѣетъ, а написать дѣло строки не можетъ, а врачество подать слова не можетъ.“ (Письмо отъ 3-го октября 1858 г.)

шелъ до Аркадія, который немедленно отправился съ нимъ въ Журиловку къ Осипу Семенову: здѣсь вмѣстѣ они читали и обсуживали интересныя бѣлокриницкія посланія. Мысль призвать Европу къ защитѣ старообрядчества отъ русскихъ притѣсненій имъ очень нравилась, потому что совпадала съ ихъ собственными мыслями и желаніями, которыя такимъ образомъ нашли теперь поддержку со стороны самого главы старообрядческой іерархіи; но и на этотъ разъ журиловскіе политики не увлеклись мечтами, показали благоразумія больше нежели бѣлокриницкіе. Какъ подать прошеніе, этимъ они не затруднялись ни мало: оба готовы были ѣхать и въ Римъ, и въ Парижъ; но имъ казалось недостаточнымъ подать прошеніе только отъ имени австрійскихъ и турецкихъ старообрядцевъ, безъ участія главной силы старообрядческаго міра—старообрядцевъ русскихъ; считали необходимымъ, чтобъ эти послѣдніе по крайней мѣрѣ знали объ ихъ намѣреніи и изъявили на то свое согласіе, дабы въ противномъ случаѣ не получить серіозныхъ непріятностей, ибо легко можетъ случиться, что русское правительство, недовольное вмѣшательствомъ Европы въ старообрядскія дѣла, еще болѣе усилитъ свою строгость въ отношеніи къ подвластнымъ ему старообрядцамъ, и тогда эти послѣдніе будутъ имѣть полное право сѣтовать на заграничныхъ, зачѣмъ они начали безъ ихъ вѣдома такое важное и опасное для нихъ дѣло. Что же касается самого прошенія, присланнаго изъ Бѣлой-Криницы, то Аркадію съ Гончаровымъ оно, очевидно, понравилось, и имъ желательно было, чтобъ оно во всякомъ случаѣ сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ. Это находили и удобнымъ. Припомнили, что какъ-то разъ Гончаровъ написалъ стишонки противъ покойнаго государя, и когда показалъ ихъ въ Константинополѣ своимъ европейскимъ друзьямъ, то-есть Чайковскому съ братіей, то они читали его произведеніе съ наслажденіемъ и просили, чтобы позволилъ напечатать его въ газетахъ, на что̀ однако Гончаровъ не согласился; что̀ же если теперь дать имъ въ руки протестъ самого Бѣлокриницкаго митрополита противъ притѣсненій Россіи и Австріи?—съ какимъ восторгомъ они примутъ его и какъ охотно обнародуютъ! Но и этого Аркадій съ Гончаровымъ не рѣшились сдѣлать безъ предварительнаго согласія со стороны самого Кирилла. Итакъ они положили не переносить

своего дѣла на европейское судилище, пока и русскіе старообрядцы не дадутъ своего одобренія и согласія на это предпріятіе, а на обнародованіе Бѣлокриницкаго прошенія испросить у Кирилла новое разрѣшеніе. Въ этомъ смыслѣ, 3-го октября 1858 г., Аркадій и написалъ письмо въ Бѣлую-Криницу, на имя Кирилла и Онуфрія. Вотъ подлинныя, относящіяся сюда выраженія этого замѣчательнаго письма: „Г-ну Гончарову письмо вручилъ, и жалобу во Францію мы читали. Сходно съ моими мыслями. *Я всегда помышлялъ, чтобы нашу обиду донести европейскимъ державамъ и Папѣ*; но только какъ за свое мнѣніе, такъ равно и за ваше недоумѣю, что будетъ ли оно въ пользу. Еслибы посовѣтоваться съ сѣверными,—какъ тѣ скажутъ? Еслибы тѣ просили, то бы *мы оба поѣхали въ Парижъ и подали бы жалобу Наполеону* (sic) *и Папѣ. Но на это нуженъ совѣтъ всего сѣвера.* Гончаровъ составилъ стихъ отъ себя противъ Николая и читалъ въ Царь-градѣ: у него просили *Европейцы*, хотѣли въ газетахъ печатать, но Гончаровъ не далъ. И сію афишку подхватютъ. Но только просимъ повторенія, да еслибы и отъ сѣвера было приглашено.“ *

Но дѣла въ Бѣлой-Криницѣ, по выраженію того же Аркадія, „затянулись“. Къ мысли о подачѣ прошенія Наполеону охладѣли; переселеніе въ турецкія владѣнія также отлагалось дальше и дальше по причинѣ разныхъ затрудненій и неблагопріятныхъ отзывовъ изъ самой Турціи. ** Впрочемъ, намѣренія

---

* Надобно полагать, что Аркадій дѣйствительно входилъ въ сношеніе съ „сѣверными“ по этому дѣлу, какъ можно видѣть изъ одного очень любопытнаго письма къ нему отъ Антонія Московскаго, писаннаго въ ноябрѣ 1858 г. О письмѣ этомъ будетъ сказано ниже.

** Еще вскорѣ по возвращеніи изъ Константинополя Гончаровъ поручилъ Аркадію Васлуйскому извѣстить Кирилла, чтобъ онъ удержался отъ переселенія въ Турцію, что Васлуйскій и исполнилъ, хотя не скоро. Вотъ что писалъ онъ Кириллу, отъ 3-го октября 1858 г.: „имѣлъ счастіе видѣть Осипа Семеновича Г., и онъ мнѣ совѣтъ предлагалъ къ вамъ писать, если возможно вамъ въ своемъ мѣстѣ быть хотя мало-мальски, пусь бы не тревожились итить, а если тайно скроется, то на цѣлый свѣтъ будетъ распублика (sic), а еретицы восторжествуютъ, а наши единовѣрные въ печали будутъ, но только ревностнымъ нашимъ суевѣрамъ будетъ малая отрада, что вы будете подъ скрытіемъ сидѣть. А по моему мнѣнію, если вы будете на своемъ мѣстѣ жить, хотя и безъ дѣйствія, то

переселиться изъ Бѣлой-Криницы Кириллъ не оставлялъ рѣшительно даже и въ 1860 и 1861 годахъ, какъ видно это изъ писемъ Аркадія. Въ это время по поводу дѣла о Кирилловомъ переселеніи у Аркадія возникла даже довольно непріятная переписка съ нѣкоторыми лицами и съ самимъ Кирилломъ. Слухъ о намѣреніи Кирилла переѣхать въ Турцію дошелъ до Москвы, и московскій Антоній былъ очень не доволенъ этою его затѣей; онъ писалъ къ Аркадію въ Славу: „я наслышанъ, якобы митрополитъ желаетъ переселиться къ вамъ, то всеусердно я васъ прошу, вы ему напишите, чтобы онъ отнюдь къ вамъ не ѣздилъ, ежели онъ пріѣдетъ къ вамъ, онъ большое зло сдѣлаетъ вамъ, ибо объ немъ правительство понимаетъ худо, за самаго злѣйшаго еретика, чрезъ что вы потеряете свои довѣріи у своего и *французскаго*, ибо Австріи императоръ донесетъ вашему императору, а вашъ можетъ его выслать съ безчестіемъ *.“

ваше одно слово будетъ имѣть силу и распоряженіе, а если подъ скрытіемъ, то иначе. По сей причинѣ, какъ можно своего мѣста безъ вины не лишайте, послѣ будете и сожалѣть,“

* Пис. Ант. къ Арк. Славскому; съ копіи находящейся въ бѣлокрин. архивѣ. О Кириллѣ Антоній выражается такъ рѣзко за его упрямство въ дѣлѣ о метрикахъ, чѣмъ онъ весьма уронилъ себя въ глазахъ австрійскаго правительства. Вотъ что именно писалъ объ этомъ Антоній: „невѣжество и грубость послѣдовали отъ митрополита Кирилы чрезъ непринятіе метрическихъ книгъ. Сія ихъ пагуба душевная и тѣлесная обратится на ихъ главу, за оскорбленіе всея церква. Я не получалъ отъ нихъ никакихъ свѣдѣній о ихъ происшествіи, но получилъ свѣдѣнія отъ постороннаго лица, бывшаго у меня, который доходилъ до австрійскаго министерства (рѣчь идетъ, очевидно, о какомъ-нибудь значительномъ московскомъ старообрядцѣ, ѣздившемъ за границу) и спрашивалъ о Липованахъ, что они, почему преслѣдуемы? Отвѣтъ получилъ отъ министерства, что эти люди—ихъ вѣра злѣйшая всѣхъ еретиковъ, которыхъ еще на земномъ кругѣ не обрѣтается“. Письмо Антонія особенно важно какъ доказательство, что ему извѣстны были намѣренія Аркадія войдти въ сношенія съ французскимъ императоромъ, на благоволеніе котораго къ турецкимъ старообрядцамъ Аркадій имѣлъ уже основаніе разчитывать, и даже писалъ объ этомъ благоволеніи къ Антонію, какъ показываетъ одно изъ приведенныхъ выше словъ этого послѣдняго: „потеряете свои довѣріи... у французскаго правительства“. Ниже Антоній выражается объ этомъ еще яснѣе: „принять мудрыя мѣры, просить турецкаго и французскаго императоровъ о

Это Антоніево письмо, исполненное такихъ интересныхъ дипломатическихъ соображеній, Аркадій сообщилъ для обсужденія нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ изъ раскольничьяго духовенства и въ томъ числѣ Аркадію Васлуйскому. Этотъ послѣдній прислалъ Аркадію выговоръ, зачѣмъ онъ „пустилъ въ свѣтъ и явилъ всему міру“ столь укоризненное для митрополита письмо. Аркадій отвѣчалъ, что онъ сообщилъ письмо только тульчинскому попу, да каменскому, да ясскому протопопу Никифору на разсужденіе: „всѣ эти люди секретные, прибавлялъ онъ,—и дѣла таковыя передаютъ другъ другу, черезъ ихъ руки и самые епископы проходятъ, и митрополитъ не минуетъ ихъ рукъ, и предосторожность имъ нужна. Сверхъ сего и то помнимъ: когда Осипъ Семеновичъ Гончаровъ спросилъ садразана о приходящихъ диспотахъ, то-есть епископахъ, то садразанъ (то-есть царскій намѣстникъ) сказалъ: потише, потише. Посему я и приказываю іереямъ Григорію и Василію, если прибудетъ Кононъ епископъ *, или и самъ митрополитъ, то не приводить въ отчаяніе, но взять поповскій или иноческій тискарь и

утвержденіи епископа въ Новую Молдаву, и поставить изъ тамошнихъ жителей, дабы не имѣлъ россійскій императоръ къ чему придраться и навести на него судъ“. Достойно замѣчанія, что Аркадій въ копіи почелъ нужнымъ выпустить нѣкоторыя мѣста изъ подлиннаго Антоніева письма. Онъ самъ надписалъ надъ нимъ: „копія съ письма архіепископа Антонія, привезеннаго съ Москвы Михайлою Ивановымъ (зять Гончарова: не пріѣзжалъ ли онъ въ Москву именно для совѣта съ „сѣверными“?) и Егоромъ Михайловымъ; мною получено и переписано слово въ слово, кромѣ того, *что̀ прочимъ не требуется читать*. Е. Аркадій“. По смыслу не трудно замѣтить, что выпущено нѣчто передъ словами: „принять мудрыя мѣры“ и проч. Надобно полагать, что въ томъ что̀ прочимъ не требовалось читать, рѣчь шла именно о предположеніяхъ Аркадія войдти въ сношенія съ Наполеономъ III и касалось мнѣнія „сѣверныхъ“ на этотъ счетъ.

* Кононъ Новозыбковскій лѣтомъ 1858 г. отправился изъ Москвы въ Бѣлую-Криницу, но за неимѣніемъ надлежащаго вида, дальше Черновицъ пропущенъ не былъ. Здѣсь онъ видѣлся съ Алимпіемъ и вручилъ ему привезенныя изъ Москвы 850 руб. денегъ. Тогда-то, вѣроятно, было предложено, чтобы Кононъ перешелъ въ турецкія владѣнія; но онъ отправился назадъ въ Россію и здѣсь на пути изъ Кіева въ Куреневскій монастырь, 16-го октября 1858 г., взятъ полиціей.

посекретнѣе проводить въ скитъ.“ Дошло объ Антоніевомъ письмѣ и до самого Кирилла: этотъ прислалъ Аркадію грозный выговоръ за разглашеніе столь оскорбительнаго для его особы московскаго посланія. Аркадій оправдывался и предъ нимъ, описалъ ему подробно всѣ обстоятельства дѣла и въ концѣ объясненія прибавилъ: „и теперь, владыко святый, въѣздъ къ намъ епископовъ не иначе, какъ съ епископской бумагой, которая пропишется въ Тульчѣ у австрійскаго консула (sic), и дастся ему турецкій тискарь, если же не будетъ имѣть нѣмецкой бумаги, то долженъ быть секретно. Турки сего не преслѣдуютъ, но раздорники могутъ наклеветать и тѣмъ повредить общее спокойствіе.“ * Очевидно, Аркадій уже не только не сочувствовалъ переселенію Кирилла изъ Бѣлой-Криницы въ султанскія владѣнія, но и старался всячески отклонить его отъ этого намѣренія. Между тѣмъ уже возникли у Кирилла непріятности съ Москвой, сначала по Антоніеву дѣлу, потомъ по поводу *Окружнаго Посланія*; начался нескончаемый раздоръ по всему лицу раскольничьяго міра; послѣдовало множество наиприскорбнѣйшихъ для Кирилла и для всего старообрядчества событій: помышлять о переселеніи подъ защиту султана было тѣмъ болѣе не время, и намѣреніе это такимъ образомъ было оставлено. Возвратимся и мы къ дѣлу о плѣнныхъ архіереяхъ.

IX.

Мы видѣли, что великій визирь обѣщалъ Гончарову и Аркадію послать нарочнаго чиновника въ Петербургъ съ прошеніемъ турецкихъ раскольниковъ на имя самого Государя — о возвращеніи взятыхъ во время войны епископовъ. Трудно повѣрить, чтобы великій визирь, давая это обѣщаніе, серіозно думалъ его исполнить. Послѣ того какъ одинъ разъ дипломатическимъ путемъ уже полученъ былъ изъ Россіи категорическій отвѣтъ, что взятые возвращены быть не могутъ, ибо оказались бѣглыми русскими подданными, могъ ли онъ считать нужнымъ и удобнымъ снова начинать

* Письмо Аркадія къ Кириллу отъ 7-го апрѣля 1861 г.

это безполезное дѣло? И для кого бы сталъ онъ хлопотать съ такимъ усердіемъ? Для раскольниковъ подвластныхъ султану? Было время, когда ихъ нужно было ласкать всячески, дѣлать все имъ угодное; но время это миновало. Правда, и теперь полезно оказывать имъ безубыточную внимательность и знаки покровительства: отчего же поэтому не дать обѣщанія принять посредство въ ходатайствѣ предъ Русскимъ Императоромъ о возвращеніи къ нимъ заточенныхъ „диспотовъ“? Дать обѣщаніе можно, но его можно и не исполнить. Въ послѣднемъ случаѣ есть надежда достигнуть даже нѣкоторой пользы: пусть думаютъ раскольники, что несмотря на всѣ хлопоты благопопечительнаго турецкаго правительства, жестокое правительство русское не отпускаетъ ихъ „святителей“. Прошелъ дѣйствительно годъ, прошло полтора года,—а о плѣнныхъ архіереяхъ слуху не было, и что̀ сдѣлано обѣщаннымъ экстреннымъ посольствомъ—оставалось неизвѣстно. Въ массѣ турецкаго раскольничьяго населенія эта неизвѣстность и это напрасное ожиданіе „архипастырей“, конечно, только поддерживали раздраженіе противъ Россіи и благоговѣйное уваженіе къ страдальцамъ-святителямъ: находились между ними люди, которые нарочно отправлялись въ Россію, въ Суздаль, чтобы только посѣтить „въ узахъ сѣдящихъ“ *. Но люди попроницательнѣе, какъ напримѣръ Гончаровъ съ Аркадіемъ, понимали, что здѣсь уже не одна Россія виновата, что турецкое правительство, столь предупредительное на словахъ, не слишкомъ-то хлопочетъ по ихъ дѣлу. И такъ какъ изъ Россіи все чаще и чаще приходили къ нимъ извѣстія о кроткомъ и благодушномъ характерѣ русскаго Государя, о милостяхъ, какія оказывалъ онъ старообрядцамъ, измѣнивъ самую систему правительственныхъ отношеній къ расколу, то Гончаровъ рѣшился, минуя турецкое правительство, обратиться непосредственно къ русскому посланнику въ Кон-

---

* Въ одномъ письмѣ Аркадія Васлуйскаго (отъ 7-го марта 1860 г.) сказано: „старецъ Іаковъ прокислай (sic) туда (то-есть въ Суздаль) изъ Турціи послалъ епископовъ въ узахъ сѣдящихъ посѣтить, между тѣмъ и самаго посадили туда же.“ Этотъ Яковъ-прокислый былъ однакоже скоро выпущенъ на свободу и даже на казенный счетъ довезенъ до Одессы, такъ какъ имѣлъ при себѣ законный видъ, полученный отъ турецкаго правительства.

стантинополѣ съ прошеніемъ объ „архипастыряхъ“ на имя Государя Императора. Прошеніе это, 7-го декабря 1859 года, онъ дѣйствительно вручилъ русскому посланнику при оттоманскомъ дворѣ.“ Оно было препровождено посланникомъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, и отвѣтъ на него послѣдовалъ попрежнему отрицательный. Гончарову сообщено было, что Аркадій возвращенъ быть не можетъ, потому что онъ оказался русскимъ подданнымъ *. Въ Турціи же между старообрядцами былъ да и теперь есть слухъ, будто Аркадія не выпускаютъ изъ Суздаля потому, что онъ, во время послѣдней войны, благословилъ Некрасовцевъ сражаться противъ Русскихъ **.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ и не оставались безъ вліянія даже на судьбу заграничныхъ раскольниковъ. Изъ Россіи приходили и прискорбные, и отрадные для нихъ слухи. Получено было извѣстіе, что одинъ изъ плѣнныхъ архіереевъ—Алимпій, находившійся въ преклонныхъ уже лѣтахъ, умеръ; *** но зато все чаще и чаще

---

* Аркадій уроженецъ селенія Куницы въ Бессарабской области, куда его родители переселились изъ Вѣтки вскорѣ послѣ такъ-называемой „второй вѣтковской выгонки“, бывшей въ 1768 году. Отецъ Аркадія простой поселянинъ по прозванію Лысый. Аркадій, будучи еще шестнадцати лѣтъ отъ роду оставилъ родительскій домъ и ушелъ за границу. Это было въ 1824 году. Онъ жилъ сначала въ Яссахъ мальчикомъ въ лавкахъ тамошнихъ старообрядцевъ потомъ нѣсколько времени былъ послушникомъ въ старообрядскомъ Мануиловскомъ монастырѣ, что въ Молдавіи. Въ 1829 году Аркадій воротился въ Россію, жилъ въ Лаврентьевѣ монастырѣ (Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи). Отсюда въ партіи монаховъ и бѣльцовъ ходилъ онъ въ странствіе по разнымъ мѣстамъ Востока отыскивать небывалыхъ старообрядскихъ архіереевъ. Возвратясь изъ странствія, Аркадій поселился въ Молдавіи. Мы слышали отъ достовѣрныхъ людей, имѣвшихъ случай по дѣламъ службы быть въ тюремномъ отдѣленіи Суздальскаго Спасоевфимьева монастыря года черезъ два по заключеніи туда Аркадія, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ, такъ какъ, говорилъ онъ, постоянною цѣлію его было жить отшельникомъ гдѣ-нибудь въ уединенной кельѣ.

** Слышано отъ самого Гончарова инокомъ Іоасафомъ.

*** Въ Турцію извѣстіе объ этомъ принесла нѣкая схимница Таисія. Аркадій Васлуйскій, отъ 7-го марта 1860 г., писалъ къ Кириллу: „Епископъ Алимпій померъ. Сказывала намъ сіе инокиня

приходили вѣсти, что старообрядцамъ въ Россіи стало жить хорошо, ихъ не преслѣдуютъ, не стѣсняютъ. Въ то же время въ Турецкой имперіи началось какое-то глухое движеніе между подвластными ей народами, отъ котораго турецкіе раскольники не чаяли себѣ ничего добраго, да и само правительство уже не оказывало имъ прежнихъ льготъ и любезностей. Присматриваясь и прислушиваясь ко всему этому, некрасовскіе „думные люди“, повидимому, оставили заботу о возвращеніи находившагося въ живыхъ заточеннаго „архипастыря“ и больше помышляли объ ожидающей ихъ будущности, при чемъ, какъ будто, съ нѣкоторою родственною привязанностью стали обращать взоры на Россію. Такой, по крайней мѣрѣ, характеръ принимаютъ съ 1860 г. письма Аркадія Славскаго: о намѣреніи и попыткахъ возвратить суздальскаго узника въ нихъ нѣтъ уже рѣчи, напротивъ, нерѣдко говорится о милостяхъ россійскаго Государя къ старообрядцамъ, о необходимости сохранять добрыя къ Россіи отношенія и т. п.;—и только въ письмѣ отъ 13-го іюля 1862 г. неожиданно встрѣчаемъ слѣдующее очень краткое, но въ высшей степени замѣчательное извѣстіе: „господинъ Гончаровъ былъ въ Парижѣ и *лично* подалъ Наполеону прошеніе о заточенномъ архіепископѣ“. Итакъ великій замыселъ наконецъ приведенъ былъ въ исполненіе! Гончаровъ, въ это время уже познакомившійся и съ Парижемъ, и съ Лондономъ, самъ лично имѣлъ счастіе вручить императору Французовъ просьбу съ жалобами на несправедливость Россіи къ старообрядцамъ. Какъ происходило это великое событіе, гдѣ именно, котораго мѣсяца и числа Гончаровъ представлялся Наполеону и что̀ говорилъ ему рѣшитель судебъ Европы,—свѣдѣній о всемъ этомъ въ нашихъ источникахъ, къ сожалѣнію, мы не нашли. Но что представленіе могло устроиться довольно легко, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться: чрезъ Чайковскаго Гончарову не трудно было найдти въ Парижѣ людей готовыхъ помочь ему и даже лично представить его французскому императору. Такъ, дѣйствительно, и было. Садыкъ-паша, очевидно посвященный въ планы Гончарова и сочувствовавшій

схимница Таисія, которая ѣздила въ Суздальскій монастырь съ женою Ѳедора, бывшаго попа тульчинскаго, кой взятъ въ Россію, для разысканія онаго.“ Алимпій умеръ 25-го августа 1859 г. послѣ двухнедѣльной болѣзни.

имъ, выхлопоталъ Осипу Семенову паспортъ на имя офицера турецкой службы, съ которымъ благополучно и прибылъ онъ въ Парижъ; тотъ же Садыкъ-паша заблаговременно извѣстилъ о путешествіи и даже о времени прибытія Гончарова въ Парижъ своихъ парижскихъ пріятелей, которые были весьма заинтересованы и самою личностью путешественника, и его оригинальнымъ предпріятіемъ—вручить дѣло раскольниковъ защитѣ и покровительству французскаго императора, и съ своей стороны готовы были сдѣлать для него все нужное; многіе изъ этихъ новыхъ покровителей встрѣтили Гончарова даже на станціи желѣзной дороги и немедленно взяли его подъ свое покровительство. Гончаровъ разказывалъ послѣ, что въ Парижѣ ему случалось бывать въ такихъ чертогахъ, которые и описать трудно: по всей вѣроятности, ему радушно открыты были и двери Ламбертова отеля. Когда состоялась аудіенція у императора и нужно было отправляться изъ Парижа, то, по разказамъ Гончарова, не менѣе тридцати экипажей провожало его на станцію желѣзной дороги, и провожали все такіе важные господа, что Гончаровъ, путешествующій обыкновенно въ вагонахъ третьяго класса, дабы не посрамить себя предъ ними, взялъ скрѣпя сердце билетъ на мѣсто перваго класса. Относительно бесѣды съ Наполеономъ III отъ Гончарова слышали, что онъ имѣлъ рѣчь съ властителемъ Франціи о другѣ своемъ Аркадіи Славскомъ и въ такихъ чертахъ изобразилъ его характеръ и подвиги, что Наполеонъ пожелалъ имѣть портретъ Аркадія. По сему случаю Аркадій дѣйствительно ѣздилъ нарочно въ Константинополь, чтобы сняться въ лучшей изъ тамошнихъ фотографій, и великолѣпный портретъ, изображающій его въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, препровожденъ былъ къ новому державному покровителю раскола *. Этотъ покровитель, конечно, не имѣлъ намѣренія дѣлать какія-либо серіозныя услуги расколу; но что онъ могъ принять Гончарова, обласкать и оказать сочув-

* Одинъ странствователь по сушѣ и морямъ, не очень давно бывшій въ Константинополѣ, сказывалъ намъ, что видѣлъ тамъ въ магазинахъ эстамповъ выставленные въ окнахъ великолѣпно раскрашенные фотографическіе портреты Аркадія: это, вѣроятно, дубликаты посланнаго въ Парижъ. Сейчасъ приведенный разказъ о пребываніи Гончарова въ Парижѣ слышанъ лично отъ него самого инокомъ отцомъ Іоасафомъ, со словъ котораго мы и писали.

ствіе дѣлу расколу, это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ уже разыгрывалъ тогда роль верховнаго покровителя угнетенныхъ народностей и религій на Востокѣ, что особенно ясно обнаружилось въ дѣйствіяхъ созданнаго имъ владѣтеля Румыніи, князя Кузы. Объ отношеніяхъ Кузы къ раскольникамъ мы намѣрены сказать здѣсь два-три слова.

Будучи креатурой Наполеона III, во всѣмъ слѣдуя данному имъ направленію, и въ силу тюльерійскихъ инструкцій стѣсняя и ограничивая въ средствахъ и правахъ православное духовенство Румыніи, князь Куза, напротивъ, готовъ былъ покровительствовать всякому неправославному обществу, особенно если это покровительство могло какимъ-либо образомъ вести къ разъединенію между населеніями Княжествъ и Россіи, когда-то сдѣлавшей такъ много для Румыніи. Въ этомъ отношеніи раскольники, которыхъ не мало въ обоихъ Княжествахъ, должны были также обратить на себя благосклонное вниманіе князя Кузы. * У молдо-валахскихъ раскольниковъ былъ уже свой епископъ — Аркадій Васлуйскій; но онъ еще не былъ признанъ въ санѣ своемъ румынскимъ правительствомъ, и епископъ ихъ пріѣзжалъ къ нимъ секретнымъ образомъ. Когда Куза принялъ въ управленіе Румыніею, молдо-валахскіе старообрядцы скоро поняли, что обстоятельства перемѣняются въ ихъ пользу, что они могутъ теперь гораздо свободнѣе принимать къ себѣ своего архіепископа и даже начать хлопотать предъ правительствомъ о законномъ его утвержденіи. Дѣйствительно, они нисколько не стѣснялись теперь въ отправленіи своихъ церковныхъ службъ и приглашали Аркадія пріѣзжать къ нимъ безпрепятственно; мѣстныя гражданскія власти не только смотрѣли сквозь пальцы на такія дѣйствія раскольниковъ, но и поощряли ихъ къ тому, оказывая ихъ архіепископу такія же почести, какъ и православнымъ архіереямъ. Въ февралѣ 1860 года, Аркадій Васлуйскій пріѣхалъ въ Новую Молдавію, — участокъ, по Парижскому трактату прирѣзанный къ Молдавіи отъ россійскихъ владѣній, въ которомъ раскольниковъ было не мало. Мѣстный исправникъ не только дозволилъ Аркадію пріѣхать, но и предписалъ пограничнымъ и полицейскимъ чиновникамъ, чтобы встрѣчали его съ

* Невольно припомнить здѣсь слова Антонія: „Просить французскаго императора объ утвержденіи епископа на Новую Молдаву".

должнымъ почетомъ. Въ Измаилѣ Аркадій нѣсколько разъ служилъ торжественно, при большомъ стеченіи народа. Раскольники ликовали, начались совращенія въ расколъ. Все это, какъ и слѣдовало ожидать, произвело большое смущеніе въ православномъ духовенствѣ. Мѣстная консисторія отправила нѣсколько донесеній къ ясскому митрополиту съ описаніемъ происходившаго въ Измаилѣ и убѣдительно просила его ходатайствовать предъ княземъ о прекращеніи на будущее время раскольничьихъ своеволій. „Правительство, сказано было въ одномъ изъ представленій консисторіи, питаетъ въ своихъ нѣдрахъ зловредныхъ враговъ, которые всегда готовы учинить зло, которые во время войны Турціи съ Русскими и Греками, подымали противъ Россіи руки болѣе чѣмъ Турки.“ Съ своей стороны консисторія предлагала мнѣніе, что слѣдуетъ держаться въ отношеніи къ раскольникамъ тѣхъ же правилъ, какихъ держались до присоединенія къ Молдавіи новаго участка или, вѣрнѣе, до вступленія князя Кузы въ управленіе Румыніей.* Вслѣдствіе этихъ жалобъ измаильской консисторіи, митрополитъ Софроній входилъ съ представленіемъ о принятіи мѣръ къ обузданію раскольниковъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но, какъ извѣщалъ Кирилла ясскій раскольничій дѣлопроизводитель Василій Васильевъ Ѳоминъ, „получилъ отвѣтъ, что теперь по Парижской конвенціи всѣмъ вѣрамъ свободно, то министерство не можетъ запретить; но вы, если хо-

---

* Въ Яссахъ есть купецъ-раскольникъ, Василій Васильевъ Ѳоминъ, извѣстный какъ одинъ изъ главныхъ ходатаевъ по раскольничьимъ дѣламъ за границей, человѣкъ, дѣйствительно, не безъ значенія между старообрядцами, ибо чрезъ его руки проходятъ всѣ деньги и вещи, а также депеши и письма, пересылаемыя изъ Россіи заграничнымъ раскольникамъ, и кромѣ того, онъ безконтрольно распоряжается капиталами раскольничьяго богача въ Яссахъ, Локгина Богослова. Этотъ В. В. Ѳоминъ, о которомъ нерѣдко придется намъ говорить, извѣщая Кирилла о томъ, что „посѣщеніе г-на архіепископа весьма возбѣсило измаильскую консисторію“, въ письмѣ своемъ помѣстилъ и копію съ одного изъ консисторскихъ представленій ясскому митрополиту. Видно и заграницей раскольники имѣютъ возможность доставать изъ присутственныхъ мѣстъ интересные для нихъ документы. Письмо Ѳомина, составляющее поэтому также не безынтересный документъ, печатаемъ въ приложеніи подъ № 8.

тите, то представьте министерству церковныхъ имуществъ. Благодареніе Всевышнему, прибавлялъ Ѳоминъ, что гражданское начальство защищаетъ. Я полагаю, что митрополитъ, получа таковый отвѣтъ, то еще болѣе огорчился и, должнобыть, представитъ о насъ еще болѣе кляузъ въ общее собраніе, которое теперь есть въ Яссахъ для уложенія всѣхъ законовъ." *

Ободренные такимъ потворствомъ со стороны правительства, раскольники не усомнились теперь и сами подать прошеніе о законномъ утвержденіи ихъ архіепископа. 14-го апрѣля они подали такого рода прошеніе въ министерство церковныхъ имуществъ, а вскорѣ потомъ и въ верховный совѣтъ, откуда, какъ они надѣялись, дѣло должно было перейдти на разсмотрѣніе общественнаго собранія. ** Въ маѣ Ѳоминъ снова извѣщалъ Кирилла, что ихъ дѣло объ утвержденіи архіерея приближается къ концу и что только препятствіе къ окончательному его рѣшенію подано со стороны старообрядцевъ недавно присоединеннаго Кагула, которые упорно отказываются отъ введенія между ними оспопрививанія и метрическихъ записей, чѣмъ навлекли на себя сильное подозрѣніе со стороны правительства. ***

Между тѣмъ, въ сентябрѣ ожидали въ Измаилъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его пріѣздомъ раскольники хотѣли воспользоваться, чтобы представить ему лично своего архіерея и подать прошеніе о законномъ дозволеніи ему святительствовать въ Молдавіи. 26-го числа министръ, дѣйствительно, пріѣхалъ, и раскольничьи старшины вмѣстѣ съ Аркадіемъ Васлуйскимъ явились привѣтствовать его съ хлѣбомъ-солью, подавъ предварительно свое прошеніе. Все принято было какъ нельзя болѣе благосклонно: послѣдовало не-

---

* Письмо Ѳомина, въ приложеніи № 8.

** Тамъ же.

*** Вотъ что̀ именно писалъ Ѳоминъ: „Честь имѣю увѣдомить васъ, что дѣло наше нащетъ утвержденія архіерея на Молдавію стоитъ неокончено только чрезъ однихъ Кагульскихъ, за ихъ непокорство. Осталось на томъ, что если исправникъ будетъ рапортовать, что они уже примирились, то верховный совѣтъ утвердитъ намъ нашего архіерея на Молдавію. Дѣло состоитъ только въ томъ, что *нужно хорошенько упросить кагульскаго доктора и исправника*, чтобы рапортовали за нихъ хорошенько." (Письмо отъ 14-го мая 1860 года.)

медленно распоряженіе о выдачѣ васлуйскому архіепископу надлежащаго вида на свободный проѣздъ по всей Молдавіи, а законное утвержденіе въ званіи архіепископа Молдавіи обѣщано выслать изъ Яссъ. Отпустивъ депутацію, министръ оставилъ у себя для интимной бесѣды только Аркадія съ измаильскимъ попомъ Маркеломъ, и этимъ-то двумъ полуграмотнымъ и еще сильно перепугавшимся раскольникамъ, министръ князя Кузы подробно и съ самоуслажденіемъ излагалъ намѣренія правительства утвердить въ Румыніи полную вѣротерпимость на широкихъ основаніяхъ Парижскаго трактата, даже въ ущербъ господствующему вѣроисповѣданію, и въ частности толковалъ объ особенной готовности покровительствовать старообрядческому духовенству, все, вѣроятно, въ силу того же Парижскаго трактата... Аркадій Васлуйскій, въ письмѣ къ Кириллу, описалъ свое свиданіе съ министромъ, и читая наивный разказъ его, нельзя не чувствовать всего комизма этой интимной бесѣды его съ сановникомъ князя Кузы. Мы приводимъ здѣсь разказъ Васлуйскаго вполнѣ. „Честь имѣю увѣдомить васъ въ слѣдующемъ. Ожидаемый нами министръ внутреннихъ дѣлъ прибылъ въ Измаилъ 26 сентября въ полдня, и въ вечери старики подали прошеніе для моего опредѣленія, и министръ принялъ, приказалъ, чтобы утромъ въ 7-мъ часу явились къ нему со мною. Мы тако и сотворили. И благодареніе Всевышнему, принялъ насъ весьма ласково, и по принятіи хлѣба-соли старикамъ велѣлъ вытить изъ комнаты, а насъ съ отцомъ Маркеломъ оставилъ. *И мы весьма оробѣли, равно и вси старики, помышляли, какъ бы не сталъ нѣчто истязовать;* и онъ намъ даже ни одного слова противнаго не сказалъ и *ничего ни пыталъ, а только многое о чемъ говорилъ, а болѣе всего о свободѣ хвалился* (!) *въ Молдавіи всякой націи лѣригіямъ* (sic) *по парижскому трактату;* и наконецъ сказалъ министръ такъ: много на васъ было представленій отъ митрополита и здѣшней консисторіи въ министерство, дабы воспретить вамъ въ Молдавіи быть, но правительство на ихъ прошеніе не обратило на малѣйшаго вниманія, но ради спокойствія липованскихъ обществъ дозволяетъ вамъ правительство на всегдашнее проживаніе имѣть въ Молдавіи. И приказалъ министръ исправнику выдать мнѣ равашъ на проѣздъ по всей Молдавіи, а настоящую бумагу нащетъ опредѣленія обѣщался

выслать съ Яссъ. Прочія обстоятельства всѣ благополучны." *

Министръ сдержалъ данное Аркадію обѣщаніе о „настоящей бумагѣ нащетъ опредѣленія". 17 октября дѣло о дозволеніи раскольникамъ имѣть своего архіепископа, вопреки всѣмъ представленіямъ ясскаго митрополита, было рѣшено верховнымъ совѣтомъ въ пользу раскольниковъ, и 6 ноября это рѣшеніе изъ министерства церковныхъ имуществъ препровождено было для свѣдѣнія въ ясскую митрополію. Вотъ что̀ писалъ по этому случаю Ѳоминъ къ Бѣлокриницкому Кириллу: „Извѣщаю васъ, что дѣло нащетъ всегдашняго пребыванія въ Молдавіи нашего архіерея вышло въ нашу пользу. 17 минувшаго октября верховный совѣтъ опровергъ всѣ кляузы покойнаго митрополита Софронія Миклеску, что онъ не хотѣлъ признать нашего архіерея за архіерея, потому что нѣтъ признанной въ (у) Липованъ какой-либо церковной іерархіи. Но верховный совѣтъ рѣшилъ, что по 46 статьѣ изъ конвенціи Липоване-христіане ** пользуются своимъ духовенствомъ. Это рѣшеніе 6 ноября послано министерствомъ церковныхъ имуществъ къ намѣстнику митрополита для свѣдѣнія и порядка. Намѣстникъ получа оное прочиталъ и приказалъ положить въ архиву. Итакъ уже враждебники замолчали, и архіепископъ нашъ уже остается безъ всякой опасности, ибо его имя по всѣмъ министерствамъ извѣстно съ 1857 года." **

---

* Письмо отъ 30 сентября 1860 г.

** „Подъ именемъ Липоване называются скопцы, молокане и немоляки; а насъ назвали Липоване-христіане" (прим. Ѳомина).

*** Письмо Ѳомина отъ 23-го декабря 1861 года. Признательность къ новому правительству за такое покровительство раскольничьему духовенству однакоже не препятствовала Ѳомину жаловаться на другія распоряженія князя Кузы, отъ которыхъ приходилось терпѣть и старообрядцамъ. Напримѣръ, въ одномъ письмѣ къ Кириллу, въ отвѣтъ на его просьбу пособирать у ясскихъ раскольниковъ на отдѣлку Бѣлокриницкой церкви, онъ писалъ слѣдующее: „Въ настоящее время нѣтъ никакой надежды къ собранію чего-нибудь. По случаю перенесенія резеденціи въ Букарестъ вовсе ни стало ни торговли ни прочихъ заработокъ; теперь кто имѣетъ какую копѣйку, то въ три узла завязываетъ и говоритъ: не до милостины,— но дай Богъ только подати уплатить, да семейство прокормить. Вотъ какова время дождались! А это все происходитъ чрезъ со-

Если Аркадій Васлуйскій съ прочимъ раскольничьимъ духовенствомъ Молдавіи могъ существовать „безъ всякой опасности“ подъ сѣнію либеральнаго правительства Румыніи, руководимаго отеческою рукой императора Наполеона, то другой Аркадій—экзархъ некрасовскій, слыша въ своемъ славскомъ уединеніи объ этой же самой опекѣ Европы надъ Турецкою имперіей и обсуживая могущія произойдти и уже происходившія отсюда послѣдствія, напротивъ, ожидалъ не много хорошаго для будущности подвластнаго Турціи старообрядчества, и какъ мы замѣтили выше, началъ даже съ меньшей враждебностью смотрѣть на Россію. „Времена превратны, писалъ онъ Кириллу въ 1860 году, Турція всколебалась и принимаетъ новый видъ и новыя постановленія, Европа взошла въ распоряженіи Азіи, и Турки изумились и пришли въ отчаяніе, не знаютъ, на кого готовить оружіе.“ * Въ связи съ этими новыми постановленіями находился распространившійся между Некрасовцами слухъ, что отъ ихъ духовенства будетъ потребована какая-то присяга,— дѣло небывалое и сильно смутившее Аркадія; онъ даже приходилъ въ недоумѣніе, какъ нужно будетъ поступить въ такомъ случаѣ: „съ часу на часъ ожидаемъ, писалъ онъ тогда же въ Бѣлую Криницу, что епископы наши будутъ приведены къ присягѣ. Но что̀ заключается въ этой присягѣ намъ неизвѣстно. Если она будетъ вредительна церкви и христіанству, мы безъ сомнѣнія увѣрены, что за то святитель подлежитъ изверженію. Если же на подданство и на вѣрность государству, то какъ ваше мнѣніе? А въ правилахъ всякія клятвы отвержены и разсужденія въ правилахъ иного не видится.“ ** Умеръ Абдулъ-Меджидъ: для Аркадія новое огорченіе. Смерть этого султана, отъ котораго онъ видѣлъ столько милостей, сопоставлялъ онъ съ явленіемъ бывшей тогда кометы и въ обоихъ событіяхъ видѣлъ не-

---

единеніе Княжествъ; теперь Валахія процвѣтаетъ, а Молдавія вовсе стала вянуть. Дай Богъ, чтобы была какая-нибудь перемѣна къ лучшему, но только Богъ вѣсть, день отъ дня хуже и хуже; теперь наши Яссы, вмѣсто столичнаго молдавскаго города, остались только одинъ уѣздный городъ, какъ Батагань.“ (Письмо отъ 24 іюля 1862 г.)

*Письмо отъ 25 августа 1860 г.

** Письмо отъ 25 августа 1860 г.

счастныя для старообрядцевъ предзнаменованія. „Я, писалъ онъ одному московскому благопріятелю, сидя въ горницѣ разсуждаю о таковыхъ чудовищахъ: а) о кометѣ и о послѣдствіяхъ ея, ибо она устрашаетъ насъ и каждой ночи слѣдимъ ея. б) Смерть добраго султана, друга царемъ Европы, крестоносца кроткаго (ибо онъ пожалованъ крестомъ); онъ понизилъ мусульманство, онъ началъ Турокъ мирить съ Европейцами; но онъ умеръ къ непокою востока, а можетъ-быть и многихъ.“ * Наконецъ, весьма сильно занимало Аркадія происходившее тогда въ мусульманскомъ мірѣ движеніе, переходъ крымскихъ Татаръ и Черкесовъ въ Турцію, и переходъ изъ Турціи въ Россію, какъ бы въ замѣнъ ихъ, народовъ славянскаго происхожденія. Онъ опасался, какъ бы общимъ потокомъ не увлечены были и турецкіе старообрядцы; ибо видѣлъ, что нѣкоторые изъ нихъ были къ тому наклонны и даже открыли сношенія по вопросу о переселеніи съ русскимъ правительствомъ. Его именно занимала мысль, какъ поступить ему съ его духовенствомъ, если большинство турецкихъ старообрядцевъ переселится въ Россію. Повидимому, онъ склонялся къ тому, чтобы послѣдовать за большинствомъ, если условія къ переходу будутъ благопріятны, хотя съ другой стороны весьма жалѣлъ, что придется оставить въ запустѣніи многія хорошо устроенныя старообрядческія церкви и обители. Въ апрѣлѣ 1861 года онъ писалъ къ Кириллу: „за нужное почитаю вашему высокопреосвященству прописать немаловажную статью. Болѣе года идутъ отъ насъ въ Россію по большой части Малороссіяне, а старообрядцамъ полной свободы къ выходу не было, но они докучали русскому консулу, также молоканы и скопцы. Измаильскій консулъ на сихъ дняхъ молоканомъ объявилъ, что получилъ повелѣніе принимать молокановъ и старообрядцевъ, кромѣ скопцовъ, и увѣряетъ, что русскій царь даетъ всѣмъ религіямъ полную свободу и позволяетъ будто бы епископамъ и священникамъ всѣмъ выходить въ Россію въ своемъ званіи. И консулъ послалъ повѣстку нашимъ сельскимъ старшинамъ, чтобы къ нему явились и подали бы желаніе; а консулъ пошлетъ бумагу губернатору, а губернаторъ царю... И если начнется выходная, то Татары крымскіе, разсѣянные близь насъ, вселятся въ домы нашихъ

* Письмо отъ 27 іюня 1861 г.

христіанъ, и церкви Христовы восплачатся. Если останется большая половина, то еще можно жить; а если останется меньшая половина, то будетъ худо.*

Смотря такимъ образомъ довольно мрачно на происходившія въ Турецкой имперіи событія, и замѣчая, кромѣ того, что сами Турки стали не очень дружелюбно смотрѣть на живущихъ между ними старообрядцевъ, которыхъ подозрѣвали въ тайной приверженности къ Россіи, Аркадій по необходимости обратилъ свой пытливый выжидательный взоръ также на Россію, гдѣ, вмѣсто прежняго вредоноснаго, по его выраженію, сѣвернаго повѣтрія, замѣчалъ онъ благораствореніе воздуховъ, среди котораго легко стало дышать старообрядцамъ, и которымъ при удобныхъ обстоятельствахъ хорошо было бы воспользоваться и ему. Повидимому, его взглядъ на Россію дѣйствительно измѣнился, и онъ сталъ усердно заботиться объ установленіи и упроченіи добрыхъ отношеній къ русскому правительству. Это особенно ясно обнаружилось въ его поведеніи по дѣлу о частицѣ изъ пятой просфоры. Извѣстный невѣжда и фанатикъ, Антоній московскій (первый) проповѣдывалъ, что за царя, какъ пребывающаго въ ереси, вынимать назначенную въ служебникѣ частицу (т.-е. изъ пятой просфоры) не подобаетъ, и даже составилъ о семъ предметѣ нелѣпую тетрадку, которую раздавалъ всѣмъ рукоположеннымъ отъ него раскольничьимъ попамъ, строго заповѣдуя держаться изложеннаго въ ней наставленія. Эта нелѣпая тетрадка и этотъ образъ дѣйствій Антонія вызвали сильный протестъ со стороны тогдашняго коломенскаго епископа Пафнутія, который по сему случаю нещадно обличалъ Антонія и въ невѣжествѣ, и въ изувѣрствѣ, угрожая, кромѣ того, отдать его дѣйствія на судъ митрополіи и собора епископовъ. Но Антоній и самъ послалъ тетрадь свою за границу къ подобному же себѣ фанатику, Аркадію Васлуйскому, чтобъ онъ далъ ее на разсмотрѣніе и прочимъ заграничнымъ раскольничьимъ архіереямъ. Отъ Васлуйскаго она дѣйствительно была доставлена и въ митрополію, и къ Аркадію Славскому. ** Такимъ образомъ

---

* Письмо отъ 7-го апр. 1861 г.

** Тетрадка Антонія расходилась по рукамъ раскольниковъ и вездѣ возбуждала споры. Изъ Яссъ Ѳоминъ писалъ Кириллу: „Копію о частицахъ въ (у) насъ читали два архимандрита Іоасафъ и Варсо-

возникъ вопросъ о частицѣ изъ пятой просфоры. Васлуйскій, раздѣлялъ мнѣніе Антонія и писалъ къ Кириллу, чтобъ онъ воздержался отъ противнаго рѣшенія. Аркадій Славскій, напротивъ, возсталъ рѣшительно противъ Антоніева лженученія, находя его несогласнымъ съ ученіемъ церкви, совершенно неблаговременнымъ и крайне опаснымъ для старообрядства. Свое мнѣніе онъ изложилъ подробно въ письмахъ къ Кириллу и самому Васлуйскому. Въ этихъ-то письмахъ и выразилъ онъ довольно ясно свой взглядъ на то, какъ должны заботиться старообрядцы въ настоящее время о сохраненіи своихъ добрыхъ отношеній особенно къ русскому правительству. Вотъ что писалъ онъ къ Кириллу: „получилъ я о частицахъ отъ архіепископа Антонія, который воспрещаетъ вынимать часть за царя, а велитъ вынимать за духовнаго отца. А въ нашей епархіи почти всѣмъ іереямъ духовникъ епископъ, то и приходится за него вынимать двѣ частицы, т.-е. двѣ просфиры. Нужно Антоніево мнѣніе сообразить съ божественнымъ писаніемъ,—въ началѣ разсмотрѣть Евангеліе Господа Нашего Іисуса Христа, потомъ вопросить пророковъ и апостоловъ, также церковныхъ учителей, разсмотрѣть и древній обычай церковный.“ Вслѣдъ за симъ онъ дѣйствительно приводитъ разныя свидѣтельства въ защиту той мысли, что приносить жертву за царя, хотя бы даже иновѣрнаго и нехристіанскаго, необходимо,—начиная эти свидѣтельства сказаніемъ о извѣстныхъ Галилеянахъ, возбранявшихъ жертвоприношенія за Кесаря, и которыхъ Пилатъ предалъ за это смерти, смѣсивъ кровь ихъ съ жертвами. „Если, пишетъ далѣе Аркадій, узнаетъ русское правительство о старообрядцахъ, что такое начинаютъ, если узнаетъ Австрія о нашей митрополіи, и даже

нофій и нашъ протоіерей Георгій, и много разсуждали, — одинъ одобряетъ ее, а другой нѣтъ“ (письмо отъ 25-го янв. 1862 г.). Въ другомъ письмѣ: „Насчетъ частицъ, это нужно бы вамъ написать къ экзарху Аркадію, чтобъ онъ о семъ предметѣ постарался разыскать изъ божественнаго писанія и составилъ бы книжку, дабы знали всѣ священники, какъ дѣйствовать, *ибо теперь одни вынимаютъ за державнаго, а другіе даже и на ектиніяхъ боятся произнестъ имя державнаго.* Объ этомъ нужно вамъ, какъ верховной власти, позаботиться, дабы не было разногласія, и что слѣдуетъ, такъ и установить“ (письмо отъ 17-го февр. 1862 г.).

Турція (но оно откроется вскорѣ отъ самихъ нашихъ необузданій), то случится съ нами то самое, что̀ и съ Галилеянами. Россія печатаетъ о всѣхъ вредныхъ сектахъ безпоповскихъ: и о семъ не умолчитъ. Если нынѣшнія образованныя времена сему не попустятъ быть, еже смѣсити кровь съ жертвами; но смѣсятъ насъ съ вредными ересьми, какъ было уже и подходило.... Если митрополія потеряла себя за непринятіе метрикъ *, не постраждемъ ли большаго за устраненіе царя, еже не поминати во святыхъ тайнахъ. Русское духовенство вознесетъ рогъ, разстроитъ добраго царя Александра, который добръ являлся нашимъ христіанамъ. Они и безъ этого часто внушали царямъ, что если раскольникамъ дать свободу, то они поставятъ своего царя; а теперь и статья подходитъ, что изъ седми просфиръ царская просфира уничтожается. Не скажу о россійскихъ враждебникахъ, но о нашихъ раздорникахъ, какія они сплетали бредни на церковь, но и теперь сплетаютъ, что будто бы съ Россіею имѣемъ переписи, клевещутъ на кунакѣ аянамъ, кадіямъ и прочимъ членамъ афендіи: „у нихъ въ книгахъ вся фамилія русскаго царя“ и прочія нелѣпости, какъ-то: за папу Бога молятъ; теперь же съ дерзостію зарыкаютъ, что уже за султана и Бога не молятъ и прочая. Господинъ архіепископъ Васлуйскій прислалъ мнѣ Антоніеву тетрадь о семъ предметѣ. Я, показавши начитаннымъ инокамъ, которые согласно со мною отвергли Антоніево мнѣніе, и я о семъ отписалъ обратно г-ну Васлуйскому, на сей почтѣ буду писать и въ Москву, что мы несогласны сему послѣдовать, а остаемся при описанныхъ выше сего свидѣтельствахъ. Архіепископъ Васлуйскій отъ себя приписалъ, что есть книга въ митрополіи, въ коей запрещаетъ за инославнаго царя вынимать частицу,—книга старописьменная. Есть и у насъ книга древлеписьменная, въ которой есть статья о 12-ти пятницахъ, есть и другая, въ которой описанъ церемоніалъ, какъ возятъ на колесницѣ солнце, множество ангелъ служитъ ему, которые поливаютъ водой, а другіе иныя службы и почести творятъ солнцу. Можно ли вѣрить тому, что̀ въ писаніи не имѣется!“ ** Тѣ же мысли Ар-

* Рѣчь идетъ о томъ, что̀ было во время Штокеровской коммиссіи.

** Письмо отъ 19-го марта 1862 г.

кадій выражаетъ и въ письмѣ къ самому Васлуйскому. „Обсудить подобаетъ, писалъ онъ между прочимъ, если откроется въ Россіи сіе дѣйствіе, потеряютъ наши старообрядцы свое уваженіе, и запишетъ Россія насъ въ числѣ вредныхъ сектъ.... Лишены мы были церквей, монастырей и священства.... Александръ же Николаевичъ даетъ свободу всѣмъ иновѣрнымъ, равно и старообрядцамъ. Всякъ языкъ исповѣдаетъ, возвращайтесь въ свое отечество, изомроша бо ищущіи душу отрочати. Іосифъ патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ вопіетъ: *не будьте измѣнниками*, идите въ свое отечество.“ *

Такъ измѣнилъ тонъ своихъ рѣчей объ Россіи и объ отношеніяхъ къ ея правительству одинъ изъ главныхъ представителей и руководителей заграничнаго старообрядства, задушевный другъ Гончарова, усердный почитатель Чайковскаго и прочихъ „Европейцевъ“ и преданнѣйшій рабъ турецкаго султана, видѣвшій въ немъ еще недавно высокаго защитника старообрядцевъ отъ „утѣсненій сѣвера“. Съ одной стороны, неблагопріятныя перемѣны, происходившія во владѣніяхъ этого высокаго покровителя, съ другой, добрыя извѣстія о положеніи старообрядцевъ, приходившія изъ Россіи, и на него, какъ видно, произвели вліяніе, такъ что даже возвращеніе въ Россію стало для него предметомъ желаній и надеждъ. Но „владыка Аркадій“ старецъ многоопытный и слишкомъ искушенъ жизнію, чтобы могъ довѣрчиво предаваться надеждамъ и отраднымъ ожиданіямъ. Обративъ свои испытующіе взоры на Россію и, повидимому серіозно, помышляя о возвращеніи въ нее заграничныхъ старообрядцевъ, онъ не думалъ однакоже разрывать своихъ связей съ старыми друзьями и покровителями, и даже на всякій случай протягивалъ руку новымъ, извѣстнымъ своею враждебностью къ русскому правительству. Приглашая старообрядцевъ драгоцѣннымъ для нихъ именемъ патріарха Іосифа „не быть болѣе измѣнниками“, самъ онъ въ то же время не отказался войдти въ сношенія съ новою партіей „Европейцевъ“, уже россійскаго происхожденія, имѣвшею тогда свое главное мѣстопребываніе въ Лондонѣ и пожелавшею сблизиться съ раскольниками въ видахъ, крайне враждебныхъ Россіи...

---

* Копія съ Аркадіева письма, присланная Васлуйскимъ въ Бѣлую-Криницу.

X.

Оставивъ Россію и устроивъ себѣ удобное жительство въ Лондонѣ, г. Герценъ, какъ извѣстно, посвятилъ себя на служеніе великой задачѣ — облагодѣтельствовать оставленную имъ злополучную родину посредствомъ радикальнаго преобразованія ея политическаго и соціальнаго устройства. Ему мечталось, что въ Россіи не трудно подготовить удобную почву для осуществленія его фантазій, что въ русскомъ народѣ, во всѣхъ его классахъ и слояхъ, находится довольно элементовъ, годныхъ для этой цѣли, что нужно только овладѣть ими и опытной, искусной рукой направить, куда слѣдуетъ. Значительное накопленіе такого рода элементовъ онъ находилъ между прочимъ въ русскомъ старообрядчествѣ, которое, по его мнѣнію, не сознавало ясно ни своего характера, ни своего историческаго назначенія и которому нужно только объяснить и то и другое, чтобы сдѣлать изъ него, при огромной численности и рѣдкомъ единодушіи старообрядцевъ, могучее орудіе государственнаго переворота въ Россіи. Впрочемъ, такое воззрѣніе и такіе виды на старообрядцевъ у г. Герцена явились довольно не рано и мы не беремся рѣшать, откуда именно они возникли,— своимъ ли собственнымъ умомъ дошелъ до нихъ г. Герценъ, или просвѣщенъ былъ примѣромъ польской эмиграціи, которая производила, и не совсѣмъ безъ успѣха, пропаганду между Некрасовцами, или наконецъ и въ этомъ случаѣ не мало значили для него услужливыя корреспонденціи его русскихъ почитателей, извѣщавшія о неотразимомъ вліяніи г. Герцена даже на старообрядческое общество. Для насъ достаточно знать, что около 1860 года лондонская компанія стала серіозно помышлять о русскомъ старообрядчествѣ и сліяніи своего дѣла съ дѣломъ старообрядцевъ, что для открытія первоначальныхъ съ ними сношеній, равно какъ для уясненія имъ полной солидарности ихъ несознаваемыхъ стремленій съ видами и стремленіями лондонскихъ реформаторовъ признано нужнымъ посвятить собственно для нихъ особую, спеціальную часть изданій „вольной русской типографіи“. Справедливость требуетъ замѣтить, что самъ г. Герценъ имѣлъ на столько осторожности

и такта, чтобы на себя лично не брать этого, совершенно незнакомаго ему дѣла; онъ только гарантировалъ его своимъ авторитетомъ, а самое исполненіе поручилъ одному изъ своихъ почитателей, не очень задолго передъ этимъ явившемуся въ Лондонъ, г. Кельсіеву старшему.

В. И. Кельсіевъ, послѣ неудавшагося *Стоглава*, о которомъ не стоитъ и поминать, приступилъ къ изданію извѣстнаго *Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*. Въ 1860 году явился первый выпускъ этого *Сборника*; въ слѣдующемъ году—второй, и еще два въ 1862 году. Конечно, г. Кельсіевъ не могъ располагать такимъ обиліемъ сочиненій раскольничьихъ и о расколѣ, чтобы при печатаніи дѣлать изъ нихъ строгій выборъ по опредѣленному плану и съ опредѣленною цѣлію, но тѣмъ не менѣе въ самомъ даже подборѣ статей, вошедшихъ въ составъ *Сборника*, нельзя не видѣть такого именно заранѣе опредѣленнаго плана. Содержаніе *Сборника* составляютъ собственно секретныя записки и цѣлыя сочиненія о расколѣ, въ разное время писанныя по порученію правительства чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ и дотолѣ хранившіяся въ министерскихъ архивахъ и портфеляхъ, подъ строжайшимъ покровомъ канцелярской тайны, откуда услужливая рука друзей и доставила ихъ лондонскимъ издателямъ, безъ сомнѣнія, по предварительной просьбѣ этихъ послѣднихъ и указанію, какого рода сочиненія желаютъ они имѣть и издать. А имѣть въ своемъ распоряженіи и издать въ свѣтъ *правительственныя* сочиненія о расколѣ имъ желательно было потому, что такія сочиненія, по ихъ мнѣнію, должны были очевиднымъ образомъ показать старообрядцамъ, какъ невыгодно смотритъ на нихъ и какъ враждебно къ нимъ относится русское правительство, служить какъ бы уликой правительства предъ старообрядцами и этихъ послѣднихъ утвердить еще больше во враждѣ къ правительству. Надѣясь такимъ образомъ посредствомъ изданія секретныхъ правительственныхъ записокъ утвердить старообрядчество въ его старой оппозиціи противъ правительства, издатели разчитывали чрезъ это же самое поставить самихъ себя въ очень выгодныя отношенія къ старообрядцамъ, сразу показать себя ихъ друзьями, людьми не довольными правительствомъ столько же, какъ и они. Для лучшаго разъясненія всего этого читателямъ, которые могутъ понять изданные документы пожалуй и не такъ, какъ хотѣ-

лось бы издателю, *Сборникъ* снабженъ предисловіями, гдѣ именно разъясняется въ извѣстномъ направленіи смыслъ напечатанныхъ документовъ и кстати раскрывается не ясно сознаваемое будто бы самими старообрядцами ихъ назначеніе въ исторіи, равно какъ дѣлаются весьма понятные намеки на солидарность этого назначенія съ цѣлями и стремленіями самого лондонскаго братства. Какъ все сдѣлано въ предисловіяхъ, стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе. *

Вотъ общее замѣчаніе издателя о статьяхъ, напечатанныхъ въ первомъ выпускѣ *Сборника*: „О сочиненіяхъ, вошедшихъ въ этотъ выпускъ, мы замѣтимъ слѣдующее. Авторы ихъ, чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, *сдѣлали все, чтобъ очернить раскольниковъ предъ правительствомъ*“. Затѣмъ, смягчивъ нѣсколько свой отзывъ въ отношеніи къ одному изъ этихъ чиновниковъ, онъ продолжаетъ: „Остальные отыскиваютъ каждый двусмысленный фактъ, который можетъ бросать тѣнь на сектаторовъ, придаютъ ему особенную важность и *натянуто* выставляютъ его на видъ“ (стр. XXX—XXXI). Съ особеннымъ негодованіемъ отзывается издатель объ авторѣ записки *О заграничныхъ раскольникахъ*, Н. И. Надеждинѣ. Статья *О заграничныхъ раскольникахъ* безспорно лучшая изъ всѣхъ, напечатанныхъ въ *Сборникѣ*; она доселѣ не потеряла своего значенія и служитъ почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о поселившихся за границей нашихъ старообрядцахъ. Даже то, что авторъ говоритъ собственно объ учрежденіи Бѣлокриницкой митрополіи въ Буковинѣ, тогда еще не приведенномъ къ окончанію, оказывается гораздо вѣрнѣе напечатанныхъ въ послѣдствіи разказовъ о томъ же событіи (напримѣръ въ извѣстной *Книгѣ о промыслѣ*),—многое, о чемъ авторъ говорилъ только предположительно, оправдалось на самомъ дѣлѣ и свидѣтельствуетъ, равно какъ и вся записка, о рѣдкой его наблюдательности. Безпристрастный читатель не скажетъ и того, чтобы Надеждинъ въ своей статьѣ слишкомъ враждебно относился къ заграничнымъ старообрядцамъ; а личныя сношенія его напримѣръ съ бѣлокриницкими иноками не лишены были даже нѣкотораго рода искренности и откровенности:

---

* Мы имѣемъ въ виду собственно предисловія къ первому и второму выпускамъ; предисловіе къ третьему не важно, а четвертый выпускъ явился вовсе безъ предисловія.

это мы знаемъ отъ самихъ бывшихъ иноковъ бѣлокриницкаго монастыря, очень хорошо помнящихъ, какъ Надеждинъ пріѣзжалъ въ Бѣлую-Криницу; подтвержденіе этого можно найдти даже въ сочиненіяхъ инока Павла. * Но г. Кельсіевъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ученыя и литературныя достоинства записки Надеждина; тѣмъ меньше расположенъ онъ видѣть что-нибудь похожее на искренность, или честность въ его личныхъ отношеніяхъ къ Липованамъ: ему достаточно того, что Надеждинъ ѣздилъ въ населенныя раскольниками мѣста по порученію русскаго правительства, что записку свою писалъ онъ для того же правительства, что говоритъ объ ней въ интересахъ русскаго государства и православной церкви—и онъ осыпаетъ Надеждина бранью, называетъ „рабомъ и шпіономъ правительства“ и, что надобно полагать всего ужаснѣе по его мнѣнію, „отчаяннымъ православнымъ“; обвиняетъ его въ „непонятной свирѣпой ненависти къ раскольникамъ“, въ клеветѣ „на этихъ добрыхъ и честныхъ (sic) мужиковъ, которымъ пришлось бросить Россію и которыхъ отечество заставляетъ *любить австрійское правительство*“ **; въ заключеніе же произноситъ надъ нимъ слѣдующій грозный приговоръ: „Онъ навѣки опозорилъ себя предательствомъ (?), написаннымъ его же собственной рукой въ этомъ желчномъ доносѣ (?). Кто его толкалъ? Во имя чего онъ дѣйствовалъ?... На немъ остается страшное клеймо (?), одно изъ тѣхъ, которыя не смываются никакими заслугами, даже и бо́льшими помѣщенія въ *Телескопѣ* письма Чаадаева“ (стр. XXXII—XXXIII). Кстати такой же приговоръ произноситъ г. Кельсіевъ и надъ тѣми почтенными лицами, о которыхъ Надеждинъ упомянулъ съ уваженіемъ, какъ о людяхъ не сочувствовавшихъ замысламъ буковинскихъ старо-

---

* Такъ въ извѣстной статьѣ своей о крестномъ знаменіи, писанной для митрополита Амвросія, Павелъ говоритъ: „Въ бытность у насъ въ бѣлокриницкомъ монастырѣ 1845 года, изъ петербургскихъ академическихъ учителей, г. Николай Ивановичъ Надеждинъ истинно самъ сознался при лицѣ настоятеля и братіи, что вышепомянутое соборное дѣяніе (на еретика Мартина) никогда не бывало.“ Сдѣлать, и притомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, подобный отзывъ о соборномъ дѣяніи на Мартина, въ бесѣдѣ съ старообрядцами значило быть съ ними очень откровеннымъ и искреннимъ.

** Курсивъ въ подлинникѣ.

обрядцевъ основать свою самостоятельную іерархію и сообщавшихъ ему разныя свѣдѣнія о заграничномъ старообрядчествѣ, таковы: извѣстный ученый Шафарикъ, историкъ Зубрицкій и достопочтенный буковинскій митрополитъ Евгеній Гакманъ, старецъ, доселѣ украшающій архіерейскую каѳедру въ Черновицахъ, котораго г. Кельсіевъ, какъ бы глумясь надъ его славянской фамиліей, называетъ попросту отцомъ Хибайлой (стр. XXXIV—XXXV). Мы, пожалуй, не станемъ отрицать, что всѣ эти сужденія и приговоры г. Кельсіевъ дѣлалъ искренно, по убѣжденію, по принципу; но съ другой стороны нельзя не согласиться, что такого рода сужденія и приговоры особенно пріятные русскимъ старообрядцамъ, и именно той огромной половинѣ ихъ, которая принимаетъ бѣлокриницкое священство, на нихъ именно и разчитаны; это тѣмъ болѣе ясно, что рядомъ съ самыми суровыми отзывами о Надеждинѣ и другихъ мнимыхъ доносчикахъ на невинное старообрядчество издатель выражаетъ съ своей стороны горячее сочувствіе этому послѣднему, говоритъ о честныхъ и добрыхъ старообрядческихъ нравахъ, о томъ какъ „чисто“ будто бы ведено было дѣло объ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи (надо полагать, что г. Кельсіевъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, какъ ведено это дѣло), увѣряетъ, что раскольниковъ „нельзя упрекнуть не только въ чемъ-нибудь преступномъ, но даже ни въ какомъ плутовствѣ“ (!), дѣлаетъ очень пріятное для старообрядцевъ замѣчаніе, что было бы весьма хорошо, еслибъ русское правительство „объявило полноправіе и свободу всѣхъ исповѣданій безъ исключенія“, еслибъ „отецъ Кириллъ поселился въ Москвѣ“.... по сосѣдству съ Троицкимъ подворьемъ....

Въ предисловіи къ тому же первому выпуску издатель высказываетъ и свои сужденія объ исторіи и историческомъ назначеніи старообрядчества,—сужденія совершенно согласныя съ тѣми понятіями о политическомъ значеніи раскола, которыя отчасти изложили мы въ самомъ началѣ нашей статьи. По мнѣнію издателя, расколъ есть не что иное, какъ оппозиція правительству, проявленіе недовольства существующимъ порядкомъ и устройствомъ общественнаго быта въ Россіи, и въ этомъ отношеніи замѣнилъ собою казачество, которое „было прибѣжищемъ всему недовольному обществомъ, но жило для себя, не думая и не заботясь о пропа-

гандѣ и о возможности развитія своихъ убѣжденій въ покинутой родинѣ", каковая „безсознательность", по мнѣнію издателя, и убила казачество. „Въ то время, продолжаетъ онъ, когда казачество отживало и падало подъ властью самодержавія, является новый представитель свободы, тоже не имѣющій сознанія, но проповѣдывающій и не щадящій ничего для проповѣди.... Мы видимъ въ исторіи Великоруссовъ постоянное стремленіе къ независимости, которое поочередно выражалось то вѣчевымъ порядкомъ, то удѣльною особностью, то казачествомъ и, наконецъ, приняло форму раскола" (стр. IV). Дальше онъ точно и подробно опредѣляетъ, къ чему именно стремится расколъ въ своей оппозиціи правительству. „Мы не можемъ не согласиться, говоритъ онъ, въ справедливости и въ разумности того, что̀ они (раскольники) требуютъ. Мы видимъ въ самомъ существованіи раскола великій залогъ будущаго развитія Россіи." Въ расколѣ онъ видитъ именно (съ своей точки зрѣнія) „очень чистыя политическія начала." „Эти начала, продолжаетъ онъ, высказаны быть можетъ не ясно, не бросаются въ глаза, *запутаны и затерты въ догматахъ*, но все-таки расколъ держится ихъ и надѣется рано или поздно осуществить".... „Расколъ не умѣетъ высказать (?), но умѣетъ страдать за слѣдующія желанія: 1) онъ хочетъ полной свободы совѣсти, свободы исповѣданія всѣмъ толкамъ, не стѣсненнаго никакими внѣшними постановленіями.... 2) Онъ считаетъ преступнымъ платить подати (?) на содержаніе чиновничества и вообще правительства.... 3) Расколъ при малѣйшей возможности избѣгаетъ суда у правительства.... 4) Паспортъ, прикрѣпленность къ мѣсту или къ сословію онъ ненавидитъ.... 5) Онъ ненавидитъ всякаго рода полицію", и т. д. (стр. XXVIII—XXIX).

Вотъ какъ издатель *Сборника* и вообще лондонская братія смотрѣли на расколъ и вотъ какія понятія о расколѣ имъ желательно было внушить самимъ старообрядцамъ. Но г. Кельсіевъ не ограничился тѣмъ, что далъ имъ такого рода историческій урокъ; онъ высказываетъ желаніе и питаетъ надежду, что старообрядцы сдѣлаютъ изъ этого урока практическое приложеніе, что они перестанутъ молча страдать и втихомолку жаловаться на правительство, что наконецъ сознательно, самымъ дѣломъ выразятъ свой протестъ противъ него; издатель указываетъ старообрядцамъ и удобнѣйшее къ тому средство, именно въ соединеніи съ лондонскою оппози-

ціей тому же правительству. „Развѣ разумно, говоритъ онъ, ограничиваться однѣми жалобами, не думая въ то же время о средствахъ помочь бѣдѣ, о необходимости новаго устройства народнаго быта, при которомъ не было бы *возможности* * повторенія теперешнихъ золъ“ (стр. VI)? И потомъ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Долго ли продолжится такое направленіе, и когда раскольники приведутъ въ порядокъ свои требованія, *будетъ зависѣть отъ ихъ сближенія съ образованнымъ меньшинствомъ, въ которомъ нѣтъ къ нимъ вражды, и у котораго есть много общихъ враговъ съ расколомъ*“ (стр. XL). Весьма любопытно также слѣдующее куріозное замѣчаніе: „за русскимъ правительствомъ есть *другая Россія: образованное меньшинство и раскольники, которыми выражается наше* (?) *общественное мнѣніе* (стр. XXXIV). Господа, признанные въ Лондонѣ за россійское образованное меньшинство, а потомъ у насъ такъ удачно прозванные нигилистами, да еще раскольники—вотъ, по мнѣнію лондонской братіи, истинная Россія, „и вотъ общественное мнѣнье“ въ Россіи!...

Мысль о политическомъ, антиправительственномъ значеніи раскола, какъ самой существенной его принадлежности, и о полной въ этомъ отношеніи солидарности раскольниковъ съ образованнымъ меньшинствомъ, ставшимъ подъ знамя г. Герцена, высказана такимъ образомъ довольно ясно и въ предисловіи къ первому выпуску *Сборника*; еще яснѣе выражается она въ предисловіи ко второму выпуску. Вотъ напримѣръ въ какихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ говоритъ издатель о постоянной политической борьбѣ, которую будто бы ведутъ старообрядцы подъ прикрытіемъ своихъ религіозныхъ стремленій, въ сущности не имѣющихъ никакого значенія. „Вѣра, болѣе всего остальнаго доступная народу, служитъ ему *предлогомъ* вести чисто-политическую борьбу. Самъ онъ этого не сознаетъ и твердо убѣжденъ, что дѣйствуетъ только за вѣру, а между тѣмъ онъ такъ прилагаетъ ея догматы, что подъ ихъ знаменемъ становится чисто борцомъ за свободу, насколько онъ ее понимаетъ. Черниговскіе раскольники и черниговскіе скиты играютъ огромную роль въ исторіи двухъ послѣднихъ вѣковъ. Чтобы увѣриться въ этомъ стоитъ прослѣдить ихъ исторію, хоть по Полному

* Курсивъ въ подлинникѣ.

Собранію Законовъ, и припомнить, что отсюда вышелъ Емельянъ Пугачевъ. Черниговскіе старообрядцы разъ уже чуть-чуть не опрокинули императорскую Россію и теперь, въ другой разъ, потрясаютъ ее (!) своимъ бѣло-криницкимъ о. Кирилломъ:—сношенія Бѣлой-Криницы съ Москвой идутъ чрезъ ихъ посады, черезъ Орловскую губернію, населенную потомками разныхъ бѣглыхъ, и черезъ Тулу, старообрядческій городъ. Изъ Тулы и изъ Москвы идутъ дороги во всѣ старообрядческія мѣста; отъ этихъ двухъ городовъ, какъ отъ центровъ, по всей великой Россіи и по всей Сибири расходятся селенія недовольныхъ настоящимъ правительствомъ. Черниговскіе посады — прибѣжище всѣхъ бѣглыхъ; тамъ идетъ вѣчная глухая война съ правительствомъ, въ каждомъ домѣ потаенные ходы и разнаго рода тайники, полиція на подкупѣ, агенты по всей Россіи“ (стр. VI—VII). А мысль о тѣсномъ родствѣ раскольниковъ, какъ политическихъ дѣятелей, съ „образованнымъ меньшинствомъ“ и желаніе этого послѣдняго соединиться съ ними, чтобы дѣлать общее дѣло, выражены со всей опредѣленностью въ заключительныхъ словахъ предисловія: „Составитель этого *Сборника* почтетъ себя вполнѣ счастливымъ, если изданіемъ двухъ настоящихъ выпусковъ и нѣсколькими словами, сказанными имъ въ защиту раскольниковъ, ему удалось возбудить интересъ нашего меньшинства къ ознакомленію съ раскольниками, а въ самихъ раскольникахъ породить мысль, что не всѣ желаютъ имъ зла и не всѣ смотрятъ на нихъ какъ на враговъ; что напротивъ каковы бы ни были вѣрованія русскихъ людей, у всѣхъ насъ есть одно общее дѣло: *дѣло затмѣненія существующаго правительственнаго произвола возможно болѣе свободными учрежденіями*“ *(стр. XVI—XVIII).

Таково существенное содержаніе предисловій къ двумъ первымъ выпускамъ лондонскаго *Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*. Цѣль, съ какою предпринято изданіе этого *Сборника*, въ нихъ обозначена довольно ясно: эта цѣль, какъ мы сказали, состояла именно въ привлеченіи старообрядцевъ къ совокупному дѣйствованію съ лондонскими агитаторами, въ утвержденіи между тѣми и другими тѣсной связи и живыхъ сношеній, при помощи постепеннаго разъясненія старообрядцамъ мнимой законности ихъ

---

* Курсивъ въ подлинникѣ.

враждебныхъ отношеній къ русскому правительству, великой будто бы важности ихъ политическихъ, доселѣ мало сознаваемыхъ ими, стремленій и глубокой симпатіи къ этимъ ихъ стремленіямъ и къ нимъ самимъ всего „образованнаго русскаго меньшинства“, главные представители и вожди котораго основали себѣ пребываніе въ Лондонѣ. Въ послѣдствіи, когда обстоятельства казались Лондонцамъ особенно важными и благопріятными для ихъ дѣятельности, они признали недостаточнымъ для этой цѣли одного только изданія *Сборниковъ*. Съ половины 1862 года, когда именно настала для Россіи извѣстная тревожная пора, начали они издавать, въ видѣ приложеній къ *Колоколу*, особые листы подъ названіемъ *Общее Вѣче*, назначенные исключительно для старообрядцевъ и простаго народа. Въ *Общемъ Вѣчѣ*, которое издавалось по программѣ, начертанной г. Кельсіевымъ, но, за его отсутствіемъ, подъ главною редакціей г. Огарева, уже гораздо рѣшительнѣе и непринужденнѣе, нежели въ предисловіяхъ къ *Сборнику*, развивались, въ видѣ уроковъ политической мудрости старообрядцамъ, крайнія соціалистическія и революціонныя идеи; здѣсь производились въ духѣ тѣхъ же идей обозрѣнія современныхъ событій и старообрядцы призывались къ дѣятельному въ нихъ участію. * Правда, спустя не болѣе года, когда, къ великому огорченію Лондонцевъ, старообрядцы не оправдали ихъ надеждъ и заявили себя рѣшительными противниками всякаго революціоннаго движенія, *Общее Вѣче* нѣсколько измѣнило свой характеръ: благодушно-наставническій тонъ и отечески-нѣжная внимательность къ старообрядцамъ уступили мѣсто жалобамъ на ихъ недальновидность и худо скрываемому недовольству ихъ поведеніемъ; но въ первое время эти листки имѣли тотъ же, только яснѣе выражаемый, характеръ и ту же самую цѣль, которыя мы указали въ *Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*. **

---

* Объ одной изъ статей такого рода М. П. Погодинъ писалъ г. Герцену: „я прочелъ у васъ посланіе къ поповцамъ: ну можетъ ли быть что-нибудь глупѣе, невѣжественнѣе и нелѣпѣе?“ (*Русскій*, л. 9, стр. 141.) Въ письмѣ къ самому г-ну Герцену такой отзывъ нельзя, конечно, не признать весьма откровеннымъ, но тѣмъ не менѣе онъ совершенно справедливъ.

** Желающіе нѣсколько ближе познакомиться съ *Общимъ Вѣчемъ* могутъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ изъ напеча-

Итакъ, обитавшіе въ Лондонѣ русскіе выходцы посредствомъ названныхъ нами изданій „вольной русской типографіи“ хотѣли въ извѣстныхъ видахъ проложить путь къ сближенію съ старообрядцами, къ открытію дѣйствительныхъ, живыхъ съ ними сношеній. Что же? Была ли достигнута эта цѣль? Удалось ли имъ открыть эти сношенія? Какъ они происходили и къ какимъ привели послѣдствіямъ?

XI.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда въ нѣкоторыхъ журналахъ, подъ защитой цензурныхъ одобреній и подъ легкимъ покровомъ иносказанія, ревностно проповѣдывались разрушительныя идеи, когда и въ обществѣ и въ литературѣ такъ замѣтно было вліяніе незадолго передъ тѣмъ явившагося на свѣтъ и усердно читавшагося *Колокола*, нашлось и между московскими старообрядцами нѣсколько личностей, которыя вслѣдъ

танной въ *Русск. Вѣст.* 1862 г. (№ 9, стр. 325) статьи подъ заглавіемъ: *Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ*. Въ 1863 году въ Лондонѣ было еще перепечатано *Собраніе постановленій по части раскола*, напечатанное въ Петербургѣ въ 1858 г., по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ. Лондонское изданіе снабжено коротенькимъ предисловіемъ, какъ по всему видно, работы того же г-на Кельсіева. Здѣсь повторяются прежнія назиданія старообрядцамъ, какъ напримѣръ, что изъ книги *Постановленій* „они узнаютъ, какъ постоянно хитро правительство ихъ преслѣдовало“, что правительство „свободы вѣры и богослуженія имъ никогда не дастъ и преслѣдованій никогда не прекратитъ“, что эту свободу „только *сила* можетъ *взять*“, что „дѣйствительная и дѣятельная сила“ получится тогда, когда всѣ толки соединятся во имя свободы вѣры, и т. п. Упомянемъ еще объ одной книжкѣ, изданной обществомъ Герцена также въ видахъ служенія расколу: мы разумѣемъ напечатанное въ 1865 г. *Исповѣданіе Молокановъ*. Справедливый отзывъ объ этомъ мнимо-молоканскомъ исповѣданіи сдѣлалъ г. Погодинъ въ письмѣ къ г. Герцену: „Перелистовалъ присланное вами *Исповѣданіе Молокановъ*. Ну, дадутся же они диву, узнавъ изъ этой книжки свое ученіе, не въ примѣръ Мольерову мѣщанину, провѣдавшему нечаянно, что онъ всю жизнь свою говорилъ прозой, самъ не сознавая того. Что это такое? Какой-то катихизисъ домашняго рукодѣлья, съ подкладкой француз-

за другими увлекались современнымъ направленіемъ. Люди, считавшіе себя передовыми въ своемъ обществѣ, и дѣйствительно умные и любознательные, но не получившіе образованія, они читали съ жадностью все, что̀ печаталось наиболѣе либеральнаго въ томъ или другомъ отношеніи, и особенно эти запретные лондонскіе листы, которые какими-то тайными путями проникали во всѣ углы россійскаго государства и которымъ самая ихъ таинственность и запретность придавали особенную обаятельную силу. Къ удивленію, эти личности умѣли какъ-то совмѣстить крайній либерализмъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніи съ своими старообрядскими убѣжденіями, и почитая г. Герцена врагомъ религіи вообще и православія въ особенности, въ то же время готовы были видѣть въ немъ покровителя раскольничьей „древлеправославной вѣры“. Между ними возникала уже мысль — въ интересахъ раскола открыть сношенія съ издателемъ *Колокола*, отдать подъ его охрану и защиту непризнанныя права русскаго старообрядчества. На содѣйствіе общества старообрядцевъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія ни о г. Герценѣ, ни объ его изданіяхъ, въ этомъ случаѣ они вовсе не разчитывали, да и не считали нужнымъ къ нему обращаться; дѣло, по ихъ мнѣнію, можно было бы устроить съ помощію однихъ только вліятельныхъ въ старообрядчествѣ людей, и особенно еслибы нашелся предпріимчивый и способный человѣкъ между лицами высшаго раскольничьяго духовенства, который рѣшился бы принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Къ ихъ удовольствію, такой человѣкъ дѣйствительно нашелся.

Въ концѣ 1857 года, по желанію Антонія, именовавшагося въ то время епископомъ владимірскимъ и управлявшаго „общими іерархическими дѣлами“ у старообрядцевъ, пріѣхалъ въ Москву бывшій бѣлокриницкій архидіаконъ Пафнутій, котораго Антоній вскорѣ поставилъ во священники, а по-

---

ской энциклопедіи подъ полами и Гегелевой философіи въ рукавахъ, — кощунство семинариста, который научился шулеровски передергивать текстами. И кого хочетъ онъ опоить своимъ дурманомъ, которому ясно что самъ не вѣритъ ни на грошъ? Изъ настоящихъ Молокановъ никто и къ губамъ его напитка не поднесетъ. Какую цѣль имѣлъ сочинитель? Недостойная, омерзительная игра!“ (*Русскій*. 1867 г., *л.* 9, стр. 144.)

томъ, въ сентябрѣ 1858 г., возвелъ и въ санъ епископа на Коломенскую епархію. Человѣкъ весьма даровитый, съ обширною начитанностью, съ замѣчательнымъ даромъ слова и рѣшительнымъ, энергическимъ характеромъ, Пафнутій стоялъ несравненно выше Антонія со всѣмъ подчиненнымъ ему раскольничьимъ духовенствомъ, и потому скоро пріобрѣлъ сильное вліяніе въ старообрядческомъ обществѣ и въ управленіи церковными дѣлами старообрядцевъ. Кругъ его почитателей былъ весьма обширенъ и разнообразенъ; но особеннымъ уваженіемъ пользовался онъ между лицами, которыя по своему положенію въ обществѣ, или по своимъ занятіямъ и личнымъ наклонностямъ, принимали живое участіе въ судьбахъ старообрядчества. Для нихъ появленіе между невѣжественнымъ раскольничьимъ духовенствомъ молодаго даровитаго епископа служило какъ бы залогомъ процвѣтанія и будущихъ успѣховъ самаго раскола. Нѣкоторые изъ этихъ людей сдѣлались постоянными собесѣдниками, помощниками и интимными друзьями Пафнутія. Къ числу послѣднихъ принадлежали и тѣ „передовые“, которые, въ своемъ увлеченіи современностью, не прочь были отдать и дѣло раскола подъ защиту лондонскаго покровителя всѣхъ угнетенныхъ на Руси. Если съ кѣмъ, думали они, можно вести рѣчь объ открытіи сношеній съ Лондономъ, то именно съ такимъ человѣкомъ какъ Пафнутій, и въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ, дѣйствительно, заводилась объ этомъ рѣчь. Пафнутій не имѣлъ тогда надлежащаго понятія о г-нѣ Герценѣ и его твореніяхъ, потому и рѣшительнаго согласія съ планами друзей своихъ выразить не могъ; но, съ другой стороны, вполнѣ довѣряя этимъ друзьямъ, не видѣлъ основанія и рѣшительно имъ отказывать. Ихъ разговоры о г. Герценѣ и Лондонцахъ, конечно, и остались бы одними разговорами, еслибы нѣкоторыя обстоятельства не сообщили этимъ толкамъ болѣе серіозный и рѣшительный характеръ.

Когда въ Москвѣ появились старообрядческіе архіереи австрійскаго поставленія и образовалась цѣлая духовная іерархія, со всѣми ея чинами, тогда естественнымъ образомъ въ руки духовенства должно было перейдти и управленіе церковными дѣлами у старообрядцевъ, а вліяніе, какимъ въ прежне время, при бѣглыхъ попахъ, пользовались въ этомъ отношеніи попечители Рогожскаго кладбища и вмѣстѣ съ ними почетные члены старообрядческаго общества,

должно было въ значительной степени утратить свою силу. При Софроніѣ, который занятъ былъ исключительно собираніемъ доходовъ съ поставляемыхъ и поставленныхъ имъ раскольничьихъ поповъ, это ослабленіе власти рогожскихъ попечителей не было замѣтно; но какъ скоро Антоній вызвалъ въ помощники къ себѣ Пафнутія и этотъ послѣдній началъ вводить надлежащій порядокъ въ управленіи старообрядческими церковными дѣлами, сосредоточивая его въ рукахъ высшей духовной власти, попечители съ ихъ приближенными почувствовали, что прежнему ихъ вліянію и значенію въ старообрядчествѣ угрожаетъ серіозная опасность. И такъ какъ съ сохраненіемъ этого вліянія были тѣсно связаны ихъ личные интересы, то они рѣшились принять мѣры къ устраненію угрожавшей опасности, — именно задумали возстановить старые порядки, попрежнему завести на Рогожскомъ кладбищѣ бѣглыхъ поповъ. Во главѣ этой партіи, изъ которой образовалась потомъ существующая нынѣ партія „раздорниковъ“, стояли московскіе купцы В—въ, М—въ и В—евъ. Они положили общимъ совѣтомъ подать на Высочайшее имя прошеніе о дозволеніи старообрядцамъ имѣть у себя бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ указѣ блаженной памяти императора Александра I, изданномъ 16-го августа 1822 года. Въ концѣ 1858 года, В — ъ съ товарищи отправился въ Петербургъ, чтобы развѣдать предварительно, можно ли начинать дѣло и какъ нужно вести его. Тамъ нашлись люди, которые брались хлопотать по его дѣлу и ручались за его несомнѣнный успѣхъ, подъ тѣмъ, конечно, условіемъ, если хлопоты будутъ вознаграждены приличнымъ образомъ, именно, назначена была сумма не менѣе 200.000 руб. сер. Жертвовать такою суммой изъ собственныхъ капиталовъ, попечители, разумѣется, не имѣли и помышленія. Взять столько денегъ изъ общественной рогожской казны также не представлялось возможности, да не было и нужды: они смѣло разчитывали на богатую казну одной извѣстной старообрядческой благотворительницы, женщины справедливо пользующейся великимъ уваженіемъ въ обществѣ московскихъ старообрядцевъ. Изъ этой казны поступили самыя большія пожертвованія на хлопоты по учрежденію бѣлокриницкой іерархіи; она и теперь открыта была для поддержки каждаго предпріятія, клонившагося къ пользѣ старообрядчества, что̀

попечителямъ рогожскаго кладбища было извѣстно лучше, нежели кому-либо другому. Смѣло разчитывая на капиталы почтенной благотворительницы, они изъявили своимъ петербургскимъ покровителямъ полную готовность уплатить назначенную ими сумму за устроеніе ихъ дѣла; они даже назначили опредѣленное время, когда явятся въ Петербургъ съ деньгами и прошеніемъ, скрѣпленнымъ подписями почтнѣйшихъ лицъ изъ старообрядческаго общества.

Возвратившись въ Москву, они принялись за дѣло съ крайней осторожностью, чтобъ Антоній съ Пафнутіемъ не провѣдали ихъ замысловъ. Благотворительницѣ успѣли представить дѣло съ самой благовидной стороны, прибавивъ къ ея успокоенію, что оно предпринято по благословенію епископовъ Антонія и Пафнутія, отъ которыхъ, дозволенные правительствомъ, бѣглые священники будутъ находиться въ совершенной зависимости. Подъ этимъ условіемъ деньги были обѣщаны въ количествѣ 250.000 руб. сер., каковое количество именно назначено было В—мъ. Осторожно собирались и подписи подъ прошеніемъ отъ лицъ болѣе или менѣе единомышленныхъ партіи В—ва, каковыхъ успѣли найдти семнадцать человѣкъ. Но сохранить тайну имъ все-таки не удалось: одинъ изъ подписавшихся, Ѳ. Я. С—въ, мучимый совѣстію, за измѣну своимъ духовнымъ отцамъ, пріѣхалъ къ Пафнутію и по секрету сообщилъ ему о предпріятіи В—ва съ товарищами. Пафнутій, съ свойственною ему энергіей, принялся за разрушеніе плановъ В—ва. Немедленно отправился онъ къ благотворительницѣ, домъ которой для него открытъ былъ во всякое время и гдѣ всегда его встрѣчали съ радушіемъ и почетомъ. „На ваши деньги, строго сказалъ онъ ей, была основана бѣлокриницкая іерархія; вашими же деньгами теперь хотятъ ее и уничтожить.“ Съ горькими слезами отвѣчала ему изумленная хозяйка, что у ней и въ мысли не было такого нечестиваго намѣренія, что напротивъ она думала оказать этой іерархіи новую услугу, помогая дѣлу, на которое и онъ вмѣстѣ съ Антоніемъ далъ свое благословеніе. И когда Пафнутій объяснилъ ей, какъ хотѣли ее сдѣлать жертвой обмана, то крайне огорченная и обиженная женщина у него же просила совѣта, что ей дѣлать съ этими людьми, такъ недобросовѣстно съ ней поступившими. Пафнутій посовѣтовалъ при свиданіи съ В—вымъ не показывать и вида, что его козни сдѣлались извѣстны и не отказывать-

ся отъ обѣщанія дать деньги, но не выдавать ихъ дотолѣ, пока онъ не представитъ ей письменнаго удостовѣренія въ томъ, что Антоній и Пафнутій дѣйствительно уполномочили его хлопотать въ Петербургѣ по предположенному дѣлу. Скоро явился и В—въ за деньгами. Ему отвѣчали, что деньги будутъ выданы какъ скоро онъ представитъ удостовѣреніе, что Антоній съ Пафнутіемъ согласны на его предпріятіе. В—въ обѣщалъ непремѣнно доставить это удостовѣреніе; только просилъ немедленно выдать ему деньги, такъ какъ нужно было поспѣшать въ Петербургъ къ назначенному сроку, чтобы въ противномъ случаѣ совсѣмъ не разстроилось столь важное для старообрядчества дѣло. Но всѣ его моленія теперь были тщетны и ему пришлось отправиться въ Петербургъ съ однимъ прошеніемъ.

Такимъ образомъ Пафнутій успѣлъ во время разстроить планъ противной партіи въ самомъ главномъ обстоятельствѣ, на которомъ собственно разчитанъ былъ весь его успѣхъ. Но не довольствуясь этимъ, онъ рѣшился вести открытую борьбу съ противниками на томъ же самомъ поприщѣ, которое избрали они. Между лицами, близкими къ Пафнутію, и прежде заходила рѣчь, что въ нынѣшнее кроткое и милостивое царствованіе благовременно было бы похлопотать объ испрошеніи существующему у старообрядцевъ, такъ-называемому австрійскому священству законнаго признанія и огражденія на тѣхъ же правахъ, на какихъ существуютъ въ Россіи церкви и духовенство разныхъ иновѣрныхъ исповѣданій. Теперь, когда враждебная партія начинала дѣло грозившее совершеннымъ уничтоженіемъ бѣлокриницкаго священства, была, по мнѣнію Пафнутія, самая удобная пора сдѣлать такого рода попытку, и просьбѣ о дозволеніи имѣть старообрядцамъ бѣглыхъ священниковъ, подписанной семнадцатью членами старообрядческаго общества, противопоставить другое прошеніе—о признаніи уже существующаго старообрядческаго духовенства, и за подписью не десятка, а нѣсколькихъ сотенъ старообрядцевъ. Объяснивъ Антонію сущность дѣла и получивъ отъ него полномочіе дѣйствовать, Пафнутій съ своими друзьями принялся за хлопоты. Нужно было прежде всего поискуснѣе составить прошеніе. По просьбѣ одного изъ вліятельныхъ старообрядцевъ, имѣвшаго связи съ московскими литераторами, одинъ изъ этихъ послѣднихъ, пользующійся заслуженнымъ уваженіемъ

особенно въ купеческомъ обществѣ, принялъ на себя трудъ составить прошеніе. Въ то же время по всей Москвѣ разосланы были къ старообрядцамъ приглашенія явиться въ извѣстный домъ и къ извѣстному времени на общее собраніе по весьма важному дѣлу. На это собраніе явилось не менѣе ста человѣкъ. Пафнутій открылъ его рѣчью, въ которой объяснилъ важность и настоятельную нужду предпринимаемаго дѣла. Потомъ читано было и составленное уже прошеніе, которое Пафнутій также объяснялъ пунктъ за пунктомъ. Всѣ изъявили согласіе подписать прошеніе; подписи собирались также и по домамъ, такъ что всѣхъ подписавшихся насчиталось не менѣе трехъ сотъ человѣкъ. Наконецъ прошеніе вручено было тремъ избраннымъ лицамъ, Б—ву, Г—ну и Б—ву, которые и отправились съ нимъ въ Петербургъ. Это было вскорѣ послѣ того, какъ туда же поѣхалъ съ своимъ прошеніемъ В—въ.

Въ Петербургѣ, В—ва поджидали уже въ назначенномъ мѣстѣ и къ назначенному времени; собралось даже небольшое дружеское общество, чтобы приличнымъ образомъ отпраздновать свиданіе съ интереснымъ просителемъ. Проситель явился, хотя нѣсколько смущенный. Съ нимъ объяснялась собственно хозяйка гостепріимнаго дома (впрочемъ, надобно полагать, не имѣвшая собственнаго семейства) и когда на главный вопросъ о деньгахъ, получила отвѣтъ, что онѣ непремѣнно *будутъ* доставлены, то съ понятнымъ негодованіемъ выпроводила вонъ злополучнаго просителя, какъ человѣка, не имѣющаго понятія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ порядочными людьми. Несмотря на такое чувствительное пораженіе В—въ все-таки рѣшился подать просьбу и нашелъ къ тому случай. Тогда же подалъ прошеніе и Б—въ съ товарищами. Случилось даже, что эти послѣдніе встрѣтились съ В—вымъ, который былъ крайне изумленъ такою неожиданною встрѣчей и тогда же догадался, что въ Москвѣ его затѣи обнаружены и вызвали противодѣйствіе. Отвѣтъ на оба прошенія послѣдовалъ спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ ихъ подачи: В—ву былъ объявленъ чрезъ полицію рѣшительный отказъ на его просьбу, съ строгимъ замѣчаніемъ, чтобы впредь не смѣлъ безпокоить правительство подобными просьбами. Не болѣе удачно кончилось и дѣло, начатое по мысли Пафнутія: хотя безъ особеннаго замѣчанія, но все-таки на просьбу о признаніи правъ старообрядческа-

го бѣлокриницкаго духовенства послѣдовалъ рѣшительный отказъ.

Для Пафнутіева общества эта неудачная попытка имѣла немаловажное значеніе. Она показала, что получить отъ правительства законное обезпеченіе старообрядчеству съ его самостоятельною іерархіей нѣтъ никакой надежды и что нужно поискать иныхъ способовъ къ упроченію и будущему процвѣтанію раскола. Тогда-то снова и съ большею серіозностью возобновились бесѣды объ открытіи сношеній съ Лондономъ; тогда явилась даже мысль объ основаніи въ Лондонѣ старообрядческой церкви, училища для образованія будущихъ миссіонеровъ старообрядчества и типографіи для печатанія раскольничьихъ сочиненій.

Между тѣмъ послѣ исторіи съ прошеніемъ, кончившейся такъ несчастно для в—ской партіи, отношенія этой послѣдней къ находившимся въ Москвѣ старообрядческимъ епископамъ сдѣлались еще хуже. Она вступила съ этого времени въ открытую съ ними борьбу, и преимущественно съ Антоніемъ, который своимъ характеромъ и образомъ дѣйствій давалъ нерѣдко законные поводы къ обвиненіямъ противъ него. Затѣмъ возникли большія неудовольствія между самими епископами также по поводу разныхъ незаконныхъ поступковъ и распоряженій Антонія, противъ которыхъ Пафнутій, въ интересахъ старообрядчества, возставалъ всѣми зависѣвшими отъ него способами. * Вообще дѣла у московскихъ старообрядцевъ и въ новой ихъ іерархіи разстроились до того, что для приведенія ихъ въ порядокъ признано было нужнымъ обратиться за пособіемъ даже въ Бѣлую Криницу. По сему случаю Пафнутій казанскій, принимавшій живое участіе и въ тогдашнихъ событіяхъ, убѣдилъ отправиться за границу самого Пафнутія коломенскаго, который въ это время отказался даже отъ своихъ епископскихъ занятій. Его друзья, въ особенности двое изъ нихъ, А. Б—въ и А. С—въ, были очень рады этой предполагаемой поѣздкѣ, какъ удобному случаю открыть сношенія съ г. Герценомъ и другими русскими выходцами. Пафнутій долженъ былъ, по ихъ плану, изъ Яссъ отправить къ этимъ выходцамъ первыя

* Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ неудовольствіяхъ мы сообщили въ статьѣ: „Присоединеніе къ православію раскольническихъ епископовъ“. См. *Русск. Вѣст.* 1865 г., № 12, стр. 614—615.

письма и такъ условиться насчетъ будущихъ сношеній, чтобы постоянная корреспонденція съ Лондономъ шла именно черезъ Яссы при посредствѣ тамошнихъ старообрядцевъ, съ которыми также надлежало войдти въ соглашеніе по этому дѣлу. Въ первыхъ числахъ марта 1861 года Пафнутій дѣйствительно отправился за границу, снабженный нѣсколькими адресами для открытія предположенной корреспонденціи. Но поѣздка его за границу на этотъ разъ была неудачна: въ Яссахъ ему некогда было и подумать объ учрежденіи удобныхъ сношеній съ Лондономъ; здѣсь на него и тогдашняго браиловскаго епископа Онуфрія, который по довѣренности Кирилла ѣхалъ съ нимъ въ Москву для устроенія старообрядческихъ дѣлъ, произвелъ нападеніе мануиловскій архимандритъ Варсонофій, успѣвшій склонить на свою сторону и ясскихъ старообрядцевъ, такъ что Пафнутій принужденъ былъ, бросивъ свои вещи, тайкомъ уѣхать изъ Яссъ. * Изъ обстоятельствъ этой поѣздки здѣсь стóитъ упомянуть только о свиданіи Пафнутія съ Аркадіемъ славскимъ. Аркадій въ это время, какъ извѣстно уже читателямъ, занятъ былъ мыслію о возвращеніи въ Россію; объ этомъ-то предметѣ и велъ онъ откровенную бесѣду съ Пафнутіемъ, желая знать его мнѣніе о томъ, возможно ли подобное предпріятіе и какъ его устроить. Пафнутій одобрялъ намѣреніе Аркадія, но совѣтовалъ дѣло вести откры-

---

* Варсонофій наговорилъ ясскимъ раскольникамъ, будто довѣрительная грамота и прочія бумаги, съ которыми ѣхалъ Онуфрій, фальшивыя и подписи на нихъ поддѣланы Пафнутіемъ, хотя самъ же подъ ними подписался. Вотъ что писалъ по этому случаю Аркадій Славскій въ Москву: „Варсонофій со всѣмъ семействомъ (то-есть братствомъ) подписалъ (бумаги). Потомъ вниде въ онь сатана,— бросился къ старику (Кириллу) и сколько было его силъ старался развратить его и взялъ отъ него бумагу, чтобы арестовать Парусова (Онуфрія) и Коломенскаго. Съѣхались всѣ въ Яссахъ. Ясскіе повѣрили старику, который проситъ ихъ помочи, будто Коломенскій подписалъ всѣхъ членовъ своимъ умысломъ. Ясскіе дали помочи и безчестили сказанныхъ пословъ, обыскивали, даже разували. Чемоданъ ножемъ разрѣзали; тщательно искали оныхъ документовъ, но найдти не могли. У Коломенскаго отобрали паспортъ и денегъ 700 р. сер.; но онъ не нуждался ими, выѣхалъ куда слѣдуетъ.... Причина сему, говорятъ, что его (Варсонофія) не отрядили въ посольство.“ (Пис. отъ 27-го іюня 1861 г.)

тымъ, законнымъ путемъ,—обратиться непосредственно къ русскому правительству и предложить ему при этомъ нѣкоторыя условія, обезпечивающія не только личную безопасность самого Аркадія, но отчасти и права его какъ старообрядческаго епископа, что̀ имѣло бы весьма важное значеніе и для всего старообрядческаго духовенства въ Россіи. Пафнутій полагалъ, что переходъ въ Россію столь извѣстнаго и тогда еще уважаемаго въ старообрядческомъ мірѣ лица, какъ епископъ славскій, будетъ дозволенъ русскимъ правительствомъ съ большимъ удовольствіемъ и что даже предложенными условіями не станутъ при этомъ много затрудняться. О подробностяхъ относительно осуществленія этого плана Аркадій велъ потомъ довольно живую переписку съ Пафнутіемъ, когда этотъ послѣдній возвратился въ Россію изъ своей первой, неудачной поѣздки заграницу. *

Но первая неудача не остановила Пафнутія; напротивъ, однажды рѣшившись на открытіе сношеній съ Лондономъ, онъ не хотѣлъ уже, по самой своей натурѣ, отказываться отъ принятаго имъ рѣшенія. Московскія событія только поддерживали въ немъ эту рѣшимость: здѣсь по прежнему шла безурядица въ старообрядческихъ дѣлахъ, на которую ему противно было смотрѣть и которая невольно приводила къ мысли, что для спасенія и оживленія старообрядчества, потрясаемаго этою неурядицей, необходимы какія-либо чрезвычайныя средства, въ родѣ тѣхъ, основаніе которымъ предполагалось положить въ Лондонѣ. Совершенно свободная старообрядческая епископія, съ каѳедральнымъ при ней соборомъ, съ училищемъ и типографіей,—однимъ словомъ, правильно и разумно устроенный разсадникъ будущихъ пастырей и проповѣдниковъ старообрядчества, — вотъ что̀ представлялось тогда Пафнутію вожделѣннымъ средствомъ привести расколъ въ твердое и цвѣтущее положеніе. Тѣ „передовые“ старообрядцы, которые и прежде мечтали о врученіи раскола подъ защиту г. Герцена, были въ восторгѣ отъ

* О томъ, какъ удобнѣе устроить это дѣло, Пафнутій совѣтовался въ Москвѣ между прочимъ и съ упомянутымъ выше литераторомъ, съ которымъ имѣлъ по сему случаю личное свиданіе. Въ дѣлѣ о переходѣ Аркадія въ Россію принимало тогда участіе и одно высокопоставленное лицо, содѣйствіе котораго могло дѣйствительно обезпечить успѣхъ предпріятія.

этихъ плановъ и тѣмъ больше обѣщали имъ успѣха, что въ то время изданіемъ первой книжки *Сборника* лондонское братство заявило уже о своемъ полномъ сочувствіи старообрядцамъ и само вызывало ихъ на братскій союзъ. Со стороны матеріальныхъ средствъ на осуществленіе своихъ плановъ, какъ бы широки они ни были, Пафнутій не предвидѣлъ затрудненій: та благотворительная казна, о которой упомянули мы выше, была для него всегда открыта, и на дѣла „богоугодныя“, клонившіяся къ пользамъ старообрядчества, ему предоставленъ былъ неограниченный кредитъ. Все это расположило Пафнутія ѣхать вторично заграницу, уже главнымъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы лично войдти въ сношенія съ русскими выходцами. У него имѣлся выправленный въ Кагулѣ во время послѣдней поѣздки паспортъ на имя кагульскаго первой гильдіи купца, Поликарпа Петрова (мірское имя Пафнутія): по этому паспорту ему выдали въ Петербургѣ новый, заграничный, съ которымъ въ ноябрѣ 1861 года и отправился онъ въ путь.

Черезъ Берлинъ и Парижъ, безъ особенныхъ затрудненій и приключеній, Пафнутій добрался до Лондона. Оставалось теперь представиться оракулу, къ которому въ былое и такъ еще недавнее время являлась на поклоненіе чуть не вся путешествовавшая россійская молодежь. Но прежде чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, надлежало подумать какъ его сдѣлать и какъ вообще повести дѣло съ лондонскимъ обществомъ русскихъ эмигрантовъ. Относительно этого, Пафнутій имѣлъ уже готовый планъ. Онъ вовсе не раздѣлялъ того увлеченія герценизмомъ, какимъ объяты были нѣкоторые изъ его московскихъ пріятелей, готовые безъ дальнихъ разсужденій отдать себя подъ руководство издателей *Колокола* и *Сборника*. Напротивъ, если гдѣ, то именно въ настоящемъ случаѣ, отъ котораго могла зависѣть будущая судьба старообрядчества, въ сношеніяхъ съ такими лицами какъ лондонское братство, онъ считалъ необходимымъ вести дѣло съ крайнею осмотрительностію. О г-нѣ Герценѣ, его убѣжденіяхъ и планахъ, какъ мы уже говорили, онъ имѣлъ довольно скудныя свѣдѣнія; изъ разказовъ пріятелей ему было извѣстно только, что будто бы это человѣкъ необычайнаго ума, съ огромною ученостію, въ высшей степени благородный и который въ Россіи имѣетъ весьма многочисленный кругъ почитателей; что произволъ и зло-

употребленія власти заставили его покинуть отечество и подъ защитой свободныхъ англійскихъ учрежденій провозгласить себя врагомъ всякаго деспотизма и спеціальнымъ защитникомъ политическихъ и религіозныхъ правъ русскаго народа, что въ этомъ-то званіи онъ и принимаетъ подъ свою защиту гонимое русское старообрядчество. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ и каковы именно политическія и религіозныя убѣжденія г. Герцена, объ этомъ Пафнутій не имѣлъ надлежащаго понятія и это прежде всего онъ намѣренъ былъ узнать посредствомъ личныхъ сношеній съ г. Герценомъ и его адептами, чтобы видѣть, есть ли дѣйствительно какіе-либо пункты соприкосновенія между ними и старообрядчествомъ, и возможна ли между тѣми и другимъ тѣсная связь для осуществленія задуманныхъ въ Москвѣ плановъ. Что касается этихъ плановъ, то Пафнутій не считалъ нужнымъ скрывать ихъ; напротивъ, откровенностію въ этомъ отношеніи надѣялся вызвать на бо́льшую откровенность и своихъ будущихъ собесѣдниковъ. Эти планы онъ, конечно, не намѣренъ былъ выдавать какъ что-либо окончательно рѣшенное, хотя, съ другой стороны, считалъ не лишнимъ сообщить, что за возможность ихъ осуществленія онъ можетъ поручиться и что дѣло это вообще во многомъ зависитъ отъ него, такъ какъ онъ уполномоченъ старообрядцами войдти на этотъ счетъ въ сношеніе съ Лондонцами. Но свое званіе, дѣйствительное положеніе въ старообрядчествѣ, онъ во всякомъ случаѣ намѣренъ былъ скрыть, выдавать же себя просто за старообрядца, Поликарпа Петрова, кагульскаго первой гильдіи купца, какъ значилось и въ его паспортѣ.

Остановившись въ одномъ изъ лучшихъ лондонскихъ отелей, Пафнутій, съ помощію нанятаго переводчика, отправился прежде всего отыскивать „вольную русскую типографію“ въ надеждѣ получить тамъ нужныя ему свѣдѣнія о лицахъ, съ которыми желалъ видѣться. Отсюда его послали въ книжный магазинъ Поляка Стхоржевскаго. Этому послѣднему Пафнутій объяснилъ, что онъ старообрядецъ, только-что пріѣхавшій изъ Россіи, что здѣсь, въ Лондонѣ, хотѣлось бы ему напечатать нѣкоторыя старообрядческія книги и потому онъ желалъ бы повидаться съ содержателемъ русской типографіи г-мъ Герценомъ. Стхоржевскій, одинъ изъ интимныхъ членовъ герценскаго братства, принялъ Пафнутія весьма предупредительно, разспросилъ, гдѣ остановился, какъ устроил-

ся, давалъ совѣты относительно жизни въ Лондонѣ и выразилъ полную готовность устроить его свиданіе съ содержателемъ „вольной русской типографіи“.

Интересную новость о пріѣздѣ русскаго старообрядца въ Лондонъ для печатанія книгъ Стхоржевскій передалъ кому слѣдовало наискорѣйшимъ образомъ. Новость была дѣйствительно интересна и неожиданна. Итакъ, мечты о сближеніи со старообрядцами начинаютъ сбываться,—сочувственныя слова, обращенныя къ нимъ въ *Сборникѣ* и другихъ изданіяхъ „вольной русской типографіи“, дошли по назначенію,—на призывъ къ братскому союзу стали, наконецъ, откликаться! Все это было въ высшей степени пріятно и заманчиво. Но какъ люди, искушенные житейскимъ опытомъ, лондонскіе друзья поспѣшили нѣсколько умѣрить свои восторги; имъ пришло на мысль: не шпіонъ ли какой-нибудь этотъ новый, такъ неожиданно явившійся гость. Поэтому было рѣшено, прежде чѣмъ ввести его въ общество самаго принципала, подвергнуть предварительному испытанію въ низшихъ инстанціяхъ.

На другой день послѣ свиданія съ Стхоржевскимъ, когда Пафнутій въ общей залѣ бесѣдовалъ съ офицерами стоявшаго въ портѣ русскаго парохода, ему доложили, что нѣкто желаетъ съ нимъ видѣться. Вслѣдъ затѣмъ явился молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ длинными зачесанными назадъ волосами, пріятной и очень скромной наружности: онъ рекомендовалъ себя Васильемъ Ивановичемъ Кельсіевымъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, Кельсіевъ завелъ рѣчь о дороговизнѣ и неудобствахъ жизни въ отеляхъ, совѣтовалъ Пафнутію нанять отдѣльную квартиру и предложилъ ему на этотъ счетъ свои услуги. Этимъ и кончилось первое свиданіе: Пафнутій не хотѣлъ съ первой же встрѣчи и притомъ въ гостиницѣ вступать съ Кельсіевымъ въ откровенную бесѣду. Узнавъ его адресъ, онъ только обѣщался пріѣхать къ нему на слѣдующій день, что̀ дѣйствительно и исполнилъ. Кельсіевъ жилъ въ небольшой, но довольно удобной квартирѣ; въ томъ же домѣ была свободная, отдававшаяся въ наймы комната, которую онъ совѣтовалъ Пафнутію взять за себя. Помѣщеніе понравилось Пафнутію и представляло то, ничѣмъ не замѣнимое удобство, что живя рядомъ съ Кельсіевымъ, онъ во всякое время могъ пользоваться его обществомъ. Нанять квартиру онъ согласился и въ тотъ же день

переѣхалъ изъ гостиницы. Съ этого времени начинаются его близкія отношенія къ Кельсіеву и откровенныя съ нимъ бесѣды.

Въ этихъ бесѣдахъ Пафнутій сообщилъ Кельсіеву о намѣреніи старообрядцевъ основать въ Лондонѣ типографію, училище, также построить соборъ и даже цѣлый старообрядческій монастырь и учредить при немъ архіерейскую каѳедру. Относительно типографіи Кельсіевъ замѣтилъ, что въ ней особенной нужды не имѣется, что къ услугамъ старообрядцевъ готова устроенная Герценомъ типографія, для которой не трудно запастись славянскимъ шрифтомъ. Но мысль объ открытіи старообрядческаго училища и учрежденія архіерейской каѳедры въ Лондонѣ привела его въ восхищеніе. Онъ старался съ своей стороны разъяснить Пафнутію, сколько удобствъ къ осуществленію ея представляетъ именно Лондонъ; онъ перебиралъ всѣ удобныя мѣста въ городѣ, на которыхъ можно было бы возвести монастырскія зданія, и даже возилъ Пафнутія осматривать одно изъ такихъ мѣстъ, которое обоимъ очень понравилось. Вообще, откровеннымъ изложеніемъ своихъ плановъ Пафнутій заслужилъ полное расположеніе Кельсіева, который даже признался ему, что доселѣ былъ съ нимъ очень остороженъ, изъ опасенія какой-нибудь измѣны съ его стороны, но что теперь готовъ представить его самому Александру Ивановичу. Это было на третьи сутки послѣ перваго ихъ знакомства. Торжественное представленіе было назначено вечеромъ слѣдующаго дня.

Замѣтно было, что Герценъ приготовился къ принятію интереснаго старообрядца: кромѣ самыхъ близкихъ людей — Огарева и какого-то Поляка, служащаго при типографіи, цѣлый вечеръ у него не было никого. Гостя принялъ онъ очень радушно, но съ сохраненіемъ подобающей ему важности. Разговоръ, само собою разумѣется, шелъ преимущественно о расколѣ, и главнымъ образомъ объ его отношеніяхъ къ правительству. Герценъ рѣзко порицалъ всѣ правительственныя мѣры противъ раскола и не безъ самоувѣренности предлагалъ принять его подъ свою охрану. Чтобы придать силу своимъ словамъ, онъ распространился о своихъ обширныхъ связяхъ въ Россіи, о своемъ вліяніи въ разныхъ даже правительственныхъ сферахъ и тутъ же кстати сообщилъ, что не дальше какъ въ этотъ самый день получилъ всеподданнѣйшее письмо изъ Польши, въ которомъ его просятъ уступить

Полякамъ Малороссію. И это говорилось серіозно! Гостю тогда же не понравилось это самохвальство. Разговоръ перешелъ между прочимъ на событія сороковыхъ годовъ. Пафнутій разказалъ по этому случаю, какъ знаменитый инокъ Алимпій отличался на пражскомъ сеймѣ и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ Австрійцевъ. Это извѣстіе было совершенною новостію для Герцена и заинтересовало его въ высшей степени. Раскольничій монахъ держитъ рѣчь на революціонномъ сеймѣ, идетъ на баррикады! Какое въ самомъ дѣлѣ пріятное извѣстіе для людей, ищущихъ революціоннаго элемента въ расколѣ! Одно случайное обстоятельство придало новый интересъ разказу Пафнутія. Не дальше какъ на слѣдующій день послѣ свиданія съ Герценомъ, Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ ему новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ извѣстный своими рѣчами на пражскомъ сеймѣ г. Бакунинъ, бѣжавшій изъ Сибири, что его спрашивали между прочимъ объ Алимпіѣ, что разказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5-го января, въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ *во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи*, тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія: это былъ самъ г. Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣванье священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло по немногу уладилось и знакомство съ новою знаменитостью изъ герценовскаго кружка завязалось. Бакунинъ съ большимъ удовольствіемъ повторилъ свой разказъ объ Алимпіѣ, котораго очень хвалилъ за его отважность. Вскорѣ потомъ онъ составилъ для *Колокола* статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ отца Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобы не писали объ этихъ подвигахъ и осо-

бенно чтобы не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы очень немаловажной въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ замѣчаніемъ, что на пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ Русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока. При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя приготовилъ онъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію, онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій, такъ писалъ онъ къ этому послѣднему, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло,“ и т. д. Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія и вообще не мало смущался болтливостью и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи.

При первомъ же знакомствѣ съ Пафнутіемъ Кельсіеву не трудно было замѣтить, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ не дюжиннаго характера, стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ и неспособнымъ легко подчиняться чьему бы то ни было вліянію, что для сбліженія съ этимъ человѣкомъ, столь важнаго въ интересѣ будущихъ сношеній со всѣмъ старообрядчествомъ, необходимо нѣсколько приноровляться къ его понятіямъ и привычкамъ, а не подвергать его насильственному дѣйствію совершенно новой и непривычной для него среды; при всей скудости и превратности своихъ понятій о расколѣ Кельсіевъ понималъ однакоже, что именно не сдѣдовало посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что по крайней мѣрѣ нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока наконецъ этотъ послѣдній самъ не попросилъ оставить такую излишнюю щепетильность. * А для сохраненія въ нѣ-

---

* Когда Пафнутій, понявъ наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости часто выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ не стѣс-

которой тайнѣ отъ него слишкомъ ослѣпительныхъ для старообрядческаго ума новѣйшихъ ученій, признали за лучшее не допускать его до присутствія на дружескихъ собраніяхъ у г. Герцена. Пробывъ болѣе мѣсяца въ Лондонѣ, Пафнутій, дѣйствительно, былъ у Герцена не болѣе четырехъ разъ; Кельсіевъ, не рѣдко ходившій на упомянутыя собранія, отказывался брать его съ собой и при этомъ откровенно сознавался, что тамъ будутъ говорить много такого, что̀ ему не понравится, что „тамъ будетъ богохульство“.

Но Пафнутій, какъ мы сказали, больше всего и желалъ познакомиться именно съ религіозными и политическими убѣжденіями Герцена и его друзей. Осторожность, какую хотѣли они соблюсти въ этомъ отношеніи, только сильнѣе возбуждала его любопытство и заставляла искать случаевъ къ его удовлетворенію. А въ случаяхъ недостатка не было. Драгоцѣннымъ субъектомъ для наблюденія могъ служить здѣсь вопервыхъ г. Бакунинъ, ни мало не скрывавшій, или не имѣвшій возможности скрыть ни своего кощунства, ни своихъ революціонныхъ стремленій. Затѣмъ довольно случаевъ для наблюденій такого рода открывалось ему при неизбѣжныхъ встрѣчахъ съ разными лицами у Кельсіева и на тѣхъ немногихъ вечерахъ у самого Герцена, на которыхъ пришлось ему присутствовать. При этихъ встрѣчахъ онъ самъ обыкновенно склонялъ рѣчь на вопросы о религіи и искуснымъ образомъ вызывалъ собесѣдниковъ на любопытныя для него состязанія, изъ которыхъ и получилъ достаточное понятіе о религіозныхъ убѣжденіяхъ, господствовавшихъ въ обществѣ г-на Герцена. Что же касается политическихъ его убѣжденій, то съ ними старался постепенно знакомить Пафнутія самъ Кельсіевъ, сообщавшій ему для прочтенія нѣкоторыя изданія Гер-

---

няясь курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захохотавши воскликнулъ: *ну, значитъ, благословилъ!* Онъ, очевидно, издѣвался надъ тѣмъ, какъ Герценъ съ братіей заискивали предъ пріѣзжимъ старообрядцемъ. Однакоже Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ,—онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, и иное благословлять, что еслибъ онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ никакой *ереси*.

цена, конечно, съ согласія этого послѣдняго. Ему не дали, правда, ни *Полярной Звѣзды*, ни исповѣди *Съ того берега*. Надо полагать, что опасались, какъ бы наивный старообрядецъ не смутился нѣкоторыми изъ сдѣланныхъ тамъ замѣчаній, въ родѣ того, напримѣръ, что апостолъ языковъ, сдѣлавшись Павломъ, нанесъ гораздо больше вреда христіанству, нежели когда былъ Савломъ—гонителемъ христіанъ, или что святые отцы не больше какъ „византійскіе растлители ума", писавшіе разныя „бредни".... Признали за лучшее дать Пафнутію для чтенія *Колоколъ* и только что отпечатанныя книжки: *Что нужно помѣщикамъ? Что нужно духовенству? Что нужно народу?* Эти послѣднія даны были съ особенною цѣлію — узнать объ нихъ мнѣніе гостя, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ русскимъ народнымъ бытомъ. Прочитавъ книжки, Пафнутій пораженъ былъ сколько, съ одной стороны, изумительнымъ невѣжествомъ сочинителей относительно всего, что̀ касалось русскаго народа, полнѣйшимъ непониманіемъ его характера и истинныхъ интересовъ, столько же, съ другой стороны, крайне разрушительными началами, которыми проникнуто все содержаніе книжекъ. Своихъ впечатлѣній онъ не нашелъ нужнымъ скрывать отъ Кельсіева, котораго въ свою очередь не мало удивили и огорчили его замѣчанія. При первой за тѣмъ встрѣчѣ съ Герценомъ, Пафнутій и ему откровенно высказалъ свое мнѣніе объ этихъ назначенныхъ для народа книжкахъ. „Еслибы вы хотѣли, говорилъ онъ, написать что-нибудь съ особеннымъ намѣреніемъ возстановить противъ себя народъ, то ничего лучше этихъ книжекъ написать не могли: такъ они противны характеру и истиннымъ потребностямъ русскаго народа! И отчего же не составили вы книжки о томъ, что̀ нужно русскому царю? Вы хочете ниспровергнуть весь существующій порядокъ, — а не говорите прямо и рѣшительно, чѣмъ и какъ замѣнить его. Вы хочете напустить на Россію шайку разбойниковъ. Царя не нужно, — можно обойдтись и безъ него! Но ужели вы думаете и въ самомъ дѣлѣ, что безъ царя можетъ существовать Россія, и ужели не знаете, къ чему можетъ привести такая проповѣдь среди русскаго народа, чѣмъ грозитъ она прежде всего самимъ этимъ проповѣдникамъ?" Говорить все это г-ну Герцену, обличать его въ незнаніи русскаго народа, въ безплодности и опасности его затѣй, это значило нанести ему оскорбленіе въ самыхъ завѣтныхъ его

мечтахъ. Чтобы скрыть свою досаду, онъ наклонился и сталъ рѣзать какое-то изъ поставленныхъ блюдъ. Но невѣрно направленный ножъ сорвался и до крови поранилъ лѣвую руку. Этотъ случай, такъ неожиданно прервавшій бесѣду Пафнутія, послужилъ отвлекающимъ средствомъ: бесѣда о народныхъ книжкахъ больше не возобновлялась; рѣчь обращена была на предметъ болѣе пріятный для собесѣдниковъ, — на отношенія русскаго правительства къ старообрядцамъ. Пафнутія разспрашивали между прочимъ о дѣйствіяхъ полиціи въ Черниговскихъ слободахъ. Онъ отвѣчалъ съ полною откровенностью, съ негодованіемъ описывалъ, какъ въ былое время (отрадно думать, что оно дѣйствительно былое) всякій будочникъ, не говоря уже о начальствахъ болѣе высокаго ранга, смѣло шелъ тамъ въ старообрядческій домъ и бралъ первую попавшую на глаза старую книгу или иную драгоцѣнную для старообрядца вещь, съ единственною цѣлію получить за нее отъ самого же владѣльца потребное вознагражденіе, и какъ подобнымъ самоуправствомъ, отъ котораго не видѣли защиты, только сильнѣе возбуждались въ старообрядцахъ негодованіе противъ мѣстныхъ властей, вражда къ церкви и горячая преданность расколу; сообщалъ разныя подробности объ освященіи единовѣрческой церкви въ Добрянкѣ и т. п. Всѣ эти разказы слушались съ жаднымъ вниманіемъ. Говоря объ одной изъ жертвъ стараго, „гонительнаго“ времени, бывшемъ лаврентьевскомъ игуменѣ Аркадіѣ, что̀ нынѣ епископъ Славскій, Пафнутій кстати сообщилъ о его намѣреніи возвратиться въ Россію. Это извѣстіе было уже не изъ числа пріятныхъ, — намѣреніе Аркадія единодушно осуждали и вообще не совѣтовали слишкомъ полагаться на снисходительность нынѣшняго правительства къ старообрядцамъ. Еще съ большимъ соболѣзнованіемъ принятъ былъ разказъ о раздорахъ, возникшихъ передъ тѣмъ въ самомъ старообрядчествѣ. Въ нихъ видѣли, и на этотъ разъ справедливо, начало великихъ золъ для старообрядчества, и умоляли ради общаго блага прекратить ихъ во что̀ бы ни стало,—совѣтовали даже заботиться по возможности о примиреніи и союзѣ всѣхъ раскольничьихъ толковъ, поповскихъ и безпоповскихъ.

Но главный предметъ разговора и наиболѣе пріятный составляли обыкновенно планы объ учрежденіи въ Лондонѣ средоточія старообрядческой церковной іерархіи и повсе-

мѣстной пропаганды раскола. Никто не видѣлъ особенныхъ препятствій къ осуществленію этихъ плановъ на свободной лондонской почвѣ. Уже имѣлось въ виду, какъ мы сказали выше, и удобное мѣсто для зданій будущаго старообрядческаго монастыря. Серіозно разсуждали также о выборѣ достойнаго кандидата на новую епископскую каѳедру: по общему мнѣнію сюда нуженъ былъ человѣкъ, который могъ бы съ честію занимать такое видное и важное по своему назначенію мѣсто. Занять этотъ почетный постъ предлагали самому Пафнутію; но онъ отклонилъ отъ себя такую честь. Указали еще на одного, по слухамъ извѣстнаго и въ Лондонѣ, молодаго человѣка изъ московскихъ старообрядцевъ, принадлежавшаго къ числу приближенныхъ Пафнутія; но, по мнѣнію послѣдняго, онъ былъ слишкомъ не далекъ и безхарактеренъ, чтобы занять такую должность. Пафнутій рекомендовалъ несравненно болѣе способнаго человѣка изъ своихъ же близкихъ друзей, извѣстнаго старообрядческаго ревнителя и начетчика Семена Семенова, на которомъ выборъ и остановился. Кельсіевъ придумалъ сейчасъ же какъ и назвать будущаго епископа: примѣнительно къ начальной буквѣ его мірскаго имени предположено было назвать его Сильвестромъ, въ память столь часто поминаемаго въ исторіи о бѣломъ клобукѣ Сильвестра папы римскаго, а по каѳедрѣ — епископомъ новгородскимъ, въ честь Св. Софіи и вольнаго великаго Новагорода. Герценъ, съ своей стороны, особенно настаивалъ на томъ, чтобы поспѣшить исполненіемъ предпріятія; ему хотѣлось именно сдѣлать торжественное открытіе каѳедры во время приготовлявшейся тогда лондонской всемірной выставки. Соображая ходъ будущихъ работъ и другія обстоятельства, полагали, что къ тому времени можно устроить по крайней мѣрѣ церковь; Пафнутій, съ своей стороны, завѣрялъ, что къ маю мѣсяцу въ Москвѣ могутъ приготовить иконостасъ, написать иконы, устроить облаченіе, утварь и проч. По мнѣнію Герцена, еслибы дѣйствительно удалось открыть лондонскую старообрядческую каѳедру во время всемірной выставки, когда Лондонъ будетъ наполненъ представителями образованнѣйшихъ націй со всего свѣта, это было бы событіемъ великой важности для будущихъ судебъ старообрядчества и, что, надобно полагать, ему особенно нравилось, въ высшей степени чувствительнымъ для русскаго правительства. Воображеніе нарисовало

предъ нимъ и самыя подробности будущаго открытія лондонской старообрядческой церкви съ торжественною встрѣчей во вратахъ ея будущаго новгородскаго епископа, облеченнаго въ древнія святительскія одежды по примѣру софійскихъ владыкъ. Онъ говорилъ, что къ тому времени научится употребленію старыхъ обрядовъ и самъ, одѣвшись въ длинный старообрядческій кафтанъ, съ хлѣбомъ и солью встрѣтитъ владыку, при чемъ скажетъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой изобразитъ всю великую важность событія, составляющаго торжество истинно-просвѣщенной европейской вѣротерпимости, открывающаго возможность двѣсти лѣтъ гонимому русскому старообрядчеству свободно и безбоязненно отправлять свое благолѣпное богослуженіе. Рѣчь эта, напечатанная въ переводѣ на всѣ европейскіе языки, тогда же раздана будетъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Торжество заключится банкетомъ, который онъ устроитъ у себя для всѣхъ друзей свободы и просвѣщенія.... Увлеченный краснорѣчивымъ развитіемъ этихъ фантазій предъ своими слушателями, онъ едва ли замѣчалъ, какое впечатлѣніе производили онѣ на сидѣвшаго передъ нимъ старообрядческаго епископа. А онъ, слушая рѣчи Герцена, думалъ про себя: „И этотъ человѣкъ, открыто проповѣдующій атеизмъ, глумящійся надъ христіанствомъ, презирающій церковь со всѣми ея обрядами, надѣнетъ старообрядческій кафтанъ, станетъ креститься двумя перстами, будетъ, пожалуй, старостою старообрядческой церкви! Что жь это какъ не наглое кощунство и посмѣяніе надъ тѣмъ, что мы привыкли почитать благоговѣйно?“ Ясно стало Пафнутію все безобразіе замышляемаго союза между старообрядчествомъ и герценизмомъ, и ужаснулся онъ мысли: какъ бы тогда еще любезное ему старообрядчество въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь не сдѣлалось похожимъ на г. Герцена въ раскольничьемъ кафтанѣ....

Лондонская атмосфера, въ которой Пафнутій прожилъ около шести недѣль, стала, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ тяжела для него. Съ религіозными и политическими убѣжденіями русскихъ выходцевъ онъ познакомился достаточно для того, чтобъ увѣриться въ совершенной невозможности сочетать съ ихъ „дѣломъ“ судьбу старообрядчества. Въ одномъ только, по его мнѣнію, могли они оказать услугу этому послѣднему, — въ печатаніи старообрядческихъ сочиненій, и

этою услугой онъ находилъ не лишнимъ воспользоваться. Затѣмъ жить въ Лондонѣ не представлялось надобности; слѣдовало подумать о возвращеніи домой. Онъ, конечно, не намѣренъ былъ сообщать Герцену или Кельсіеву ни о томъ, что навсегда уѣзжаетъ изъ Лондона, ни о чувствахъ, какія выноситъ изъ продолжительнаго и близкаго знакомства съ ихъ обществомъ. На прощаньи, когда его просили похлопотать въ Москвѣ о скорѣйшемъ осуществленіи задуманныхъ плановъ, онъ далъ обѣщаніе сдѣлать по этому дѣлу все, что̀ отъ него зависитъ, и во всякомъ случаѣ прислать непремѣнно старообрядческія рукописи для печатанія. Въ первыхъ числахъ февраля 1862 года, онъ былъ уже въ Москвѣ, и не желая принимать участія въ тогдашнихъ разстроенныхъ дѣлахъ у московскихъ старообрядцевъ, заключился на совершенное уединеніе въ одномъ, очень почтенномъ и совершенно преданномъ ему старообрядческомъ домѣ. Только ближайшіе друзья имѣли къ нему доступъ, и имъ-то сообщилъ онъ свои наблюденія надъ этими лондонскими благопріятелями старообрядчества, о союзѣ съ которыми нѣкоторые изъ нихъ мечтали. Онъ говорилъ и имъ, что только одною услугой Лондонцевъ можно, по его мнѣнію, воспользоваться—печатаніемъ въ ихъ типографіи старообрядческихъ сочиненій.

Между тѣмъ въ Лондонѣ, по отъѣздѣ Пафнутія, очень заняты были мыслію основать тамъ новое средоточіе старообрядческой духовной власти и дѣятельной раскольничей пропаганды. Ничего лучше этого не могли и представить себѣ издатель *Колокола* и издатель *Сборниковъ*, чтобы положить прочное начало замышленнаго ими вліянія на старообрядцевъ и привлеченія ихъ къ своему дѣлу. Свиданіе и бесѣды съ Пафнутіемъ сильно распалили ихъ надежды на этотъ счетъ; они почитали недостаточнымъ поручать дѣло только ему, тѣмъ больше что и отъ нихъ, конечно, не скрылась нѣкоторая загадочность и таинственность въ поведеніи гостя, особенно въ послѣднее время, когда онъ достаточно познакомился съ убѣжденіями и планами лондонскаго братства. Признано было нужнымъ войдти относительно указанныхъ плановъ въ непосредственныя, личныя сношенія съ вліятельными лицами московскаго старообрядчества, и при томъ не черезъ письма, въ настоящемъ случаѣ очень ненадежныя. Были, конечно, и другія, болѣе важныя побужденія отправиться кому-либо изъ лондонскаго братства въ Россію:

тогда, какъ извѣстно, происходили у насъ волненія и разнаго рода демонстраціи въ средѣ учащагося юношества подъ несомнѣннымъ вліяніемъ внушеній изъ Лондона.* Какъ бы то ни было, только вскорѣ послѣ того какъ, Пафнутій уѣхалъ изъ Лондона, предпринялъ путешествіе въ Москву и самъ Кельсіевъ.

Въ Петербургѣ, на пути въ Москву, имѣлъ онъ свиданіе съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей между старообрядцами. Тамъ находился въ это время инокъ Павелъ, извѣстный подъ именемъ Прусскаго, основатель и начальникъ безпоповской киновіи (мужской и женской) въ Гумбигенскомъ округѣ старой Пруссіи, человѣкъ свѣтлаго ума, обширной начитанности и строгой иноческой жизни. Кельсіевъ много слышалъ объ немъ и зналъ хорошо, какое сильное вліяніе имѣетъ онъ на своихъ единовѣрцевъ и заграницей и въ Россіи. Узнавъ случайно о его пребываніи въ Петербургѣ, онъ пожелалъ непремѣнно увидѣться съ нимъ. Одинъ общій знакомый вызвался устроить свиданіе. Онъ убѣдительно просилъ отца Павла придти къ нему въ назначенное время по весьма нужному дѣлу, не объясняя, впрочемъ, по какому именно. Онъ явился; тогда же явился и Кельсіевъ. Отецъ Павелъ имѣлъ о немъ понятіе, однакоже не уклонился отъ бесѣды съ нимъ. Между ними происходилъ и догматическій диспутъ: Кельсіевъ отвергалъ личное существованіе антихриста предъ кончиной міра и доказывалъ существованіе только антихристіанскаго духа; Павелъ, напротивъ, защищалъ православное ученіе о явленіи антихриста. Но больше всего Кельсіевъ желалъ расположить своего собесѣдника къ сочувствію его политическимъ планамъ, — онъ распространился, по обычаю, о притѣсненіяхъ, какія будто бы терпятъ старообрядцы отъ русскаго правительства, о необходимости принять мѣры противъ такого образа дѣйствій и предлагалъ для этой цѣли войдти въ тѣсный союзъ съ лондонскою компаніей, отъ котораго можно надѣяться обоюдной пользы. Молча выслушавъ его разглагольствія, Павелъ далъ ему краткій отвѣтъ, что старообрядцы привыкли къ терпѣнію и считаютъ своимъ долгомъ покоряться богоучрежденной власти царей, въ чемъ бы она ни проявля-

---

* Братъ Кельсіева, студентъ, былъ сильно замѣшанъ въ университетскія исторіи и подвергся суду.

лась. Кельсіевъ замѣтилъ на это, что однакожь онъ имѣетъ доказательства несомнѣннаго сочувствія со стороны старообрядцевъ тѣмъ политическимъ цѣлямъ, къ которымъ стремится лондонское братство, что имѣются уже готовые планы совокупнаго дѣйствованія въ этомъ отношеніи и что онъ ѣдетъ въ Москву именно для того, чтобъ еще точнѣе условиться насчетъ этихъ плановъ. Инокъ Павелъ съ непоколебимою увѣренностію отвѣчалъ ему, что онъ заблуждается, что въ Москвѣ онъ вовсе не найдетъ того, что̀ предполагаетъ найдти; что, напротивъ, близкое знакомство со старообрядчествомъ непремѣнно покажетъ ему всю несбыточность надежды—вовлечь старообрядцевъ въ предпріятіе, направленное къ ниспроверженію царской власти. Эти замѣчанія, сдѣланныя человѣкомъ, глубоко изучившимъ духъ старообрядчества, были для Кельсіева не очень пріятнымъ напутствіемъ для предлежавшей ему поѣздки въ Москву.

Сюда пріѣхалъ онъ спустя не болѣе двухъ недѣль по возвращеніи Пафнутія. Случилось, что въ ту самую ночь, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, Пафнутій видѣлъ очень замѣчательный и сильно поразившій его сонъ: ему представился Кельсіевъ въ такомъ страшномъ видѣ, что онъ въ испугѣ проснулся и до самаго утра не могъ уже заснуть. Онъ придалъ особенную знаменательность этому событію и еще находился подъ вліяніемъ своего тяжелаго сновидѣнія, когда къ нему въ комнату вошелъ Семенъ Семеновъ, имѣвшій доступъ къ нему во всякое время. Улыбаясь и довольно таинственно начиная рѣчь, онъ сказалъ, что пришелъ сообщить любопытную новость.

— Какую новость? Не ту ли, что пріѣхалъ Кельсіевъ? спросилъ его Пафнутій.

— А вы откуда знаете? спросилъ, въ свою очередь, до крайности изумленный Семенъ Семеновъ,—онъ только что нынѣ ночью пріѣхалъ въ Москву и почти ни съ кѣмъ еще изъ нашихъ не видался.

Пафнутій сказалъ ему *откуда* знаетъ о пріѣздѣ Кельсіева и тутъ же отдалъ строгое приказаніе, чтобъ ни онъ, Семенъ Семеновъ, и никто другой, съ кѣмъ Кельсіевъ будетъ имѣть свиданіе, не смѣли открывать ему, кто былъ въ Лондонѣ подъ именемъ старообрядца Поликарпа Петрова, и прибавилъ, что во всякомъ случаѣ Кельсіевъ не увидитъ его въ Москвѣ; совѣтовалъ также, чтобъ и всѣ его друзья были

какъ можно осторожнѣе въ сношеніяхъ съ лондонскимъ гостемъ. Кельсіевъ ничего и не узналъ бы, конечно, о таинственной личности Поликарпа Петрова, еслибы не выдалъ ему секрета одинъ простодушный юноша изъ старообрядцевъ, которому извѣстно было мірское имя Пафнутія. Кельсіевъ спросилъ его при свиданіи:

— Былъ у насъ старообрядецъ Поликарпъ Петровъ: не знаете ли вы, кто онъ такой?

— Да это владыка—Пафнутій, должно быть, отвѣчалъ откровеный юноша.

И сталъ Кельсіевъ искать въ Москвѣ владыку Пафнутія; но всѣ старообрядцы, съ которыми онъ видался, говорили ему, что Пафнутія въ Москвѣ теперь нѣтъ, а находится онъ въ городѣ Кіевѣ. Сами они держали себя съ Кельсіевымъ также очень осторожно и ни въ какія тѣсныя съ нимъ сношенія не входили. Относительно плановъ объ учрежденіи въ Лондонѣ старообрядческой епископской каѳедры говорили уклончиво, что, конечно, хорошо было бъ это сдѣлать, но что дѣло это трудное, опасное и т. д. За то просили у него содѣйствія въ изданіи старообрядческихъ сочиненій, и Семенъ Семеновъ при прощаньи даже вручилъ ему для напечатанія свое сочиненіе *О дѣйствіяхъ православной церкви въ отношеніи къ еретикамъ*, направленное въ пользу старообрядчества; было обѣщано также въ непродолжительномъ времени выслать и другія. Только одинъ изъ московскихъ старообрядцевъ не сохранилъ должной осторожности въ сношеніяхъ съ Кельсіевымъ, тотъ самый молодой человѣкъ, который предлагался въ кандидаты для занятія лондонской архіерейской каѳедры и избраніе котораго отклонилъ Пафнутій: при своей недальновидности и увлекающемся характерѣ онъ былъ чрезвычайно заинтересованъ таинственными сношеніями съ лондонскимъ гостемъ и готовъ былъ на всякія для него услуги, за что, какъ извѣстно, и поплатился очень дорого. Этимъ и кончились результаты совершеннаго г-мъ Кельсіевымъ путешествія въ Москву собственно по раскольничьимъ дѣламъ.

Это путешествіе сильно поколебало его надежду на устроеніе въ Лондонѣ средоточія старообрядческой духовной власти и вообще въ значительной степени должно было охладить его мечты о тѣсномъ союзѣ московскихъ старообрядцевъ съ партіей Герцена. Предсказаніе инока Павла очевид-

нымъ образомъ сбывалось. Кельсіевъ чувствовалъ это; на возвратномъ пути онъ рѣшился даже заѣхать въ его прусскую кановію, чтобъ еще разъ повидаться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Павелъ съ своею братіей слушалъ часы въ монастырской моленной когда, къ немалому его удивленію, вошелъ туда пріѣхавшій изъ Москвы гость. Бесѣдуя съ Павломъ, гость этотъ признался, что въ его предсказаніи, относительно сношеній со старообрядцами въ политическихъ видахъ оказалось много вѣрнаго. Однакоже и теперь онъ хотѣлъ склонить самого Павла къ политической дѣятельности въ союзѣ съ Лондономъ; но и на этотъ разъ попрежнему получилъ рѣшительный отказъ. Въ послѣдствіи Лондонцы неоднократно возобновляли подобнаго рода нападенія на знаменитаго безпоповскаго наставника, но постоянно получали отъ него одинъ отвѣтъ, что онъ занятъ исканіемъ душевнаго спасенія и рѣшеніемъ вопроса, имѣющаго для него величайшую важность,—вопроса о вѣчности церкви и о томъ, гдѣ обрѣтается она въ настоящее время; къ участію же въ политическихъ дѣлахъ почитаетъ себя непризваннымъ.

Между тѣмъ, по отъѣздѣ Кельсіева, въ Москвѣ думали серіозно заняться приготовленіемъ старообрядческихъ рукописей для печатанія въ лондонской типографіи. Особенно хотѣлось поскорѣе напечатать обстоятельное изложеніе основнаго ученія послѣдователей бѣлокриницкаго священства, на которомъ собственно и думали они утвердить мнимую законность своей новоучрежденной іерархіи,—ученія о возможности временнаго прекращенія и новаго возстановленія богоучрежденной іерархіи въ церкви Христовой. Это ученіе, измышленное инокомъ Павломъ бѣлокриницкимъ въ отвѣтъ на возраженія сейчасъ упомянутаго нами другаго знаменитаго инока Павла Прусскаго, было полнѣе развито и сильно распространено между московскими старообрядцами Пафнутіемъ, который сдѣлалъ его главнымъ предметомъ своей проповѣднической дѣятельности. Поэтому было желательно, чтобъ изложеніе этого ученія „для печати“ сдѣлалъ именно Пафнутій. Семенъ Семеновъ убѣдительно просилъ его заняться безотлагательно этимъ важнымъ трудомъ. Было, впрочемъ, и готовое изложеніе указаннаго ученія, сдѣланное самимъ Семеномъ Семеновымъ на основаніи сочиненій инока Павла и проповѣдей Пафнутія,—оно извѣстно у старообряд-

цевъ подъ именемъ сочиненія *О нужныхъ церковныхъ обстоятельствахъ*. Семенъ Семеновъ просилъ Пафнутія тщательно пересмотрѣть, повѣрить и исправить, по крайней мѣрѣ, это сочиненіе для скорѣйшаго препровожденія въ Лондонъ. Пафнутій не отказался, онъ только говорилъ, съ своей стороны, что дѣло, по своему назначенію и по своей важности, именно требуетъ самой тщательной и обстоятельной повѣрки всѣхъ содержащихся въ сочиненіи историческихъ указаній и свидѣтельствъ, чтобы въ послѣдствіи по печатной книжкѣ никто не могъ уличить старообрядцевъ въ намѣренномъ отступленіи отъ исторической истины ради поддержанія любимаго своего ученія. Съ такими намѣреніями безпристрастнаго изслѣдователя истины, Пафнутій, дѣйствительно, и приступилъ къ труду, на который такъ усердно вызывалъ его Семенъ Семеновъ; но трудъ этотъ привелъ его къ тому, чего Семенъ Семеновъ могъ желать всего менѣе и чего самъ Пафнутій тогда не ожидалъ еще, хотя по существу дѣла этого именно и надлежало ожидать,—привелъ къ открытію совершенной несостоятельности того ученія, которое доселѣ считалось вполнѣ достаточнымъ основаніемъ и оправданіемъ новоучрежденнаго бѣлокриницкаго священства, а за тѣмъ послѣдовательнымъ порядкомъ, къ открытію полной несостоятельности и раскола вообще и вслѣдствіе того къ совершенному отъ него отреченію. * И это было, хотя отдаленнымъ, послѣдствіемъ все того же замысла—открыть сношенія съ лондонскими выходцами въ видахъ упроченія дальнѣйшаго процвѣтанія раскола....

---

* Подробное изложеніе обстоятельствъ и послѣдствій этого Пафнутіева труда см. въ статьѣ: „Присоединеніе раскольническихъ епископовъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1865 г., № 12, начиная съ 616 стр.). Рукопись *О нужныхъ церковныхъ обстоятельствахъ* послѣ сего не была уже посылаема въ Лондонъ; туда послано было извѣстіе, чтобъ остановили печатаніе даже и того сочиненія, которое Кельсіевъ увезъ съ собой, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно требуетъ исправленія.

XII.

Итакъ, блестящія надежды на скорое заключеніе самаго тѣснаго союза съ россійскими старообрядцами, возбужденныя въ лондонскомъ кружкѣ русскихъ выходцевъ пріѣздомъ и планами Пафнутія, разсыпались въ прахъ. Собственная поѣздка Кельсіева въ Москву должна была, какъ мы сказали, показать ему это довольно ясно; еще яснѣе показали это дальнѣйшія событія. Въ томъ самомъ февралѣ мѣсяцѣ, когда Кельсіевъ находился въ Москвѣ, здѣсь было издано отъ имени старообрядческаго духовнаго совѣта извѣстное *Окружное Посланіе*; а въ немъ заключалось между прочимъ слѣдующее, превосходно выраженное наставленіе: „Завѣщеваемъ и молимъ, вкупѣ съ верховнымъ Апостоломъ Павломъ, *творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки*, изряднѣе же о здравіи и о спасеніи, и о царствѣй побѣдѣ, иже отъ высочайшія и вседержащія Божія десницы поставленнаго, и славою, и честію вѣнчаннаго, самодержавнѣйшаго, Богохранимаго, великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Александра Николаевича и всего Августѣйшаго Дома Его, и о всей палатѣ, и о воехъ Его, о немъ же и на святой проскомидіи божественной литургіи, въ числѣ великихъ седми, пятая приносится просфира, и приноситися будетъ яко же о немъ, *тако и о будущихъ преемницѣхъ престола и скипетра его въ родъ и родъ и до вѣка.*“ (*Окр. Посл.* статья 6.) Столь неблагопріятное для Лондонцевъ по самому своему содержанію *Окружное Посланіе* было невыгодно для нихъ и по своимъ послѣдствіямъ. Извѣстно, что оно вызвало въ старообрядствѣ великія волненія, которыя продолжаются и доселѣ. Эти волненія и заботы объ ихъ прекращеніи поглотили собою все вниманіе высшаго старообрядскаго духовенства, а равно и всѣхъ старообрядцевъ сколько-нибудь интересующихся судьбами старообрядства, такъ что имъ не до того уже стало, чтобы строить планы и замыслы объ упроченіе раскола при посредствѣ лондонскихъ выходцевъ, еслибы даже и имѣлъ еще кто подобные планы и замыслы. Особенно же содѣйствовалъ пробужденію негодованія къ лондонскимъ агитаторамъ въ старообрядскомъ

обществѣ, какъ и вообще между Русскими, вскорѣ за тѣмъ возникшій польскій мятежъ. То глубокое патріотическое чувство, которымъ воодушевилъ онъ всѣхъ истинно русскихъ людей, сильно сказалось и между старообрядцами; они спѣшили, вмѣстѣ съ другими, словомъ и дѣломъ засвидѣтельствовать свою преданность Царю и отечеству. Извѣстны адресы, поданные Государю Императору старообрядскими обществами разныхъ мѣстъ; извѣстны также подвиги нѣкоторыхъ старообрядскихъ общинъ въ борьбѣ съ польскими повстанцами. Въ это достопамятное время старообрядцы сдѣлались крайне осторожными въ отношеніи ко всему, что̀ могло бы подать поводъ заподозрить ихъ въ сношеніяхъ съ лицами, враждебными правительству даже и не въ такой степени какъ лондонскіе агитаторы. *

О многихъ проявленіяхъ національнаго, патріотическаго чувства въ средѣ русскаго старообрядства наши Лондонцы, конечно, совсѣмъ и не слыхали; но и того, что̀ имъ сдѣлалось извѣстно, было достаточно, чтобы возбудить въ нихъ сильное недовольство и досаду противъ русскихъ старообрядцевъ. Правда, лондонскіе рыцари утѣшали себя тѣмъ, что не вѣрили искренности ихъ патріотическаго чувства,— всѣ ихъ патріотическія заявленія, и словесныя, и дѣятельныя, они считали ни больше, ни меньше какъ исполненіемъ приказаній полицейскаго начальства и въ этомъ смыслѣ старались объяснять ихъ своимъ читателямъ, такъ что даже старообрядцы динабургскіе являлись у нихъ просто переодѣтыми русскими солдатами. Но внутренно и сами они чувствовали всю несостоятельность подобнаго рода утѣшеній; горькое чувство разочарованія насчетъ русскихъ старооб-

---

* Напримѣръ, когда въ февралѣ 1863 года, по вызову такъ-называемой Винокуровской партіи, въ Москву пріѣхалъ бѣлокриницкій Кириллъ, то общество московскихъ старообрядцевъ, настаивая на скорѣйшій выѣздъ Кирилла, именно ссылалось на опасность сношеній съ нимъ, какъ съ лицомъ, почитаемымъ нѣкоторыми за „предводителя всеобщаго возстанія старообрядцевъ“, и особенно въ такое время, „когда всѣ западныя губерніи, примыкающія къ границамъ Австріи, находятся въ смятеніи“. „Мы не можемъ оставаться хладнокровными зрителями, сказано въ *заявленіи* старообрядцевъ, когда хотятъ невольно показать насъ и наше россійское духовенство ослушниками воли Государя.“ (См. „Современныя движенія въ расколѣ“, ст. 1, стр. 11—13.)

рядцевъ и худо скрываемой противъ нихъ досады ясно выступаетъ именно въ томъ, что̀ говорилось тогда о старообрядскомъ патріотизмѣ на страницахъ *Колокола* и *Общаго Вѣча*,—въ этихъ тяжелыхъ, натянутыхъ остротахъ и глумленіяхъ особенно надъ старообрядскими адресами. „Чего *они* испугались?“ между прочимъ вопрошалъ тогда г-нъ Герценъ, „*ихъ всѣхъ* * такъ настращали, что̀ нельзя больше удержать вопль, крикъ, плачъ, завываньe патріотизма, усердіе безъ границъ, преданность безъ смысла? Адресы, пѣнихиды, молебны на чистомъ воздухѣ и въ воздухѣ продымленномъ (!) ладономъ, адресы отъ грамотныхъ и безграмотныхъ, отъ *старообрядцевъ* и *новообрядцевъ*“ и пр. Онъ глумился надъ тѣмъ, какъ составлялись старообрядскіе адресы, издѣвался надъ старообрядцами города Спасска, которые будто бы, по его словамъ, „до того заврались (!) и запутались въ вѣрноподданническихъ постромкахъ, что въ адресѣ-то (sic) Государю начали хвастаться, что у нихъ есть собратъ по вѣрѣ, М. Караушевъ, который *ловилъ Поляковъ въ Тамбовской губерніи*, ** былъ по охотѣ, по влеченію, сыщикомъ (!), доносщикомъ (!!),—и это ставится, прибавлялъ г-нъ Герценъ, въ заслугу и доказательство вѣрноподданничества.“ Только г-нъ Герценъ, съ своими адептами, могъ не видѣть дѣйствительно-патріотическаго подвига въ томъ, чтобы ловить и предавать въ руки законной власти возмутителей внутренняго порядка, будутъ ли то Поляки или агенты какого-нибудь заграничнаго революціоннаго общества съ прокламаціями и фальшивыми манифестами въ рукахъ. какихъ именно *ловили* старообрядцы *въ Тамбовской губерніи*. И какъ ясно эти ругательныя прозвища „сыщиками“ и „доносщиками“ обличаютъ въ издателѣ *Колокола* внутреннюю досаду и раздраженіе противъ обманувшихъ его надежды русскихъ старообрядцевъ! ***

---

*. Курсивъ въ подл.

** Курсивъ въ подл.

*** Особенно клинцовскій адресъ, составленный Иларіономъ Георгіевымъ, авторомъ *Окружнаго Посланія*, по своему содержанію, долженъ былъ прійдтись не по сердцу Лондонцамъ. Приводимъ изъ этого адреса тѣ мѣста, которыя были для нихъ особенно чувствительны.... „Завистники (Поляки и имъ сочувствующіе) рѣшились клеветать, будто бы они имѣютъ между старообрядцевъ людей, готовыхъ раздѣлять съ ними преступные замыслы. Они совершенно

Итакъ нашимъ лондонскимъ агитаторамъ приходилось разочароваться въ своихъ надеждахъ на русское старообрядство и притомъ въ такое время, когда это было всего менѣе для нихъ желательно, когда были пущены въ ходъ всѣ пружины ихъ революціонныхъ махинацій, и они, мечась какъ угорѣлые, всюду искали себѣ поддержки. Но неудачи съ русскими старообрядцами, какъ и всѣ другія, испытанныя ими особенно въ это тревожное время, не отрезвили ихъ, а скорѣе раздражили еще больше. Отказаться отъ раскола, какъ будто бы сродной имъ стихіи, они вовсе не хотѣли; они только рѣшились искать болѣе тѣснаго сближенія съ нимъ не въ предѣлахъ Россіи, гдѣ, по ихъ мнѣнію, онъ сталъ раболѣпствовать передъ верховною властью, а за границей, въ австрійскихъ и турецкихъ владѣніяхъ, гдѣ, какъ они надѣялись, въ раскольничьемъ населеніи доселѣ еще жива старая,

---

оклеветали насъ! Возможно ли даже подумать, чтобы соблюдающіе священные обряды праотцевъ имѣли сочувствіе ко врагамъ и опустошителямъ древней святыни, не щадившимъ ни святительской, ни царской крови?

„Старообрядцы во время религіозныхъ испытаній обыкли говорить: Богъ насъ наказуетъ за грѣхи наши! и никогда не переставали оказывать должное почитаніе богоучрежденнымъ властемъ, и всегда возсылали ко Всевышнему теплыя молитвы, моленія же, прошенія и благодаренія за царей и за вся, иже во власти суть, по наставленію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ.

„Но въ настоящее время, когда мы Твоимъ правосудіемъ освобождены отъ всякаго преслѣдованія и дышемъ свободно, милосердаго Тебе Царя-Освободителя народовъ любимъ и почитаемъ сугубо, какъ богопоставленнаго Монарха и какъ щедраго отца, и не попущаемъ не только какого замысла противна, но даже и слова неподобна произнести кому-либо изъ насъ.

„Великій Государь! Повѣрь словамъ нашимъ: мы святое писаніе пріемлемъ, какъ словеса Божія, и вѣруемъ:

„Что безначаліе всюду зло есть и сліянія виновно,

„Что Богъ во общую пользу начальства учинилъ есть, и

„Что безчисленная благая властьми во градѣхъ бываютъ и безъ оныхъ вся погибнутъ, ничесоже постоитъ, но вся превратятся, сильнѣйшимъ немощнѣйшихъ пожирающимъ! Къ симъ же научаемся: что царей самъ Богъ поставляетъ, самъ рукополагаетъ и самъ помазуетъ ихъ на царство. Той даетъ имъ скипетръ и державу царствія; и Той владѣетъ царствомъ человѣческимъ и ему же восхощетъ дастъ е. Якоже бо око всаждено есть тѣлу, тако царь міро-

отъ предковъ полученная вражда къ русскому правительству, и гдѣ досужіе люди задолго прежде ихъ уже пытались, и съ нѣкоторымъ успѣхомъ, воспользоваться этою враждой во вредъ Россіи. Въ 1863 и 1864 гг., оставивъ въ покоѣ старообрядцевъ русскихъ, они дѣйствительно старались сблизиться съ буковинскими Липованами и добруджинскими Некрасовцами, равно какъ ихъ сосѣдями, молдавскими старообрядцами. Впрочемъ, первыя сношенія лондонскихъ и другихъ русскихъ революціонеровъ съ раскольниками всѣхъ этихъ странъ открыты были нѣсколько раньше.

Письменныя сношенія съ Бѣлою-Криницей, въ видахъ привлеченія главы старообрядцевъ къ совокупному дѣйствованію противъ русскаго правительства, открылъ первоначально русскій выходецъ не Герценовской семьи, но все же родной ей по своимъ чувствамъ къ Россіи, извѣстный князь П. В. Долгоруковъ. Осенью 1862 года Кириллъ получилъ отъ него письмо. Не слишкомъ искусно читая и книги, печатанныя гражданскимъ шрифтомъ, владыка Кириллъ совсѣмъ ужъ не мастеръ разбирать письма, хотя бы и четко написанныя: а посланіе Долгорукова, на бѣду, писано было связнымъ, не-

---

ви присоставися, отъ Бога данный въ поспѣшество полезныхъ; и существомъ убо тѣлеси равенъ есть всякому человѣку царь, властію же достоинства подобенъ есть иже надо всѣми Богу! не имать бо на земли себе высочайшаго. Царь есть законное настоятельство, общее благо всѣмъ послушливымъ. И яко устремленіе водное, тако и сердце царево въ рукѣ Божіи; яко дана есть отъ Бога держава имъ и сила отъ Вышняго. (Всѣ эти изреченія заимствованы изъ священныхъ и отеческихъ книгъ, которыя и указаны въ подлинникѣ.)

„Такъ научаютъ насъ древнія книги наши о царскомъ достоинствѣ понимать.... И мы въ сердцѣ нашемъ чувствуемъ совершенно то, что̀ выражено здѣ на бумагѣ, а тѣмъ самымъ и опровергается вся клевета, взводимая на насъ отъ сыновъ запада, мятежныхъ крамольниковъ....“

Тѣ же мысли и чувства выражены Иларіономъ Георгіевымъ въ адресѣ, составленномъ по случаю преступнаго покушенія на драгоцѣнную жизнь Государя Императора: „Всѣхъ же враговъ Твоихъ, стремящихся къ уничтоженію богоучрежденной власти, вмѣняемъ врагами нашего любезнаго отечества, попирателями ученія св. церкви, разрушителями апостольскихъ преданій, противными Богу, устроившему начальства во общую пользу, и предотечами антихриста, тщащимися безначаліемъ уготовати путь сыну погибельному.“

разборчивымъ почеркомъ. Единственный человѣкъ, который могъ бы прочитать Кириллу таинственное рукописаніе и которому вообще поручалъ онъ чтеніе всѣхъ получаемыхъ писемъ, архидіаконъ Филаретъ, находился въ это время, вмѣстѣ съ Сергіемъ и Алимпіемъ (другимъ борзописцемъ), въ Вѣнѣ. Пришлось отправить письмо Долгорукова въ Вѣну. Кириллъ поручалъ Филарету прочитать, что̀ такое пишется въ этомъ письмѣ, да ужь кстати и отвѣтить, что̀ слѣдуетъ, неизвѣстному корреспонденту. Въ письмѣ содержались разглагольствія о мнимомъ деспотизмѣ русскаго правительства, о томъ, что якобы оно не позволяетъ въ предѣлахъ Россіи каждому свободно слѣдовать своей религіи, гонитъ старообрядцевъ и лучшихъ русскихъ людей, подобныхъ ему, г. Долгорукову, и что поэтому онъ предлагаетъ Кириллу, какъ верховному владыкѣ старообрядцевъ, дружескій союзъ, чтобы соединенными силами дѣйствовать противъ русскаго правительства. „Вооружимся, ваше преосвященство, противъ общаго, вашего и нашего, врага!“—такимъ воззваніемъ заключалось письмо Долгорукова. Исполнивъ одну половину Кириллова порученія, разобравъ письмо, Филаретъ затруднился нѣсколько какъ исполнить другую. Что̀ въ самомъ дѣлѣ отвѣчать на странное приглашеніе неизвѣстнаго корреспондента? И въ чемъ заключается сущность самого приглашенія? Онъ призналъ за лучшее послѣдовать въ настоящемъ случаѣ примѣру самого Кирилла, — воспользоваться неразборчивостью письма, дѣйствительно очень связно написаннаго, и отвѣтить, что прочесть его надлежащимъ образомъ не могли ни самъ владыка Кириллъ, ни онъ, архидіаконъ Филаретъ, котораго владыка призвалъ для сего на помощь, и что поэтому они просятъ г. Долгорукова потрудиться вторично написать имъ пообстоятельнѣе и поразборчивѣе, чего именно онъ желаетъ. Такъ дѣйствительно и поступилъ Филаретъ. Это желаемое *вторичное* письмо не замедлило явиться. Оно было адресовано и писано уже прямо на имя Филарета. Повторивъ все содержаніе перваго письма, Долгоруковъ писалъ далѣе, что на первый разъ его желанія ограничиваются весьма немногимъ, — а именно просилъ сообщать ему свѣдѣнія о притѣсненіяхъ, какія терпятъ старообрядцы въ Россіи, для оглашенія ихъ въ издаваемой имъ газетѣ на позоръ всему просвѣщенному міру, и оказать содѣйствіе къ распространенію его изданій между русскими старообрядца-

ми. Онъ извѣщалъ Филарета, что нѣкоторыя изъ этихъ изданій посылаетъ ему теперь же, дабы познакомить его съ ихъ содержаніемъ и направленіемъ. Вслѣдъ за письмомъ дѣйствительно получено было нѣсколько №№ *Будущности* и экземпляръ *Правды о Россіи*. Филаретъ отвѣчалъ Долгорукову, что готовъ сообщать ему желаемыя свѣдѣнія, но за полученіемъ ихъ долженъ будетъ обращаться въ Россію; въ настоящее же время никакихъ интересныхъ для него свѣдѣній не имѣетъ; равнымъ образомъ и относительно его изданій до предварительнаго объясненія съ русскими старообрядцами ничего опредѣленнаго сказать не можетъ.

Еще не успѣлъ Филаретъ кончить дѣло съ парижскимъ корреспондентомъ, какъ и лондонскіе друзья старообрядства открыли письменныя сношенія съ Бѣлою-Криницей. Надо полагать, что въ Лондонѣ имѣли уже понятіе объ архидіаконѣ Филаретѣ, какъ молодомъ человѣкѣ, очень талантливомъ, хорошо изучившемъ нѣмецкій языкъ, вообще несравненно болѣе образованномъ чѣмъ все бѣлокриницкое братство, начиная съ самого безграмотнаго Кирилла, и имѣющемъ на этого послѣдняго немалое вліяніе. По крайней мѣрѣ Кельсіевъ призналъ за лучшее открыть корреспонденцію именно съ Филаретомъ. Первое письмо къ нему, въ началѣ ноября 1862 г., онъ отправилъ однакоже почему-то не прямо въ Бѣлую-Криницу, а въ Тріестъ, на имя Амвросіева сына Георгія Андреевича, проживавшаго вмѣстѣ съ отцомъ въ Цилли, человѣка тоже, какъ видно, ему извѣстнаго. * Въ письмѣ къ Филарету Кельсіевъ говорилъ много лестнаго объ его талантахъ и совѣтовалъ употребить ихъ на служеніе дѣлу раскола или, что̀ будто бы одно и то же, дѣлу религіозной и всякой свободы, которому и они (брат-

* Вотъ что̀ читаемъ въ собственноручномъ письмѣ Георгія Андреевича къ Филарету, отъ 17-го ноября 1862 г.: „На этеи днях получилъ я отъ Лондона этои письмо, которои не могъ я прочи(та)ть, посылаю вамъ чтобы вы его прочитали и меня потомъ объявили содержаніе его.“ Видно, что и послѣ этого Лондонцы не прерывали сношеній съ сыномъ Амвросія: въ одномъ письмѣ къ Филарету же, отъ 15-го декабря 1862 г., онъ сдѣлалъ, наприм., слѣдующую любопытную приписку: „Пишете меня, ежели вы получили (пишите мнѣ, получили ли) *Что надо дѣлать народу*, или нѣтъ? то меня присолъ отъ Лондонъ и я вамъ посылалъ (пошлю).“ Такъ усердно заботились Лондонцы о распространеніи своихъ изданій!

ство Герцена) въ Лондонѣ служатъ всѣми своими силами. Онъ извѣщалъ также, что въ Лондонѣ уже издано ими нѣсколько книгъ въ пользу раскола, и что они охотно прислали бы эти книги, въ какомъ угодно количествѣ, въ Бѣлую-Криницу для распространенія между старообрядцами, еслибы только Филаретъ принялъ на себя это дѣло, о чемъ и просилъ его усердно. Письмо кончалось обѣщаніемъ всякихъ услугъ старообрядству и со стороны лондонской братіи. * Спустя нѣсколько времени Филаретъ получилъ отъ Кельсіева еще письмо, адресованное уже прямо въ Бѣлую-Криницу. Кельсіевъ писалъ, что желая познакомить его поближе съ характеромъ дѣятельности лондонскихъ доброжелателей старообрядства, посылаетъ ему, Филарету, нѣкоторыя изъ ихъ изданій, въ полной увѣренности, что онъ, какъ человѣкъ образованный, сумѣетъ оцѣнить труды ихъ, и самъ приметъ въ нихъ участіе, чего въ Лондонѣ искренно желали бы. Упоминаемой въ письмѣ посылки Филаретъ однакоже, къ немалому его удивленію, совсѣмъ не получалъ. Это послѣднее обстоятельство главнымъ образомъ и побудило его начать корреспонденцію съ Кельсіевымъ. Въ первомъ письмѣ къ нему Филаретъ извѣщалъ, что никакой посылки изъ Лондона доселѣ ему не доставляли, и потому судить о лондонскихъ изданіяхъ онъ не можетъ, равно какъ не понимаетъ, какое самъ можетъ принять въ нихъ участіе.

На это письмо не замедлилъ отвѣтъ изъ Лондона, но отвѣтъ писанъ былъ уже не Кельсіевымъ, а г. Огаревымъ, который объяснялся, что Кельсіева въ Лондонѣ нѣтъ, и что онъ, г. Огаревъ, уполномоченъ вести за него корреспонденцію. Относительно посылки Огаревъ выражалъ крайнее удивленіе, куда

---

* Въ отвѣтѣ Филарета на первое изъ вышеприведенныхъ писемъ Георгія Андреевича сказано: „Полученное изъ Лондона письмо слѣдуетъ мнѣ, потому что было на ономъ письмѣ съ верху надписано такъ: Philaret Zacharowich Archidiakon. Содержаніе же онаго письма состоитъ въ томъ, что въ Лондонѣ печатаются русскія книги, и большею частію касающіяся до нашихъ единовѣрцевъ, потому онъ сообщаетъ мнѣ о томъ и проситъ, если намъ нужны какія книги, то онъ по первомъ востребованіи можетъ выслать намъ, сколько угодно. А что (а по чему) чрезъ васъ послано оное письмо, о томъ мнѣ неизвѣстно; должно-быть думалъ, если прямо на меня пошлетъ, то не дойдетъ.“ (Письмо Филарета отъ 30-го ноября 1862 года.)

она дѣвалась, такъ какъ изъ Лондона отправлена была Кельсіевымъ одновременно съ тѣмъ письмомъ, которое Филаретъ исправно получилъ въ свое время. Затѣмъ Огаревъ съ обычнымъ ему многословіемъ распространялся о единствѣ задачъ, предлежащихъ расколу и тому обществу политическихъ дѣятелей, къ которому онъ имѣетъ честь принадлежать. А сотрудничество, какое предлагалось Филарету, по его объясненію, должно состоять въ томъ, чтобы Филаретъ сообщалъ въ Лондонъ свѣдѣнія о всѣхъ репрессивныхъ мѣрахъ правительства въ отношеніи къ старообрядцамъ, какъ матеріалъ для лондонскихъ изданій, и по возможности содѣйствовалъ распространенію этихъ изданій между раскольниками. Итакъ желанія Лондонцевъ въ этомъ случаѣ сходились съ желаніемъ Долгорукова, и Филаретъ могъ отвѣтить Огареву то же самое, что̀ отвѣчалъ Долгорукову. Впрочемъ, теперь онъ рѣшился даже представить и доказательство своей готовности сообщать для печати извѣстія объ отношеніяхъ старообрядцевъ къ Россіи,—послать описаніе одного событія въ этомъ родѣ, съ намѣреніемъ не столько услужить старообрядству, сколько обнародовать незаконныя дѣянія нѣкоторыхъ лицъ изъ своего старообрядскаго общества. Переписка эта происходила послѣ достопамятной поѣздки Кирилла въ Москву, въ началѣ 1863 года. Извѣстно, какой плачевный исходъ имѣло для Кирилла его пребываніе въ Москвѣ и въ какомъ стѣсненномъ положеніи держали тамъ Филарета, который сопровождалъ его въ качествѣ письмоводителя. Вызвавшая митрополита въ Москву Винокуровская партія, не надѣясь на преданность Филарета ея интересамъ, держала его чуть не въ заключеніи и принудила дѣлать и писать все что̀ ей хотѣлось. Такимъ образомъ Филаретъ сдѣлался невольнымъ участникомъ тогдашнихъ нелѣпыхъ распоряженій Кирилла, направленныхъ противъ *Окружнаго Посланія* и московскаго духовнаго совѣта, въ чемъ, какъ извѣстно, и оправдывалъ себя предъ этимъ послѣднимъ стѣсненностью своего положенія, изложивъ всѣ обстоятельства дѣла въ особомъ письмѣ (отъ 17-го апрѣля 1863 г.) къ тогдашнему предсѣдателю совѣта, епископу Онуфрію. * На Кирилла же и осо-

---

* Изложеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ см. въ IV ст. о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ (*Русск. Вѣстн.* 1863 г. № 11, стр. 875—877 и въ VIII ст. изданной отдѣльно въ 1865 г., стр. 9—12).

бенно на московскихъ „крамольниковъ“ питалъ онъ большое неудовольствіе за ихъ обращеніе съ нимъ въ Москвѣ, и чтобъ отплатить имъ рѣшился описать для лондонской газеты, соблюдая, впрочемъ, надлежащую правдивость, путешествіе бѣлокриницкаго митрополита въ россійскій столичный городъ Москву. Онъ справедливо разчитывалъ, что Лондонцы весьма рады будутъ напечатать статью, содержащую разказъ о томъ, какъ самъ старообрядскій митрополитъ, несмотря на всю бдительность русской полиціи, преспокойно пропутешествовалъ отъ австрійской границы до Петербурга и отъ Петербурга до самой матушки Москвы, пребезопасно прожилъ здѣсь не одну недѣлю и опять также спокойно прослѣдовалъ отъ Москвы до Петербурга и отъ Петербурга за австрійскую границу, и какъ въ обѣихъ столицахъ его встрѣчали и честили разныя почетныя и богатыя лица изъ русскихъ старообрядцевъ. Но съ другой стороны, Филаретъ еще лучше понималъ и то, что отъ такого *напечатанія* не очень поздоровится и этимъ почетнымъ лицамъ, и самому Кириллу, который ѣздилъ въ Россію тайкомъ и отъ австрійскаго правительства, даже вопреки изъѣстнаго уже читателямъ прямого императорскаго указа, воспрещающаго „святителю безъ позволенія областнаго начальства предпринимать путь за границу.“ *

Спустя нѣсколько времени послѣ того какъ Филаретъ началъ было такимъ образомъ свою корреспонденцію съ Лондонцами, хотя и не въ тѣхъ видахъ, какъ желали послѣдніе, именно въ сентябрѣ 1863 года, пришелъ къ нему серетскій форштееръ. Форштееръ былъ человѣкъ знакомый Филарету, и посѣщенія его не были рѣдкостью. Филаретъ, по обычаю, сталъ хлопотать объ угощеніи; но гость на этотъ разъ просилъ не безпокоиться и вообще держалъ себя нѣсколько странно, съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ осматривалъ книги и другія вещи въ его кельѣ и потомъ спросилъ: не получаетъ ли онъ какихъ-нибудь журналовъ изъ Лондона. Филаретъ, не совсѣмъ еще понимая цѣль этого вопроса, отвѣчалъ, что получилъ нѣсколько листковъ газеты и одну книгу, но не изъ Лондона, а изъ Парижа; изъ Лондона же получилъ только письмо, въ которомъ извѣщали, что посланы ему листы какихъ-то изданій, но самихъ листовъ, къ удивленію, не до-

* См. прилож. № 7.

ставлено ему доселѣ. Тогда форштееръ разъяснилъ ему это недоумѣніе, сказавъ, что на его имя дѣйствительно получены *Колоколъ* и *Общее вѣче*, но что ихъ полюбопытствовали просмотрѣть и оставили у себя нѣкоторыя правительственныя лица, возымѣвшія подозрѣніе, не состоитъ ли онъ, архидіаконъ Филаретъ, въ сношеніяхъ съ живущими въ Лондонѣ политическими выходцами. „Теперь же, прибавилъ форштееръ, я получилъ предписаніе изъ Черновицъ, отъ президента, произвести строгій обыскъ въ вашей кельѣ, mein lieber Herr Archidiakon, и сдѣлать дознаніе, въ какихъ именно отношеніяхъ находитесь вы къ русскимъ выходцамъ въ Лондонѣ.“ Филаретъ отвѣчалъ, что нѣтъ надобности производить обыскъ, что кромѣ названныхъ имъ изданій и писемъ, онъ не получалъ ничего ни изъ Парижа, ни изъ Лондона, а эти изданія и письма немедленно выдастъ самъ, и тѣмъ охотнѣе, что они послужатъ только къ его оправданію, такъ какъ изъ писемъ очевидно, что доселѣ ни въ какихъ сношеніяхъ съ Лондономъ онъ не состоялъ, и листы газетъ высланы безъ всякой просьбы съ его стороны Форштееръ дѣйствительно не сталъ производить обыска, и пригласивъ Филарета явиться къ нему въ Серетъ для дальнѣйшихъ объясненій, уѣхалъ. Дѣло кончилось освобожденіемъ Филарета отъ всякой отвѣтственности; но, какъ объяснилъ ему форштееръ, при иныхъ обстоятельствахъ могло бы кончиться тюремнымъ заключеніемъ. Это извѣстіе имѣло на Филарета самое отрезвляющее вліяніе, показавъ ему, какъ европейскія правительства смотрятъ на людей подобныхъ его непрошеннымъ корреспондентамъ изъ Парижа и Лондона, — и онъ поспѣшилъ извѣстить этихъ корреспондентовъ, что впредь никакихъ извѣстій посылать къ нимъ не будетъ, причемъ просилъ также, чтобъ и они съ своей стороны прекратили всякую съ нимъ переписку.

А между тѣмъ въ Лондонѣ были заинтересованы его письмомъ о поѣздкѣ Кирилла въ Москву. Герценъ, какъ справедливо предполагалъ Филаретъ, очень радъ былъ напечатать это письмо въ *Колоколѣ*. Но случилось, что въ это самое время находился въ Лондонѣ Осипъ Семеновъ Гончаровъ, и, какъ само собою разумѣется, часто посѣщалъ г. Герцена. Этотъ послѣдній не отказалъ себѣ въ удовольствіи прочесть ему Филаретово письмо. Гончаровъ, конечно, сейчасъ сообразилъ въ чемъ дѣло и объяснилъ Герцену, что письмо печатать не годится по такимъ-то и такимъ причи-

намъ. Герценъ принужденъ былъ покориться доводамъ покрасовскаго политика, — и оберегая интересы старообрядства, призналъ за лучшее письма не печатать. * Когда же, спустя немного времени, было получено отъ Филарета письмо съ отказомъ продолжать корреспонденцію, въ Лондонѣ были очень удивлены этимъ и не мало опечалены. Тамъ не могли понять, что̀ бы значила такая неожиданная перемѣна; жалко было и потерять такого драгоцѣннаго сотрудника изъ самыхъ близкихъ людей при бѣлокриницкомъ митрополитѣ, особенно же въ такое горячее для лондонскихъ агитаторовъ время, какъ было тогда. Полагали, что дѣло сто́итъ разъясненія и что во всякомъ случаѣ выпускать Филарета изъ своихъ рукъ не слѣдуетъ. Писать къ нему теперь было ужь нельзя; рѣшили отправить къ нему для личныхъ объясненій, съ надлежащими инструкціями, одного изъ эмиссаровъ, которыхъ, какъ извѣстно, не мало разъѣзжало тогда по южной Россіи и въ турецкихъ владѣніяхъ между тамошними раскольниками.

---

* Гончаровъ еще изъ Лондона писалъ объ этомъ обстоятельствѣ другу своему Аркадію Славскому, который въ свою очередь сообщалъ о немъ другимъ. Вотъ очень любопытное (подлинное) письмо объ этомъ предметѣ, писанное Аркадіемъ Васлуйскимъ изъ Яссъ въ Мануиловскій монастырь. „Честнѣйшему отцу иноку сх(имнику) Корнилію миръ ти и благословеніе. Куплино тебѣ бумаги пять надесять дѣстей, но не съ кѣмъ было переслать, оставлено у протоіерея Георгія. Аркадій е(пископъ) увѣдомляетъ яскихъ, что Осипъ Ганчаръ (такъ обыкновенно зовутъ Гончарова люди, не слишкомъ предъ нимъ благоговѣющіе) былъ въ Лондонѣ, и Герцогъ (sic) показывалъ ему письмо отъ архид. Филарета, въ коемъ проситъ ево, чтобы распубликовать повсюду, какъ былъ г. митрополитъ въ Москвѣ. И Ганчаръ все подробну разсказалъ, какъ г. митрополитъ въ Москвѣ былъ. И Герценъ этому удивился, эта распублика (sic) послужитъ нашей религіи во вредъ. И такъ о семъ дѣлѣ Герцогъ обѣщался не выпущать въ свѣтъ. Архіепископъ Аркадій В(аслуйскій). 19 августа 1863 года. Яссы.“ Въ послѣдствіи явилась однакоже въ *Общемъ Вѣчѣ* статья, подъ названіемъ: „О вводѣ во искушеніе.“ Въ этой статьѣ говорилось именно о поѣздкѣ Кирилла въ Москву, но не въ томъ смыслѣ, какъ излагалъ дѣло Филаретъ. Здѣсь содержались больше упреки и порицанія тѣмъ изъ московскихъ старообрядцевъ, которые такъ невѣжливо выпроводили Кирилла изъ Москвы, и жалобы на то, что возникаютъ раздоры между старообрядцами, что старообрядцы сами не понимаютъ своихъ интересовъ, во

Однажды, осенью того же 1863 года, когда Филаретъ находился въ Климоуцахъ у Сергія, въ комнату къ нимъ вошелъ знакомый бѣлокриницкій Липованъ и доложилъ ихъ милости, что отца Филарета желаетъ видѣть какой-то человѣкъ изъ Россіи. На вопросы нѣсколько удивленнаго этимъ извѣстіемъ Филарета, онъ объяснилъ потомъ, что человѣка того встрѣтилъ въ Черновцахъ, тамъ подрядился довезти его до Бѣлой-Криницы и отыскать ему архидіакона Филарета, а такъ какъ въ митрополіи отецъ Мельхиседекъ сказалъ, что Филаретъ въ Климоуцахъ у отца Сергія, то онъ и пріѣхалъ съ человѣкомъ сюда. „Теперь же, прибавилъ Липованъ, человѣкъ этотъ дожидается тамъ, за селомъ, у меня въ телѣгѣ.“ Филаретъ рѣшился принять неожиданнаго гостя у себя, въ родительскомъ домѣ, * куда пригласилъ придти на всякій случай и Сергія, — и отправился съ Липованомъ за село. Тамъ дѣйствительно стояла повозка, но никакого человѣка не было видно.

— Да гдѣ же у тебя человѣкъ? спросилъ онъ Липована.

— А въ телѣгѣ жь, отвѣчалъ онъ,—покрытъ редномъ. Какъ мы стали подъѣзжать къ Климоуцамъ, да сказалъ я, что у Климоуцахъ живетъ дзорникъ, ** онъ и легъ у телѣгу, да и велѣлъ покрыть себя редномъ; а у село ѣхать тоже не велѣлъ; я жь прикрылъ его редномъ, да и пошелъ до тебя.

„Какой странный, однако, человѣкъ,“ подумалъ Филаретъ, подходя къ повозкѣ.

Тамъ дѣйствительно лежалъ, согнувшись, прикрытый толстою холстинною полостью, какой-то небольшаго роста и очень невзрачный господинъ. Поздоровавшись, онъ объяснилъ Филарету, что желалъ бы поговорить съ нимъ кое о чемъ, но по секрету, гдѣ-нибудь въ удобномъ для того мѣстѣ. Филаретъ пригласилъ его къ себѣ. Дорогой происходилъ между ними слѣдующій разговоръ:

— Вы изъ Россіи? спросилъ Филаретъ.

— Изъ Россіи.

— Старообрядецъ?

имя которыхъ имъ слѣдовало бы совершенно иначе воспользоваться пребываніемъ Кирилла въ Москвѣ.

* Филаретъ—сынъ климоуцкаго попа Захаріи; въ Климоуцахъ у него жила тогда мать.

** Полицейскій своего рода.

— Нѣтъ, не старообрядецъ; но имѣю знакомыхъ между старообрядцами. А вы вѣдь были въ Россіи по началу нынѣшняго года вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ? спросилъ онъ въ свою очередь Филарета.

Послѣ этого щекотливаго вопроса Филаретъ рѣшился быть какъ можно осторожнѣе въ бесѣдѣ съ незнакомцемъ. Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, въ Россіи не бывалъ никогда, не знаю что̀ и за Россія такая.

— А объ Лондонѣ имѣете понятіе? продолжалъ разспрашивать незнакомецъ.

— Читывалъ географію, такъ немножко знаю, что̀ это за городъ.

— А нѣтъ ли у васъ тамъ кого-нибудь знакомыхъ?

— Знакомыхъ нѣтъ никого.

— И ни съ кѣмъ изъ лондонскихъ никогда не переписывались?

— И ни съ кѣмъ не переписывался.

— Ну, такъ вы, значитъ, не архидіаконъ Филаретъ....

— Нѣтъ, я точно Филаретъ, архидіаконъ Бѣлокриницкой митрополіи, и другаго Филарета вы здѣсь не найдете.

— Какъ же такъ, разсуждалъ незнакомецъ, — вы архидіаконъ Филаретъ, а говорите, что и въ Москву не ѣздили, и въ Лондонѣ никого не знаете, и писемъ туда не писали....

Когда пришли они въ домъ къ Филарету, куда вскорѣ явился и Сергій, незнакомецъ вынулъ изъ бумажника какое-то письмо, и показывая Филарету, спросилъ, не знакомъ ли ему этотъ пакетъ. Филаретъ узналъ въ немъ свое послѣднее письмо къ Кельсіеву, то самое, гдѣ онъ отказывался отъ продолженія корреспонденціи съ нимъ, и тутъ-то понялъ, что незнакомецъ долженъ быть какой-нибудь агентъ Герценовской партіи, присланный для объясненій съ нимъ по поводу этого письма. Приходилось такимъ образомъ возобновлять сношенія съ Лондонцами и уже не посредствомъ писемъ. Но Филаретъ еще такъ живо помнилъ недавнія объясненія съ форштееромъ по этому предмету, что возобновлять ихъ ему вовсе не хотѣлось. А такъ какъ положеніе, въ какомъ нашелъ онъ Герценовскаго агента въ липованской телѣгѣ, служило очевиднымъ доказательствомъ, что сей агентъ особенною храбростью не отличается, то чтобъ избавиться отъ него скорѣе, Филаретъ призналъ за лучшее

разказать ему, какой онъ подвергся было опасности за свои сношенія съ Лондономъ, какъ едва не поплатился за нихъ тюремнымъ заключеніемъ.

— Вотъ почему, сказалъ онъ, окончивъ свою печальную повѣсть, — вотъ почему въ этомъ письмѣ я и отказываюсь продолжать корреспонденцію съ г. Кельсіевымъ; потому же и на ваши вопросы отвѣчалъ такимъ упорнымъ запирательствомъ. Вообще, прибавилъ онъ,—здѣсь очень бдительно слѣдятъ за всѣми нашими заграничными сношеніями и особенно подозрительно смотрятъ на пріѣзжихъ иностранцевъ. бѣда!—Сейчасъ засадятъ въ тюрьму.

Это имѣло свое дѣйствіе: г. Б—нъ, какъ назвалъ себя агентъ Герцена, сейчасъ же отправился въ Черновцы. Однакожъ Филарету очень хотѣлось знать, чего же, наконецъ, такъ усердно желаютъ добиться отъ него всѣ эти господа? Онъ сказалъ Б—ну, что также отправляется въ Черновцы съ отцомъ Сергіемъ и что тамъ удобнѣе было бы повидаться. Б—нъ весьма обрадовался этому и назначилъ Филарету свиданіе въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, на слѣдующій день, въ 9 часовъ утра.

Въ Черновцахъ есть два книжные магазина, которые содержатся Поляками. Герценъ съ компаніей, такъ ратовавшій въ то время за польское дѣло, конечно, находился съ ними въ сношеніяхъ, и въ обоихъ магазинахъ всегда имѣлся значительный запасъ его изданій. Въ одномъ изъ этихъ магазиновъ въ назначенное время Филаретъ нашелъ Б—на. Здѣсь онъ чувствовалъ себя гораздо развязнѣе и говорилъ очень много,— убѣждалъ Филарета не прерывать сношеній съ Лондономъ, а только вести ихъ поосторожнѣе, что̀ можно будетъ какъ-нибудь устроить, просилъ особенно высылать туда свѣдѣнія объ отношеніяхъ раскола къ правительству, вообще совѣтовалъ дѣйствовать заодно, дружнѣе, помогать другъ другу. Но въ чемъ именно и какая главная цѣль имѣется въ виду?—объ этомъ говорилъ онъ довольно уклончиво, твердилъ только, что необходимо добиться въ Россіи полной свободы и старообрядцамъ, и всѣмъ вообще. Подробнѣе же объ этомъ предметѣ онъ обѣщалъ объясниться съ Филаретомъ на слѣдующій день, въ томъ же книжномъ магазинѣ. Но на слѣдующій день Филаретъ нашелъ въ магазинѣ только оставленный на его имя пакетъ отъ Б—на, а самъ Б—нъ больше не являлся. Въ письмѣ онъ, дѣйствительно, объяснился от-

кровеннѣе насчетъ цѣли, къ которой стремится лондонское братство, ища себѣ содѣйствія въ старообрядствѣ; здѣсь онъ прямо говорилъ, что для свободы человѣчества необходимо уничтоженіе существующей гражданской и церковной власти. Для содѣйствія достиженію этой великой цѣли, онъ просилъ Филарета позаботиться о распространеніи *Колокола* и другихъ лондонскихъ изданій, которыя во всякое время можетъ получить изъ обоихъ черновицкихъ книжныхъ магазиновъ, особенно же принять на себя трудъ въ сборѣ пожертвованій на „святое дѣло“ по прилагаемымъ при письмѣ бланкамъ. Въ пакетѣ, дѣйствительно, находилось 50 экземпляровъ какихъ-то литографированныхъ билетовъ сѣраго цвѣта: на одной сторонѣ ихъ были напечатаны наставленія относительно пересылки пожертвованій, на другой — означены мѣста для записки нумера, времени и количества пожертвованій; тутъ же и печать съ изображеніемъ двухъ соединенныхъ рукъ и съ надписью: *земля и воля*. Такимъ образомъ эти бланки были не что иное, какъ билеты пресловутаго общества „земли и воли“, на службу которому революціонное братство г. Герцена вздумало завербовать и старообрядскаго архидіакона Филарета! Тогда только уразумѣлъ онъ вполнѣ, кто эти люди, такъ краснорѣчиво толкующіе о религіозной и всяческой свободѣ.

Спустя немного времени послѣ свиданія съ Б—нымъ, въ началѣ ноября 1863 г., Филаретъ вмѣстѣ съ Іоасафомъ отправились въ Россію по старообрядскимъ дѣламъ, въ званіи уполномоченныхъ посланниковъ митрополита Кирилла. Ихъ пребываніе въ Россіи на этотъ разъ памятно было, между прочимъ, составленіемъ *Мирной грамоты* и *Архипастырскаго посланія*, съ которыми они должны были возвратиться къ Кириллу, чтобъ убѣдить его подписать эти документы. Надъ составленіемъ той и другой грамоты, какъ извѣстно читателямъ, слѣдившимъ за ходомъ современныхъ событій въ старообрядствѣ, трудился авторъ *Окружнаго Посланія* Иларіонъ Георгіевичъ; архидіаконъ Филаретъ также отчасти помогалъ ему. * И такъ какъ содержаніе обѣихъ грамотъ въ сущности было не что иное какъ повтореніе самого *Окружнаго Посланія*, то въ нихъ приходилось говорить и

* См. „Соврем. движ. въ расколѣ“, ст. VII (*Русск. Вѣстн.* 1865 г. № 1) и ст. VIII, отдѣльно изданную въ томъ же году, стр. 26—27.

о моленіи за царя. Теперь, во время польскаго возстанія, одушевившаго патріотизмомъ и самихъ старообрядцевъ, послѣ того какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что заодно съ мятежными Поляками дѣйствуютъ противъ царской власти и Лондонцы съ ихъ клевретами, о которыхъ Филаретъ имѣлъ уже достаточное понятіе, и довольно передалъ Пафнутій изъ своихъ наблюденій, — теперь желательно и можно было сказать болѣе сильное слово и о покореніи царю, и о противникахъ царской власти на землѣ. Тогда-то изъ-подъ пера краснорѣчиваго автора *Окружнаго Посланія* вылились тѣ въ высшей степени замѣчательныя слова о значеніи преступныхъ посягательствъ на богоучрежденную власть, въ которыхъ можно видѣть выраженіе общаго мнѣнія объ этомъ предметѣ всѣхъ разумныхъ и благонамѣренныхъ старообрядцевъ. Мы еще разъ приведемъ здѣсь эти слова.

„Къ симъ же завѣщеваю вамъ, возлюбленніи, всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе, и отъ всѣхъ врагъ его и измѣнниковъ удаляйтеся и бѣгайте, яко же отъ мятежныхъ крамольниковъ Поляковъ, тако *наипаче* отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ и оттуду своими писаніи возмущающихъ европейскія державы и разсѣвающихъ плевельное ученіе треокаяннаго онаго врага Христова, тмократному проклятію подлежащаго, сосуда сатанина, всенечестивѣйшаго Волтера, возмутившаго всю вселенную своимъ діявольскимъ ученіемъ, иже въ животѣ своемъ все тщаніе имѣяше, воеже како бы до конца истребити вѣру во Христа Бога! отврещи законы церковные и гражданскіе! низложити архіерейскія каѳедры, опустошити священныя алтари и превратити царскіе престолы!!! ввести же безначаліе, еже всѣхъ золъ послѣднѣйшее, и научити человѣки, яко нѣсть Бога, ниже промысла его, но яко міръ сей самобытенъ есть и вся, яже въ немъ, по случаю бываютъ! Его же смертоносному ученію послѣдующіи учатъ тому же безбожію и именуются и суть вольнодумы; а въ семъ имени исполняется и число, еже во Апокалипсіи Тайнозрителю откровенное, еже есть число 666, якоже здѣ ясно зрится:

В	о	ль	н	о	д	у	мъ	число звѣрино
в҃	о҃	л҃	н҃	о҃	д҃	у҃	м҃	хѯг
2+	70+	30+	50+	70+	4+	400+	40	= 666. *

* Книга о Антихристѣ ублажаемаго инока Павла Бѣлокриницкаго, часть I, гл. III.

„Имже всѣмъ: изобрѣтателю таковаго ученія, разсѣявающимъ сное и пріемлющимъ е, да возгласится отъ всѣхъ православныхъ христіанъ: анаѳема! анаѳема!! анаѳема!!!

„Бѣгайте убо онѣхъ треклятыхъ, имже образомъ бѣжитъ человѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ и зміевъ пресмыкающихся: то бо суть предотечи Антихристовы, тщащіеся безначаліемъ предуготовити путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаяніемъ сихъ псовъ адскихъ, представляющихся акибы сострадущими о человѣчествѣ; но вѣруйте, яко Богъ есть творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть начальство во общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнутъ, сильнѣйшимъ немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе всюду зло есть и слянію виновно. Того ради, чада, Бога бойтеся и дарованнаго имъ Царя вашего (освободителя порабощенныхъ) чтите, равную преданность и благоразуміе и къ будущимъ преемникамъ престола и скипетра его стяжите и имѣйте присно, и всѣхъ во власти сущихъ почитайте, да въ мирѣ и въ тишинѣ ихъ богоугодно поживете во всякомъ благочестіи и честности.“ *

Чтобы склонить Кирилла къ подписанію *Архипастырскаго Посланія* и *Мирной Грамоты*, вмѣстѣ съ Іоасафомъ и Фи-

---

* *Архипастырское Посланіе*, напечатанное въ Ясахъ, въ типографіи Бермана. 1864 г. Подобнымъ образомъ, только гораздо короче, говорится и въ *Мирной Грамотѣ*, обращенной собственно къ „всероссійскому освященному собору“. „....Поучайте же и пасомыхъ вами, по преданію и ученію апостольскому, Бога боятися и царей почитати, и поставленныхъ отъ него властей коегождо по чину, и всякое благопокореніе и благоразуміе предъ ними показовати и отъ всѣхъ враговъ и мятежниковъ удалятися, яко же отъ крамольныхъ и мятежныхъ Поляковъ, тако и отъ лондонскихъ злохитрыхъ безбожниковъ, готовящихъ безначаліемъ путь сыну погибельному, ихъ же судъ не закоснитъ и погибель не воздремлетъ, отъ нея же да избавитъ насъ Господь Богъ!“ Раздорническая партія, какъ извѣстно, не принимаетъ ни *Окружнаго* и *Архипастырскаго Посланій*, ни *Мирной Грамоты*, и этимъ наводитъ на себя подозрѣніе, что не сочувствуетъ и выраженнымъ въ сихъ документахъ понятіямъ о предержащей власти. Вотъ почему сказали мы, что понятія сіи составляютъ общую принадлежность *разумныхъ* и *благонамѣренныхъ старообрядцевъ*, къ числу которыхъ раздорники ни въ какомъ случаѣ отнесены быть не могутъ.

ларетомъ, какъ извѣстно, отправился въ Бѣлую-Криницу, по порученію московскаго духовнаго совѣта, казанскій епископъ Пафнутій. Дѣло въ Бѣлой-Криницѣ имъ удалось устроить: 27-го февраля 1864 года Кириллъ подписалъ и *Грамоту*, и *Посланіе*. * Іоасафъ остался въ Яссахъ наблюдать за печатаніемъ этихъ документовъ; а Пафнутій и Филаретъ съ подлинными, за подписью всѣхъ заграничныхъ старообрядческихъ властей, отправились обратно въ Россію. И вотъ, когда съ этими грамотами, гдѣ произнесенъ такой строгій, но справедливый приговоръ надъ „гнѣздящимися въ Лондонѣ“, пріѣхали они въ городъ Тульчу—къ нимъ является совершенно неожиданно для интимной бесѣды Кельсіевъ, тогда переселившійся уже въ турецкія владѣнія, въ сосѣдство къ Некрасовцамъ и ихъ духовному вождю, владыкѣ Аркадію. Но прежде нежели излагать его бесѣду съ Пафнутіемъ и Филаретомъ, слѣдуетъ сказать о сношеніяхъ лондонскихъ агитаторовъ съ турецкими раскольниками.

XIII.

Мы видѣли, что Добруджа и другія населенныя раскольниками мѣста турецкихъ владѣній издавна привлекали къ себѣ вниманіе злоумышленниковъ Россіи, желавшихъ воспользоваться во вредъ ей старинною вражлой раскольничьихъ населеній Турціи къ русскому правительству, и что съ этою цѣлію производились между Некрасовцами разнаго рода эксперименты Поляками и иными „Европейцами“. Было бы странно, еслибъ этого края не почтили своимъ вниманіемъ и русскіе выходцы, обитавшіе въ Лондонѣ. Правда, сами Некрасовцы,—грубый, необразованный народъ,—мало способны подчиняться вліяніямъ цивилизованной Европы; но у нихъ есть вожди и руководители, очень неравнодушные къ голосу Европы; есть также и въ Молдавіи, въ Яссахъ, нѣсколько старообрядцевъ съ претензіями на цивилизацію. И если Гончаровъ, другъ и собесѣдникъ Аркадія, велъ дружбу съ тульчинскими и царьградскими „Европейцами“, читалъ имъ свои сатирическіе „стихи“ на русское правительство и

* См. *Соврем. движ. въ расколѣ*. ст. VIII, стр. 28–29.

иныя литературныя произведенія, то могъ ли онъ отказаться отъ дружескихъ сношеній съ Лондонцами, напечатавшими такъ много хорошаго о старообрядцахъ? И сношенія дѣйствительно устроились. Гончаровъ, которому хорошо знакомы пути въ Европу, самолично ѣзжалъ въ Лондонъ, живалъ тамъ подолгу, часто посѣщая г. Герцена, который принималъ его съ надлежащимъ почетомъ. * И былъ онъ, безъ сомнѣнія, интереснымъ гостемъ для г. Герцена: ибо громадная ная память Осипа Семенова хранитъ неистощимый запасъ всевозможныхъ разказовъ о старообрядскихъ дѣлахъ. Съ своей стороны, Лондонцы не забывали снабжать своими изданіями некрасовскихъ коноводовъ, а равно и ясскихъ раскольниковъ, между которыми особенною къ нимъ преданностью отличался всегда Василій Ѳоминъ. Къ нему Кельсіевъ посылалъ свои изданія не иначе какъ съ надписью: „на память“, или „въ знакъ любви другу моему Василью Васильичу“. **

Наконецъ турецкіе, и именно ясскіе, старообрядцы и сами вздумали принять участіе въ лондонскихъ изданіяхъ. Это было осенью 1862 года. Въ Мануиловскомъ скиту проживалъ тогда священноинокъ Іоасафъ, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи богатое собраніе собственноручныхъ рукописей покойнаго Павла Бѣлокриницкаго. *** Объ этихъ сочиненіяхъ приснопамятнаго старообрядскаго учителя нерѣдко бесѣдовалъ онъ съ ясскими старообрядцами, какъ хорошо было бы издать ихъ на пользу и назиданіе всему „христіанству“. Ясскіе придумали напечатать ихъ при помощи лондонскихъ типографщиковъ, и поручили самому Іоасафу,

---

* См. выше, въ прим., письмо Аркадія Васлуйскаго о поѣздкѣ Гончарова въ Лондонъ. Въ этотъ разъ Гончаровъ жилъ въ Лондонѣ цѣлы шесть недѣль.

** Съ такою надписью ходитъ по рукамъ у молдавскихъ скопцовъ третій выпускъ *Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*, въ которомъ напечатано изслѣдованіе Надеждина о скопческой ереси.

*** Всѣ сочиненія Павла находились прежде въ бѣлокриницкой митрополіи; но предъ нашествіемъ Штокера, когда Онуфрій припрятывалъ по разнымъ мѣстамъ все, что находилось въ монастырѣ, и Павловы рукописи были разосланы имъ въ Тиссу, Мануиловку, за Дунай и разнымъ лицамъ. Въ 1860 г. Іоасафъ, по порученію Онуфрія, собралъ ихъ и совокупилъ воедино.

какъ человѣку хорошо владѣющему перомъ, написать объ этомъ г. Кельсіеву. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Іоасафъ, дѣйствительно, отправилъ къ нему письмо, въ которомъ изложено было слѣдующее: „въ архивѣ Мануиловскаго монастыря хранится много рукописей и писемъ сочиненія извѣстнаго инока Павла Бѣлокриницкаго, изъ которыхъ бо́льшая часть направлена противъ великороссійской церкви и духовенства; а посему, такъ какъ эти документы по своему значенію весьма важны и полезны для старообрядцевъ, то они желали бы сдѣлать ихъ общеизвѣстными въ старообрядческомъ мірѣ посредствомъ вашей дѣятельности". Письмо это не нашло Кельсіева въ Лондонѣ, вмѣсто его отвѣчалъ Іоасафу Огаревъ. Онъ изъявлялъ совершенное сочувствіе предполагаемому предпріятію и полную готовность всего лондонскаго общества содѣйствовать его осуществленію, такъ какъ этимъ лондонское братство надѣется оказать услугу русскимъ старообрядцамъ, которые *„лично и письменно* просили Герцена издавать сочиненія противъ русской церкви и правительства, въ защиту гонимаго старообрядчества". Онъ прибавлялъ, что „Павлова дѣятельность противъ русской церкви ему очень хорошо извѣстна, а г. Милорадова одинъ изъ его сотрудниковъ, г-нъ Бакунинъ, и лично знаетъ, ибо они въ 1848 году въ Прагѣ вмѣстѣ подвизались *противъ общихъ враговъ человѣчества*".

Не дожидаясь отвѣта на это письмо, Огаревъ въ маѣ 1863 года снова извѣщалъ Іоасафа, что въ Лондонѣ, при Герценовской типографіи, скоро приготовленъ будетъ славянскій, церковный шрифтъ, и чтобъ онъ поспѣшилъ высылкой обѣщанныхъ Павловыхъ сочиненій. Тогда же прислалъ онъ письма Василью Ѳомину и Степану Богомолову: ихъ просилъ, чтобы доставляли въ Лондонъ для печатанія въ *Колоколѣ* или *Общемъ Вѣчѣ* свѣдѣнія о русскихъ старообрядцахъ, о притѣсненіяхъ, какія они терпятъ отъ русскаго правительства. Къ письмамъ приложено было три экземпляра *Общаго Вѣча*, въ подарокъ всѣмъ троимъ. Такимъ образомъ Лондонцы, потерпѣвъ неудачу относительно пріобрѣтенія старообрядскихъ рукописей въ Москвѣ, устремили надежды свои на яскихъ раскольниковъ. И эти послѣдніе готовы были исполнить ихъ желаніе; но ничтожный, повидимому, случай заставилъ ихъ перемѣнить намѣреніе. Вскорѣ послѣ полученія посылки отъ Огарева, нужно было Ѳомину отправиться

въ Россію по коммерческимъ дѣламъ (на Троицкую ярмарку въ Харьковѣ). По сему случаю онъ явился, какъ и всегда, въ русское консульство за прописаніемъ паспорта въ Россію; но консулъ объявилъ, что имѣетъ предписаніе не выдавать ему паспортовъ на въѣздъ въ Россію, такъ какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ состоитъ въ сношеніяхъ съ русскими выходцами въ Лондонѣ. Какъ ни высоко цѣнитъ Василій Ѳоминъ интересы раскола и какъ ни многимъ готовъ для него жертвовать, но торговые интересы для него дороже всего на свѣтѣ; а интересы эти связаны очень тѣсно съ его нерѣдкими поѣздками въ Россію на украинскія ярмарки. Понятно, какъ ему должна была не понравиться новость, сообщенная русскимъ консуломъ въ Яссахъ. И всему виной эти Лондонцы! Съ досады онъ изорвалъ ихъ письма и далъ знать Іоасафу, чтобы никакихъ посылокъ въ Лондонъ не посылалъ.* Такимъ образомъ сочиненія инока Павла и не попали въ „вольную русскую типографію“, и лондонскимъ печатникамъ пришлось еще однажды разочароваться въ своихъ надеждахъ на полученіе рукописей отъ старообрядцевъ.

---

* Это была впрочемъ только временная вспышка со стороны Ѳомина; въ послѣдствіи, когда обстоятельства поисправились, онъ возобновилъ свои сношенія съ старыми пріятелями и даже служилъ имъ въ распространеніи ихъ изданій. Не дальше какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1865 года, онъ отправилъ изъ Яссъ, черезъ австрійскую почту, довольно объемистый пакетъ въ Кіевъ, старообрядцу К. И. Рощину. Въ пакетѣ находились *Колоколъ* въ четырехъ экземплярахъ, *Вѣче* въ двухъ, каталогъ русскихъ книгъ, изданныхъ въ Лондонѣ, и письмо такого содержанія: „Любезный другъ! требуемые вами два № лондонскаго *Колокола* и *Общее вѣче* посылаю, а остальные №, означенные крестиками, прошу передать нашимъ пріятелямъ N N и N N. Также прошу а приложенный при семъ каталогъ на изданныя и находящіяся у меня въ депо книги показать всѣмъ извѣстнымъ вамъ охотникамъ.“ Эта корреспонденція также не обошлась Ѳомину даромъ. Объ отправленной имъ посылкѣ, даже съ приложеніемъ копіи съ его письма, конфиденціальнымъ образомъ дано было знать русскому консулу въ Яссахъ, а также кіевскому генералъ-губернатору, съ тѣмъ, чтобы задержать посылку на почтѣ. Рощинъ однакоже получилъ ее исправно; но когда Ѳомину пришла надобность вмѣстѣ съ однимъ изъ сыновей Лонгина Богомолова ѣхать въ Русскіе Скуляны, то консулъ опять не далъ ему паспорта въ Россію даже на 24 часа. Онъ не объяснилъ причины такой строгости; но Ѳоминъ хорошо понялъ ее и безъ объясненія.

Между тѣмъ, частію неудачи, какія приходилось теперь нерѣдко испытывать лондонской компаніи, частію нѣкоторые виды на большее удобство пропаганды побудили Кельсіева перемѣнить мѣсто своего жительства. Изъ Лондона онъ переселился въ турецкія владѣнія со всѣмъ семействомъ — съ женой, маленькою дочерью и младшимъ братомъ Иваномъ, который незадолго передъ тѣмъ успѣлъ бѣжать изъ Россіи, гдѣ приговоренъ былъ по суду къ тюремному заключенію за возбужденіе студентовъ къ уличнымъ безпорядкамъ. Въ Константинополѣ Кельсіевъ имѣлъ свиданіе съ Гончаровымъ, который, какъ старый другъ Лондона, очень радъ былъ его встрѣтить и радушно предложилъ ему пожить въ его родной Добруджѣ. Кельсіевъ дѣйствительно переселился въ Тульчу, откуда нерѣдко ѣзжалъ въ славскій скитъ, резиденцію епископа Аркадія; * а Иванъ Кельсіевъ, какъ человѣкъ холостой, и жилъ довольно долго въ епископіи. Тогда-то Аркадій близко познакомился съ обоими братьями и, какъ великій охотникъ бесѣдовать, находилъ немалое удовольствіе въ разговорахъ съ старшимъ Кельсіевымъ, человѣкомъ, безспорно, очень умнымъ, не мало знающимъ, сохранившемъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые изъ знавшихъ его въ эту эпоху его дѣятельности, много добраго и искренняго среди самыхъ заблужденій своихъ. Аркадій давно уже зналъ его по слухамъ, вмѣстѣ съ Гончаровымъ онъ оказывалъ даже услуги Кельсіеву и вообще Лондонцамъ распространеніемъ ихъ изданій. ** Теперь открылась

---

* Въ Тульчѣ Кельсіевъ нашелъ себѣ должность переводчика при кунакѣ (присутственное мѣсто).

** Не излишне замѣтить, что своими сношеніями съ Лондонцами, Аркадій очень уронилъ себя во мнѣніи Некрасовцевъ. Некрасовцы и прежде звали его масономъ; а съ этого времени еще рѣшительнѣе стали усвоять ему это, по ихъ мнѣнію, въ высшей степени позорное названіе. Недавно получили мы копію одного очень интереснаго письма, въ которомъ весьма подробно описанъ характеръ Аркадія человѣкомъ, близко его знающимъ. Письмо принадлежитъ именно некрасовскому попу Науму Ѳедорову и писано имъ къ славскому иноку Евфросину, одному изъ близкихъ къ Аркадію людей, что и можетъ служить ручательствомъ за справедливость всего изложеннаго въ письмѣ. Приведемъ нѣкоторыя изъ него мѣста. „....Вижу въ васъ нащетъ епископа Аркадія большой переворотъ. Многажды вы мнѣ сказывали, что въ мона-

возможность ближе познакомиться съ планами Кельсіева, и несмотря на казавшуюся перемѣну своихъ личныхъ отношеній къ Россіи, Аркадій не прочь былъ и теперь сочувствовать и помогать осуществленію этихъ плановъ.

Важнѣйшимъ предметомъ ихъ бесѣдъ и совѣщаній служило одно изъ предпріятій, которое, послѣ неудачныхъ лондонскихъ попытокъ, Кельсіевъ желалъ осуществить на землѣ, обитаемой Некрасовцами,—именно, заведеніе типографіи для печатанія главнымъ образомъ старообрядскихъ церковныхъ книгъ. Кельсіевъ былъ совершенно увѣренъ, что отъ турецкаго правительства получитъ дозволеніе открыть типографію; Аркадій, съ своей стороны, сочувствовалъ этому предпріятію, которое почиталъ въ высшей степени важнымъ

стырѣ онъ много крутилъ и съ вами часто за писанія сражался; а здѣсь напредъ сказывали вы: *попорченъ онъ отъ Гончара, ибо Гончаръ знается съ масонами* (общее названіе для Поляковъ, Лондонцевъ и имъ подобныхъ людей). А я скажу, въ монастырѣ кто его попортилъ. Должно-быть его масонство, сиричь его безбожіе; *не онъ ли и Гончара попортилъ*, яко же и архіепископа Аркадія (то-есть Васлуйскаго), какъ вы мнѣ сами сказывали. Вы наставляете архіепископа писаніемъ, а какъ пойдетъ къ Аркадію Бородатому (прозванье, усвоенное Аркадію славскому, который, дѣйствительно, имѣетъ замѣчательно длинную бороду), этой все опровергнетъ. И много всего было, ибо вы сами лучше мене его знаете и его характеръ. Онъ при мнѣ Златоуста укорялъ; въ Татарицѣ у Ѳедора въ домѣ при собраніи народа многихъ святыхъ укорялъ, а начальниковъ русскихъ дураками называлъ, а самъ въ гордынѣ своей величался: народъ, отошли, начали его велехвальный разумъ поносить.... А еще пишетъ къ людемъ пусть скажутъ, *какой я масонъ!*... Маркелъ всѣмъ сказывалъ: я чрезъ владыку оторвался отъ церкви, зазрѣлъ его союзу съ инославными, *ибо и масоны пытаютъ* (спрашиваютъ, отыскиваютъ) *епископа некрасовскаго* (здѣсь именно разумѣются братья Кельсіевы),—еще оторвался второй Василій Черчелашъ, оба съ семействами, *за сіе же и прочіе въ міру мнози блазнятся и отъ инокъ и инокинь мнози*.... Вы за его гордыню не уподобляли ли его папѣ? все той же онъ, а кажется наипаче худши.“ Вотъ какъ изображаютъ Аркадія близкіе къ нему, хорошо его знающіе люди. Подобно своему другу и Гончаровъ въ послѣднее время совершенно упалъ во мнѣніи Некрасовцевъ, впрочемъ не вслѣдствіе своего мнимаго масонства, а вслѣдствіе приключившагося старику нѣкоего искушенія, къ его несчастію, огласившагося между Некрасовцами и причинившаго немалый соблазнъ.

для старообрядства, такъ какъ богослужебныя книги единовѣрческой печати, которыми пробавлялись старообрядцы, во многихъ возбуждали сомнѣніе своимъ происхожденіемъ. Дѣло становилось только за средствами и за тѣмъ, какъ и откуда пріобрѣсти славянскій шрифтъ. Самъ Аркадій, хотя, по общему свидѣтельству, и обладаетъ очень порядочнымъ капиталомъ, но извѣстенъ своею крайнею бережливостію, особенно въ употребленіи сего капитала на общественныя дѣла, почему не былъ расположенъ употреблять собственныя средства и на заведеніе типографіи * Относительно пріобрѣтенія славянскаго шрифта представлялись также нѣкоторыя затрудненія, хотя Кельсіевъ и входилъ уже по этому дѣлу въ сношенія съ разными лицами. ** Между тѣмъ, пока шли между Аркадіемъ и Кельсіевымъ толки о томъ, какъ бы устроить типографію, нашелся человѣкъ, который очень удобно разрѣшилъ такой вопросъ. Новая таинственная личность, о которой говоримъ мы, явилась къ Аркадію, побывавъ сначала въ Бѣлокриницкой митрополіи и въ Яссахъ.

Въ сентябрѣ 1863 года въ Бѣлую-Криницу пріѣхалъ какой-то господинъ, называвшій себя Палладіемъ Ивановичемъ

---

* О стяжаніяхъ Аркадія знаютъ, между прочимъ, сборщики, пріѣзжавшіе въ Москву и пересылавшіе свои сборы славскому епископу. Такъ на построеніе церкви въ Тульчѣ ему переслано было не менѣе 4.000 руб.; но строеніе церкви не было даже и начато, пока не принялъ въ немъ участіе тульчинскій епископъ Іустинъ. Въ письмѣ попа Наума есть замѣчаніе: „Епископъ Іустинъ *при соборѣ* требовалъ съ него (Аркадія) 4.000 руб. сер. отъ тульчинской церкви похитинныхъ.“ Это вѣрно. Аркадій смутился и не далъ Іустину никакого отвѣта.

** Онъ обращался между прочимъ къ завѣдывавшему типографіей инока Павла (въ Пруссіи) Константину Ефимову Голубову, съ просьбою, нельзя ли позаимствоваться отъ его типографіи славянскимъ шрифтомъ, но получилъ отказъ. Замѣтимъ кстати, что Кельсіевъ сильно хлопоталъ какъ бы завлечь къ участію въ своихъ предпріятіяхъ этого Константина, человѣка молодаго, умнаго и весьма талантливаго; онъ снабжалъ его лондонскими изданіями; но юноша, глубоко преданный своему учителю, не поддался искушенію и даже поставилъ Кельсіева въ затрудненіе, сдѣлавъ ему письменные запросы догматическаго и каноническаго содержанія: отъ отвѣта на нихъ Кельсіевъ уклонился. Это мы слышали отъ достопочтеннаго отца Павла и самого Константина Ефимова.

Лещинскимъ.* Онъ пожелалъ представиться митрополиту Кириллу, говоря, что имѣетъ къ нему дѣло. Кириллъ, въ присутствіи своихъ приближенныхъ, принялъ гостя, который сказался старообрядцемъ и по обычаю подошелъ принять благословеніе. Извѣстно, что эта церемонія, хотя и краткая, но довольно хитрая для людей, не посвященныхъ въ правила старообрядства, требуетъ не малаго навыка, чтобъ исполнить ее съ безукоризненнымъ совершенствомъ. Опытный глазъ бѣлокриницкихъ старцевъ сейчасъ примѣтилъ, что гость только притворяется старообрядцемъ и потому они подвергли его небольшому испытанію.

— Что, вы отъ природы старообрядецъ или перешли отъ великороссійской церкви?—спросили его.

Онъ отвѣчалъ, что перешелъ отъ церкви.

— Гдѣ же и кто присоединилъ васъ въ старообрядство?

Гость и на это отвѣчалъ очень смѣло:

— Въ Бессарабіи, въ Куреневскомъ монастырѣ, священникъ Кузьма.

— Посредствомъ какого же чина онъ васъ присоединялъ?

Этотъ вопросъ былъ уже гораздо потруднѣе. Лещинскій отвѣчалъ:

— Да такъ, какъ надобно,—такъ и исправлялъ; онъ ужь знаетъ.

— Можетъ-быть, вы проклинали какія-нибудь ереси, или что-нибудь надъ вами читали, или, наконецъ, не помазывали ли васъ муромъ?

— Да, дѣйствительно, кое-что я самъ читалъ, а то отецъ Кузьма,—вообще какъ слѣдуетъ по священнымъ правиламъ....

Ясно было, что г-нъ Лещинскій никакого присоединенія въ старообрядство даже и не видалъ; впрочемъ, онъ и самъ потомъ сознался, что вовсе не старообрядецъ, а пріѣхалъ въ Бѣлую-Криницу собственно за тѣмъ, чтобы предложить митрополиту, не позволитъ ли ему завести въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ типографію, такъ какъ онъ имѣетъ у себя большое количество славянскаго шрифта и знаетъ типографское дѣло. Чтобы показать образцикъ своей работы, онъ представилъ нѣсколько экземпляровъ привезенной

---

* Онъ имѣлъ русскій паспортъ, выданный въ Одессѣ П. И. Лещинскому, сыну дьячка одесской Воскресенской церкви. Но были слухи, что онъ сынъ купца изъ города Глухова.

имъ, очень искусно напечатанной книги, подъ названіемъ: *Григоріево видѣніе*, то-есть, извѣстное сказаніе о мытарствахъ. * Лещинскій доказывалъ Кириллу, что старообрядцы пріобрѣтутъ огромныя выгоды отъ учрежденія въ митрополіи своей собственной типографіи для печатанія церковно-богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ они такъ нуждаются; притомъ же, говорилъ онъ, можно будетъ печатать не однѣ богослужебныя книги, а и всякія старообрядскія сочиненія; вообще, для противодѣйствія русской церкви и русскому правительству типографія была бы благодѣтельнѣйшимъ учрежденіемъ. Все это въ Бѣлой-Криницѣ знали очень хорошо и безъ г-на Лещинскаго; его предложеніе было пріятно какъ нельзя больше. Но для него прежде всего требовались средства; а средствами въ ту пору митрополія была очень скудна и безъ Москвы въ этомъ случаѣ никакъ не могла обойдтись. Кстати, въ это самое время въ Бѣлой-Криницѣ находились два депутата отъ московскихъ старообрядцевъ (раздорнической партіи): извѣстный Ѳеимъ Ѳедоровъ Крючковъ и товарищъ его Василій Шамаркинъ. Спросили ихъ, помогутъ ли московскіе учрежденію типографіи въ Бѣлой-Криницѣ. Крючковъ увѣрялъ, что въ Москвѣ этому дѣлу будутъ очень рады, что у попечителей Рогожскаго кладбища давно есть помышленіе завести типографію, въ которой святыя книги на пользу христіанства печатались бы по благословенію своихъ, православныхъ святителей, а не съ разрѣшенія никоніянскихъ; онъ ручался, что за деньгами дѣло не станетъ и совѣтовалъ Кириллу безотложно приступить къ заведенію типографіи. Но тутъ случилась бѣда съ самимъ Крючковымъ: по доносу Алимпія, который не сочувствовалъ партіи раздорниковъ, онъ взятъ былъ полиціей и содержался въ Серетѣ въ криминалѣ цѣлыя двѣ недѣли. Этотъ случай напугалъ и Лещинскаго, который, кромѣ сомнительнаго одесскаго паспорта, никакихъ документовъ при себѣ не имѣлъ: онъ поспѣшилъ убраться изъ Бѣлой-Криницы и направилъ стопы свои въ городъ Яссы. Между тѣмъ Крючковъ, освободившись отъ ареста, предъ отъѣздомъ въ Москву снова

* Мы видали эту книгу,—она дѣйствительно напечатана весьма чисто, превосходнымъ славянскимъ шрифтомъ. Типографія, конечно, не означена; но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что она существовала въ Петербургѣ.

обнадежилъ бѣлокриницкихъ старцевъ насчетъ доставленія денежныхъ средствъ для типографіи, такъ что Кириллъ рѣшился даже подать въ черновицкій президіумъ прошеніе „о дозволеніи учредить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ типографію для печатанія церковно-славянскихъ книгъ на собственномъ монастырскомъ иждивеніи.“ Отсюда отвѣчали, что за разрѣшеніемъ открыть типографію митрополія должна обратиться непосредственно въ министерство. На этомъ дѣло объ учрежденіи старообрядской типографіи въ Бѣлой-Криницѣ и остановилось, такъ какъ Лещинскій изъ Яссъ увѣдомилъ, что ясскіе старообрядцы находятъ неудобнымъ заводить типографію въ митрополіи и что имѣется для сего́ другое, болѣе безопасное мѣсто.

Въ Яссахъ Лещинскій дѣйствительно явился съ своимъ предложеніемъ къ главнымъ представителямъ старообрядскаго общества. Здѣсь еще больше цѣнили важность учрежденія собственной старообрядской типографіи; но полагали, что въ Бѣлой-Криницѣ для нея совсѣмъ не мѣсто. „Австрійское правительство, говорили ясскіе раскольники, съ русской державой находится (будто бы) въ дружескихъ отношеніяхъ; и такъ какъ въ типографіи, безъ сомнѣнія, будутъ печататься сочиненія и противъ Россіи, то при первомъ появленіи такого рода печатныхъ сочиненій, австрійское правительство въ угоду русскому поступитъ съ типографіей подобнымъ же образомъ, какъ поступило съ митрополитомъ Амвросіемъ“. Лучше и удобнѣе мѣста для заведенія типографіи они не находили, какъ Славскій скитъ епископа Аркадія. „Русское правительство, говорили, тамъ не причинитъ ей никакого вреда, а турецкое станетъ только покровительствовать, видя, что дѣло направлено не къ пользѣ Россіи. Притомъ же, и это весьма важно, епископъ Аркадій и атаманъ Гончаровъ имѣютъ не мало знакомыхъ польскихъ пашей, у которыхъ всегда они найдутъ защиту и покровительство для типографіи; наконецъ, тамъ же находятся теперь и братья Кельсіевы, которые своимъ совѣтомъ и дѣятельнымъ участіемъ могутъ оказать типографіи большую пользу, особенно на первыхъ порахъ.“ Такъ разсуждали ясскіе и посовѣтовали Лещинскому ѣхать съ своимъ предложеніемъ именно къ Аркадію въ Славскій скитъ, что̀ онъ и исполнилъ.

Когда Лещинскій явился къ славскому Аркадію, этотъ послѣдній, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ Кельсіевымъ занятъ

былъ планами объ учрежденіи именно типографіи въ своемъ монастырѣ, причемъ затруднялся собственно тѣмъ, какъ и откуда пріобрѣсти потребный для типографіи церковно-славянскій шрифтъ. Понятно какимъ драгоцѣннымъ гостемъ былъ для него человѣкъ, обладавшій готовымъ, притомъ большимъ запасомъ этого церковно-славянскаго шрифта, и предлагавшій его къ услугамъ будущей славской типографіи. Аркадій съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Лещинскаго, какъ очень выгодное и удобное для исполненія. Такимъ образомъ вопросъ объ учрежденіи типографіи въ Славскомъ скиту былъ рѣшенъ. Но гдѣ же однако находился принадлежащій Лещинскому церковно-славянскій шрифтъ? Оказалось, что онъ хранится въ Петербургѣ и что за нимъ необходимо туда съѣздить. Ѣхать, очевидно, нужно было самому Лещинскому. Аркадій далъ ему на проѣздъ 26 червонцевъ, Гончаровъ выправилъ для него паспортъ, и Лещинскій отправился въ путь. Кромѣ того, Аркадій обѣщалъ на помощь ему послать въ Россію инока изъ своей обители, Арсенія, человѣка очень ловкаго и расторопнаго, котораго дѣйствительно и отправилъ, снабдивъ для удобнѣйшаго исполненія данныхъ ему порученій относительно типографіи своею довѣрительною грамотой. Но кромѣ довѣрительной, Аркадій снабдилъ своего инока грамотой и другаго рода. Онъ хорошо понималъ, что пускается въ предпріятіе довольно опасное, особенно въ сообществѣ съ людьми, подобными Лещинскому. Отправляя своего инока въ Россію съ такимъ щекотливымъ порученіемъ, онъ считалъ необходимымъ на всякій случай оградить и его, и себя самого, отъ всякой отвѣтственности по дѣлу Лещинскаго, снабдить его документомъ, изъ котораго было бы очевидно, что ничего общаго съ Лещинскимъ онъ будто бы не имѣетъ, напротивъ, прибылъ въ Россію по такому дѣлу, которому люди подобные Лещинскому могутъ сочувствовать всего меньше. Для этой цѣли всего лучше могло ему послужить именно начатое имъ дѣло о переходѣ Некрасовцевъ въ Россію, о которомъ русскому правительству было уже извѣстно. И вотъ Аркадій вручилъ Арсенію писанную на полотнѣ церковными буквами грамоту, въ которой говорилось, что онъ, Арсеній, „посылается въ Россію въ качествѣ уполномоченнаго отъ задунайскихъ казачьихъ обществъ депутата, для осмотрѣнія мѣстностей и грунтовъ земли, на которые могли бы упомя-

нутыя общества указать для своей осѣдлости въ случаѣ, если россійское правительство дозволитъ имъ переселиться въ Россію на жительство съ поступленіемъ въ россійское подданство.“ Этотъ ловко составленный документъ, который могъ не только защитить его отъ всякихъ подозрѣній въ сообществѣ съ Лещинскимъ, но и выставить въ наилучшемъ свѣтѣ предъ русскимъ правительствомъ, Арсеній долженъ былъ, согласно наставленію Аркадія, тогда только пустить въ дѣло, еслибъ его постигла какая-нибудь невзгода по главному предмету посольства—пріобрѣтенію и перевозкѣ шрифта для типографіи. *

Итакъ и Лещинскій и Арсеній отправились въ Россію. Въ декабрѣ мѣсяцѣ они съѣхались въ Москвѣ. Здѣсь Лещинскій, которому Аркадій поручилъ войдти въ сношеніе съ вліятельными московскими старообрядцами для переговоровъ относительно денежнаго обезпеченія устрояемой типографіи, желалъ представиться прежде всего самому Антонію (Шутову). Но Антоній, по личной враждѣ къ Аркадію, не соизволилъ принять его. Лещинскій успѣлъ только повидаться съ Семеномъ Семеновымъ, которому представилъ удостовѣреніе, что онъ дѣйствительно посланъ отъ Аркадія, хотя этотъ послѣдній имѣлъ осторожность не давать ему рекомендательныхъ писемъ. ** Семенъ Семеновъ принялъ Лещинскаго довольно холодно; но предпріятіе Аркадія относительно типографіи въ Москвѣ вообще одобрили и обѣщали помогать ему денежными средствами. Одинъ изъ московскихъ старообрядцевъ, горячій покровитель всего, что̀ касается до просвѣщенія, особенно въ старообрядской средѣ, назначилъ съ своей стороны на первое заведеніе славской типографіи 10.000 р. сер. Дѣло устраивалось; Лещинскій отправился въ Петербургъ для предварительныхъ распоряженій относительно перевозки типографскихъ ма-

* Это была даже не первая продѣлка въ такомъ родѣ: еще въ 1862 году, когда Арсеній ѣздилъ въ Россію за денежнымъ сборомъ, Аркадій снабжалъ его точно такимъ же документомъ, воспользоваться которымъ тогда не представилось надобности.

** Вмѣсто рекомендательнаго письма Аркадій вручилъ Лещинскому пакетъ съ одного изъ полученныхъ отъ Пафнутія писемъ, на которомъ адресъ Аркадія былъ сдѣланъ собственною рукой Пафнутія: его-то Лещинскій и показалъ Семену Семенову въ удостовѣреніе, что онъ посланъ отъ Аркадія.

теріаловъ; оттуда еще разъ пріѣзжалъ въ Москву. Но когда онъ возвратился въ Петербургъ для окончанія дѣла, оказалось, что полиція бдительно слѣдила за его особой: его арестовали; а потомъ взяли и прибывшаго въ Петербургъ Арсенія. Тогда-то вполнѣ обнаружилась мудрая предусмотрительность епископа Аркадія: благодѣтельный холщевый документъ былъ пущенъ въ дѣло и сослужилъ свою службу Арсенію. При его помощи Арсеній успѣлъ доказать, что никакихъ общихъ дѣлъ съ Лещинскимъ у него, Арсенія, не имѣется, напротивъ, прибылъ онъ въ Россію по секретному порученію своего владыки, и порученіе это касается дѣла, извѣстнаго русскому правительству. Все это было такъ правдоподобно, что Арсенія выпустили на свободу и только оставили подъ надзоромъ полиціи. * Но Лещинскій понесъ заслуженное наказаніе, и найденный у него типографскій матеріялъ былъ конфискованъ. ** Этимъ и кончилась попытка заграничныхъ старообрядцевъ съ помощію русскихъ выходцевъ устроить свою собственную типографію для печатанія церковныхъ книгъ и раскольничьихъ сочиненій, попытка, въ которой Аркадій Славскій принималъ такое живое участіе.

Между тѣмъ самого Аркадія также постигла невзгода. Кельсіевъ былъ очень раздосадованъ тѣмъ, что Аркадій прекратилъ съ нимъ дѣло о заведеніи типографіи въ Славскомъ скиту, передавъ его въ другія руки; въ то же время дошли до него вѣсти, что у Аркадія происходили сношенія съ русскимъ правительствомъ, шли переговоры о переходѣ въ Россію; Кельсіевъ пріобрѣлъ даже копію съ какого-то документа, въ родѣ адреса отъ имени Аркадія и Гончарова, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ Русскому Императору. Адресъ этотъ онъ перевелъ на французскій языкъ и напечаталъ въ константинопольской газетѣ. Это обратило на него вниманіе турецкаго правительства. Въ Константинополѣ придали дѣлу большую важность и рѣшили строго наказать виновныхъ: вмѣстѣ съ Аркадіемъ и Гонча-

---

* Въ Петербургѣ Арсеній заболѣлъ и умеръ въ одной изъ общественныхъ больницъ.

** Въ іюлѣ 1864 года Лещинскій изъ заключенія писалъ къ Аркадію и Гончарову, чтобъ они чрезъ галацкаго консула, выслали и ему свидѣтельство, подобное тому, которое помогло его товарищу. Аркадій съ Гончаровымъ дѣйствительно хлопотали за него, но, разумѣется, безуспѣшно.

ровымъ предположено было послать въ заточеніе еще двѣнадцать человѣкъ изъ некрасовскихъ старшинъ. Объ этомъ Аркадія заблаговременно извѣстили изъ Царьграда, и онъ немедленно уѣхалъ въ Измаилъ, откуда обращался съ просьбой о защитѣ къ русскому консулу; онъ просилъ даже о дозволеніи немедленно переселиться въ Россію. Но въ это время, по собственному выраженію Аркадія, „турецкое министерство приняло иной духъ“, и потому Аркадій отложилъ свое возвращеніе въ Россію. Все дѣло успѣлъ поправить сильно хлопотавшій въ Константинополѣ Гончаровъ, которому и на этотъ разъ помогли его пріятели изъ пашей польскаго происхожденія. Съ ихъ помощью Гончаровъ успѣлъ объяснить правительству, что ни онъ, ни Аркадій никакого адреса Русскому Царю никогда не подавали, что напечатанный во французской газетѣ не больше какъ злостная интрига, направленная противъ нихъ, съ цѣлію оклеветать ихъ предъ высокимъ турецкимъ правительствомъ въ отмщеніе за ихъ испытанную вѣрность всепресвѣтлѣйшему султану и что всѣ сношенія ихъ съ русскимъ правительствомъ состояли въ подачѣ нѣсколькихъ прошеній объ освобожденіи взятыхъ во время послѣдней войны двухъ некрасовскихъ архіереевъ и задержаннаго въ Россіи бѣлокриницкаго архимандрита Геронтія, въ удостовѣреніе чего представилъ и копію съ подлинныхъ прошеній, оставленныхъ русскимъ правительствомъ безъ вниманія; въ доказательство же неизмѣнной вѣрности и преданности Некрасовцевъ турецкому правительству, онъ сослался на свои личные услуги султанскому престолу, которыя исчислилъ во всей подробности, и на всѣмъ извѣстную храбрость, съ какою Некрасовцы сражались противъ Русскихъ. Принявъ все это во вниманіе и разсудивъ кромѣ того, что взятіемъ епископа у Некрасовцевъ можно возбудить опасныя волненія въ этомъ безпокойномъ народѣ, турецкое правительство рѣшило оставить дѣло объ адресѣ безъ всякихъ послѣдствій, „предать забвенію“. И такимъ образомъ епископъ Аркадій, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Россію, возвратился въ свою богоспасаемую Славскую обитель, въ которой пребываетъ и доселѣ. Исторія объ адресѣ измѣнила только его отношенія къ Кельсіеву: этотъ послѣдній больше не ѣздилъ уже въ Славскій скитъ, а жилъ преимущественно въ Тульчѣ. *

* Сейчасъ изложенныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Аркадія Славскаго

Къ этому времени относится новое безразсудное предпріятіе Кельсіева, къ которому, быть можетъ, расположили его отчасти и происшедшія у него непріятности съ Аркадіемъ и другими членами Бѣлокриницкой іерархіи. Потерявъ надежду привлечь къ тѣсному союзу съ лондонскимъ братствомъ существующихъ раскольничьихъ епископовъ, убѣдившись, что они слишкомъ „неразвиты въ политическомъ смыслѣ“, Кельсіевъ задумалъ противопоставить имъ образованнаго и вполнѣ развитаго раскольничьяго архіерея. Его взоры обращены были на покойнаго епископа Мелитопольскаго Кирилла, управлявшаго русскою духовною миссіей въ Іерусалимѣ. Преосвященный Кириллъ въ это время долженъ былъ оставить Іерусалимъ и о причи-

---

съ Кельсіевымъ и Лещинскимъ, въ главномъ своемъ содержаніи, подтверждены самимъ Аркадіемъ въ одномъ довольно интересномъ письмѣ его. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за прошедшій годъ (№ 2-й) была напечатана статья, подъ названіемъ: *Любопытный отвѣта на вопросы глаголемымъ старообрядцамъ. Отвѣтъ*, которой разбирался въ этой статьѣ, принадлежалъ Аркадію; поэтому отдѣльный оттискъ статьи и былъ ему посланъ для прочтенія. Аркадій не оставилъ безъ отвѣта и сію направленную противъ него книжку: отъ 9-го мая 1866 года прислалъ онъ на имя оо. Онуфрія и Пафнутія пространное письмо, въ которомъ между прочимъ обратилъ вниманіе и на сказанныя въ книжкѣ два-три слова объ отношеніяхъ его къ Кельсіеву. Въ книжкѣ между прочимъ было сказано: не слѣдуетъ ли объяснить (странныя мысли Аркадія) *вліяніемъ интимныхъ бесѣдъ съ нимъ друга его В. И. Кельсіева?* Этими словами Аркадій обидѣлся, и въ упомянутомъ письмѣ, отъ 9-го мая, старается доказать, что въ дружбѣ съ Кельсіевымъ никогда не состоялъ, съ каковою цѣлію довольно подробно разказываетъ о своихъ къ нему отношеніяхъ. Намъ остается только благодарить Аркадія за этотъ разказъ, такъ какъ онъ въ сущности подтверждаетъ собранныя нами свѣдѣнія объ его отношеніяхъ къ Кельсіеву и Лещинскому, хотя повѣствователь и старается нѣкоторыя обстоятельства обойдти, а другія представить въ иномъ свѣтѣ, нежели какъ было на самомъ дѣлѣ. Мы приведемъ разказъ Аркадія вполнѣ, съ буквальною точностью. „Увидалъ я на концѣ вашей тетради имя Кельсіево: безъ разъясненія пропустить не слѣдуетъ, дабы православные не блазнились, и клеветать не буду, дабы съ вашего кружка не полетѣло ему письмо, а пишу вамъ истину. Я его имя видавалъ въ зборникахъ печатанныхъ въ Лондонѣ, а иногда попадался и *Колоколъ*, гдѣ я замѣчалъ многія клеветы на русское

нахъ его возвращенія въ Россію ходили тогда разные, большею частію ложные слухи. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ Кельсіевъ и рѣшился предложить преосвященному Кириллу перейдти къ раскольникамъ, чтобы стать современемъ во главѣ ихъ; онъ рѣшился именно предложить ему злосчастную участь сдѣлаться верховнымъ пастыремъ самаго дикаго и грубаго изъ всѣхъ раскольничьихъ обществъ за границей— общества майнозскихъ казаковъ-Некрасовцевъ.... Въ октябрѣ 1863 года Кельсіевъ написалъ къ епископу Кириллу письмо, въ которомъ изложилъ свой планъ. Приведемъ изъ этого письма мѣста болѣе интересныя.

„Къ числу старообрядцевъ, не признающихъ нозаго бѣлокриницкаго священства за его греческое происхожденіе, принадлежатъ Некрасовцы, живущіе въ Малой-Азіи на берегу

правительство, прежде читалъ съ омерзеніемъ, а потомъ и совершенно отринулъ, и вездѣ писался Кельсіевъ (я считалъ его какимъ-нибудь графомъ (?)). Наконецъ Кельсіевъ сталъ намъ знакомъ. По случаю паденія лондонскаго *Колокола* прибылъ онъ въ Царьградъ, а извѣстный вамъ Гончаровъ тогда по дѣламъ былъ въ Царьградѣ и *какъ оба Русскіе* познакомились между собой. Кельсіевъ рекомендуетъ о себѣ, что онъ можетъ завести между Некрасовцовъ типографію; *должно быть* Гончарову это понравилось. И кажется, Кельсіевъ ознакомившись съ турецкимъ начальствомъ получилъ позволеніе на бумагѣ, или на словахъ, того не докажу. Въ то самое время является между Некрасовцовъ ученый человѣкъ (?) изъ Малороссіянъ, Паладій Ивановъ, тоже рекомендовалъ себя такимъ же типографщикомъ. Отвѣчали ему: заводи свое дѣло, а мы будемъ смотрѣть на дѣлѣ. Кельсіеву донесено, что Некрасовцы съ Кельсіевымъ вести дѣло не согласны, *потому что Кельсіева щитаютъ мятежникомъ*, а другова имѣютъ. Кельсіевъ вспыхнулъ горячо, и оклеветалъ предъ начальствомъ Аркадія, Гончарова, и съ ними 12 человѣкъ, будто бы замѣшаны въ сношеніи съ Россіею, и чтобы нарядить коммиссію и въ оной быть Кельсіеву; предположено схватить означенныхъ людей и послать въ заточеніе. Въ сіе жаркое время съ Царяграда послѣдовало къ Аркадію письмо о приготовленіи коммиссіи. Аркадій переѣхалъ въ Измаилъ, *турецкое министерство приняло иной духъ*, не захотѣли безпокоить народъ, предали забвенію. Дѣло это было извѣстно даже и русскому министерству. Кельсіевъ понялъ, что дѣло затухло, переѣхалъ въ предѣлы Некрасовцовъ. А Паладій отправился въ Россію и бывши въ Петербургѣ попался полиціи и съ своею типографіею, и вмѣстѣ съ нимъ пострадалъ (!) Арсеній Александровъ, но сей послѣдній по

Мраморнаго моря, въ селѣ Майносъ. Они, какъ и два-три милліона ихъ единовѣрцевъ въ Россіи, до сихъ поръ не теряютъ надежды найдти епископа, Великорусса происхожденіемъ и ставленьемъ. Сами они не ищутъ, потому что не имѣютъ надежды его найдти, такъ какъ случай можетъ представиться разъ въ 50 лѣтъ: они ждутъ епископа, какъ Евреи Мессію. Еслибы такой епископъ нашелся и доказалъ бы свое великорусское происхожденіе и ставленіе, старообрядцы *приняли бы его*, и онъ, ставя имъ дьяконовъ, священниковъ и епископовъ, могъ бы царить надъ ними: а будь онъ человѣкъ образованный и развитый, онъ могъ бы вдохнуть въ свою паству тѣ идеи (?) и тотъ духъ (?), который никогда не сумѣютъ вдохнуть ни синодъ, ни бѣлокриницкіе іерархи. Развитый человѣкъ, ставши во главѣ старообрядчества, могъ бы завести и школы и академіи; его примѣръ не остался бы безъ подражателей; за нимъ пошли бы въ старообрядчество массы образованныхъ людей, которыя до сихъ поръ нейдутъ только потому, что никто не подаетъ имъ примѣра. Ученіе старой вѣры останавливаетъ; останавливаетъ (образованныхъ-то людей?) мысль, что ее держатъ только мужики да купцы. Въ ней нѣтъ образованныхъ людей потому только, что до сихъ поръ образованные люди у насъ тянулись вслѣдъ за западомъ, считая все западное абсолютно истин-

---

своей невинности освобожденъ. А чѣмъ Паладіево дѣло кончилось, того намъ неизвѣстно. Кельсіевъ, проживая въ Тульчѣ, тоже предлагалъ о типографіи, но желанія его остались безплодны. Кельсіевъ старался завести школу и учить мальчиковъ некрасовскихъ; и въ семъ дѣлѣ удачи не было. Тульчинскіе Малороссіяне покусились отдавать своихъ мальчиковъ, и тѣ попятились и даже Болгары. Потомъ былъ въ училищѣ протестанскомъ. И всѣ эти должности плода ему не принесли. Наконецъ открылось ему золотое дно: Тульчинскій Решидъ-паша, человѣкъ образованный, знающій хорошо французскій языкъ, и Кельсіевъ сему дѣлу мастеръ. Паша принялъ себѣ Кельсіева въ драгоманы (толмачи) и паша всѣмъ приказалъ, чтобы прошеніи не писали ему по-турецки, по непонятному и трудному слогу, а писали бы по-французски, указуя на Кельсіева: Василь вамъ будетъ писать. Кельсіево дѣло пошло въ гору и онъ уже именовалъ себя начальникомъ надъ русскимъ народомъ и отъ высшей власти были ему нѣкоторыя порученности. Но къ его несчастію Решидъ-паша переведенъ въ другое мѣсто. Кельсіевъ остался безъ должности и куда выбылъ, намъ того неизвѣстно.“

нымъ и достойнымъ подражанія: будь то бакенбарды, кринолины, табакъ, схоластика. Въ отрицаніи западныхъ началъ цивилизаціи и въ стремленіи построить русскій міръ на русскихъ началахъ и состоитъ смыслъ и значеніе старой великорусской вѣры.... *

„Узнавъ случайно, продолжаетъ Кельсіевъ, о положеніи вашемъ, преосвященный владыко, я беру смѣлость сдѣлать вамъ предложеніе, стать во главѣ старообрядцевъ. По всему, что я слышалъ о васъ, я не могу думать, чтобы въ васъ было традиціонное презрѣніе нашего духовенства къ расколу, и чтобы вы не захотѣли принять честный трудъ для блага народа русскаго. Лучше быть вольнымъ архіереемъ вольныхъ людей, чѣмъ задыхаться въ Іерусалимѣ, или жить гдѣ-нибудь „въ Соловкахъ или у Спаса-Евѳимія....“ За васъ будетъ, — говоритъ дальше г. Кельсіевъ, убѣждая преосвященнаго Кирилла къ переходу въ расколъ,—за васъ будетъ все вольное, живое, молодое, начиная съ *Колокола* и всей заграничной прессы, которая будетъ къ вашимъ услугамъ. За васъ будутъ всѣ политическія тайныя общества въ Россіи, за васъ будутъ мужики, уральскіе и гребенскіе казаки. Сзади васъ останется грязь и пошлость, впереди васъ честный трудъ и славное имя“, и т. д. и т. д.

Кромѣ того Кельсіевъ извѣщалъ епископа Кирилла, что онъ принялъ уже нѣкоторыя мѣры на случай его согласія перейдти къ майнозскимъ раскольникамъ, — „нашелъ для него поддержку въ весьма вліятельныхъ личностяхъ“, ** и вполнѣ

** Въ другомъ мѣстѣ своего письма авторъ его говоритъ: „Старообрядцы, это *борцы за нашу великорусскую народность* и за свободную церковь. Они сохранили у себя *все, что было свѣтлаго* (?) *въ нашей старинѣ*. Въ ихъ нынѣшнихъ (?) обрядахъ, въ образѣ жизни, въ взглядѣ на вещи, видна наша старая святая Русь, *очищенная отъ своихъ темныхъ сторонъ*.“ Читая эти разглагольствія о характерѣ и стремленіяхъ раскола, нельзя не удивляться, почему же авторъ письма, въ своемъ сборникѣ, издѣвался надъ тѣмъ „официальнымъ“ писателемъ о расколѣ, который находилъ сходство между раскольниками и такъ называемыми славянофилами.

* Польскіе пропагандисты въ турецкихъ предѣлахъ держали себя въ отношеніи къ Кельсіеву и партіи Герцена вообще довольно пренебрежительно; и потому едва ли можно допустить, что въ числѣ вліятельныхъ лицъ, о которыхъ говоритъ здѣсь Кельсіевъ, разумѣлся между прочимъ Садыкъ-паша (Чайковскій), какъ сказано въ № 2 *Русскаго Вѣстника* стр. 408. Не разумѣлъ ли онъ ско-

ручался за его личную безопасность: „при помощи связей, которыя я имѣю, какъ всякій членъ тайныхъ обществъ и какъ всякій политическій агентъ, около васъ немедленно ко времени полученія этого письма, раскинется цѣлая сѣть, которая будетъ слѣдить, чтобы вамъ не было сдѣлано ни малѣйшаго насилія....“ *

Надобно стоять на самой крайней степени самообольщенія, быть слѣпо увлеченнымъ своими любимыми фантазіями, чтобы съ подобнымъ приглашеніемъ на „честный трудъ“ служенія расколу обратиться къ „развитому и образованному“ православному русскому епископу, въ какомъ бы затруднительномъ положеніи онъ ни находился.... Нельзя так-

---

рѣе Решидъ-пашу, покровительствомъ котораго пользовался нѣкоторое время?

* Письмо Кельсіева къ епископу Мелитопольскому Кириллу перепечатано изъ *Православнаго Собесѣдника* въ № 2 *Русскаго Вѣстника* въ статьѣ: *Партія Герцена и старообрядцы* (стр. 400—410). Къ сожалѣнію, въ эту статью вкралась нѣсколько довольно важныхъ ошибокъ, которыя почитаемъ не излишнимъ указать. 1) Авторъ статьи предположительно говоритъ, что *архипастырское посланіе*, составленное въ концѣ 1863 г. и подписанное 24-го февраля 1864 г., сдѣлалось извѣстно партіи Герцена еще въ 1863 году, и въ нѣкоторой связи съ этимъ обстоятельствомъ поставляетъ самое письмо Кельсіева къ епископу Кириллу отъ 21-го октября 1863 г. (стр. 402—403). Авторъ предполагаетъ невозможное. До того времени, когда Кириллъ Бѣлокриницкій подписалъ *мирную грамоту*, то-есть до послѣднихъ чиселъ февраля 1864 г., не было извѣстно объ ней никому даже изъ самихъ старообрядцевъ, кромѣ небольшаго кружка людей, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ составитель посланія Иларіонъ Георгіевъ и которые имѣли серіозныя побужденія хранить глубокую тайну относительно этого посланія, такъ какъ предположено было объявить (и объявлено въ послѣдствіи), что оно составлено въ Бѣлой-Криницѣ по порученію митрополита, то-есть въ февралѣ 1864 г. Какъ же могли знать объ немъ Лондонцы *еще въ 1863 году*? А письмо Кельсіева къ епископу Мелитопольскому *отъ 21-го октября 1863 года*, очевидно, писано въ то время, когда *архипастырское посланіе* еще не было и составлено; никакой связи между тѣмъ и другимъ поэтому быть не могло. 2) Въ третьемъ примѣчаніи на стр. 405 сочинитель говоритъ слѣдующее о числѣ русскихъ раскольниковъ: „*Изъ десяти, или десяти съ половиной милліоновъ* (ужели 500.000 человѣкъ не составляютъ большой разницы, чтобы можно было выражаться съ такою неопредѣленностью?)

же не удивляться, какъ могъ подумать г. Кельсіевъ, что учрежденіемъ новой раскольнической іерархіи—іерархіи Майнозской, которую, очевидно, онъ хотѣлъ противупоставить существующей Бѣлокриницкой іерархіи, онъ сдѣлаетъ услугу для раскола, послужитъ его упроченію и распространенію. Какъ онъ не понялъ, что этимъ внесъ бы напротивъ новый

считается (?) около трехъ пятыхъ поповщины, то-есть свыше шести милліоновъ. Изъ нихъ двѣ трети, то-есть около четырехъ милліоновъ принимаютъ бѣлокриницкую іерархію, остальные же (то-есть 2.000.000) какъ напримѣръ Лужковское согласіе и другія (желательно бы знать, кто эти другія) принимаютъ попрежнему бѣглыхъ поповъ отъ православной церкви.“ Вопросъ о дѣйствительномъ числѣ раскольниковъ, къ сожалѣнію, доселѣ остается не разъясненнымъ по неимѣнію точныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для его рѣшенія. Но во всякомъ случаѣ цифра 10.500.000 должна быть признана *много преувеличенною*. Защитнику этой цифры были дѣланы возраженія людьми, впадающими въ противоположную крайность, въ свою очередь слишкомъ сокращающими число раскольниковъ и, надобно признаться, что онъ доселѣ не представилъ никакихъ доказательствъ въ защиту своего исчисленія, тогда какъ въ настоящемъ случаѣ именно необходимы самыя точныя основанія. Еще болѣе произвольнымъ представляется сдѣланное авторомъ частное распредѣленіе принятой имъ общей цифры раскольниковъ по отдѣльнымъ сектамъ. Чтобы говорить съ рѣшительностью: поповцевъ столько-то милліоновъ, пріемлющихъ бѣлокриницкое священство столько-то и пр., для этого необходимо имѣть (и представить) самыя точныя статистическія данныя, которыя, смѣемъ думать, въ настоящее время получить невозможно. Притомъ въ разчисленіи нашего автора есть очевидная несообразность. Онъ утверждаетъ, что Лужковцевъ и другихъ (?) раскольниковъ, попрежнему принимающихъ бѣглыхъ поповъ, считается два милліона (въ этомъ случаѣ авторъ сошелся съ г. Кельсіевымъ, котораго счисленіе однакоже опровергаетъ, такъ какъ и онъ число раскольниковъ-поповцевъ, не признающихъ бѣлокриницкое священство, полагаетъ въ *два-три милліона*). Здѣсь колоссальное преувеличеніе. По мнѣнію людей, принадлежавшихъ и принадлежащихъ къ расколу, если цифру 2.000.000 сократить до 100.000, и тогда число это едва ли не будетъ выше дѣйствительнаго числа раскольниковъ, принимающихъ попрежнему бѣгствующее священство. Еслибы число ихъ было дѣйствительно такъ велико, какъ полагаетъ авторъ, то сколько бѣглыхъ священниковъ пріобрѣтали бы они каждогодно, всевозможными способами привлекая ихъ отъ церкви, по примѣру прежнихъ лѣтъ? А между тѣмъ бѣгство священниковъ составляетъ въ настоя-

раздоръ въ среду раскола, и безъ того пожираемаго раздорами,—только приблизилъ бы его еще скорѣе къ неизбѣжному разложенію и самоистребленію, чего г. Кельсіевъ, вѣроятно, не желалъ. Какъ само собою разумѣется, оскорбительное (иначе назвать его нельзя) письмо къ преосвященному Кириллу осталось безъ всякихъ послѣдствій и только послужило, въ настоящее время, къ большему разоблаченію дѣяній нашихъ политическихъ выходцевъ среди заграничнаго старообрядства.

щее время великую рѣдкость. 3) На стр. 406 сдѣлано замѣчаніе: „Амвросій по фамиліи Поповичъ, родомъ не Грекъ, а Болгаринъ.“ Это не справедливо. Авторъ, по всей вѣроятности, основался на свидѣтельствѣ Стаки Скендеровой, которая въ своей *Лѣтописи Босніи* пишетъ объ Амвросіи: *той е родомъ одъ Бугора био* (онъ былъ родомъ Болгаринъ. См. *Зап. Импер. Рус. Географ. Общ.*, кн. XIII, стр. 586). Но г. Гильфердингъ, по просьбѣ котораго Стака Скендерова составила свою лѣтопись, справедливо замѣтилъ, что въ этой лѣтописи не слѣдуетъ искать „полной фактической точности,“ что въ ней можно находить только „вѣрное отраженіе того, въ какомъ видѣ событія, совершившіяся въ Босніи, остались въ памяти самихъ жителей“ (стр. 548). Относительно Амвросія, Стака передаетъ именно общее о немъ мнѣніе, сохранившееся у Босносараевцевъ. Амвросій оставилъ по себѣ память, какъ владыка заботившійся о народѣ, защищавшій его интересы предъ мѣстнымъ правительствомъ *(тай владика свети чоекъ био; сиротиню млого е угледо)*, что было необыкновеннымъ явленіемъ въ Босніи, гдѣ архіереи-фанаріоты дѣлали все возможное для истощенія бѣднаго народа и для угожденія пашамъ: Стака не могла представить чтобы такой архіерей могъ быть Грекомъ-фанаріотомъ, и вотъ она его называетъ родомъ изъ Болгаръ. Такъ могла произойдти допущенная въ ея лѣтописи фактическая невѣрность относительно происхожденія митрополита Амвросія. А что Амвросій былъ природный Грекъ, это не подлежитъ сомнѣнію, ибо подтверждается свидѣтельствомъ людей, близко его знавшихъ, и всею исторіей его принятія въ расколъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ Павелъ и Алимпій не допытались настоящей правды о происхожденіи найденнаго ими митрополита? Между тѣмъ, они во всѣхъ документахъ и письмахъ называютъ его Грекомъ. Скрывать его происхожденіе имъ не было никакой надобности: Славянинъ митрополитъ былъ бы для нихъ даже болѣе желателенъ нежели Грекъ. Многіе старообрядцы тогда нарочно ѣздили въ Эносъ, родину Амвросія, чтобы лично видѣть, какъ тамошніе *Греки* совершаютъ крещеніе—погружательно, или чрезъ

XIV.

Спустя немного времени послѣ описанныхъ событій (въ половинѣ апрѣля 1864 года), Пафнутій казанскій и архидіаконъ Филаретъ, на возвратномъ пути изъ Бѣлой-Криницы, прибыли въ городъ Тульчу, откуда намѣрены были съѣздить въ Славскій скитъ къ епископу Аркадію и въ Журиловку къ Гончарову. Только что сдѣлалось извѣстно между тульчинскими старообрядцами о пріѣздѣ Пафнутія съ Филаретомъ, какъ узнали о томъ и братія Кельсіевы. Они сейчасъ же явились къ Пафнутію и рекомендовались, какъ люди преданные дѣлу старообрядства. Тутъ-то Филаретъ въ первый разъ увидѣлъ своего лондонскаго корреспондента. Старшій Кельсіевъ приступилъ къ Пафнутію съ распросами о положеніи старообрядцевъ въ Россіи. Пафнутій, человѣкъ серіозный, врагъ вольномыслія и всякихъ пустыхъ разговоровъ, отвѣчалъ кратко, что теперь, благодареніе Богу, старообрядцамъ въ Россіи жить хорошо, никто ихъ не притѣсняетъ. „Сердце царево въ рукѣ Божіей,“ заключилъ онъ, отвѣчая на возраженія собесѣдника, „нашъ долгъ терпѣть и покоряться царскимъ, паче же Божіимъ велѣніямъ.“ Кельсіевъ былъ изумленъ этимъ спокойнымъ и твердымъ от-

---

обливаніе. По общему свидѣтельству, Амвросій не умѣлъ читать и говорить по-славянски: а будучи Болгариномъ, онъ скорѣе, по національной враждѣ къ Грекамъ, не зналъ бы по-гречески. Наконецъ, не дальше какъ 21-го апрѣля сего 1867 года, мы имѣли случай долго бесѣдовать съ сыномъ Амвросія Георгіемъ Андреевичемъ, который вмѣстѣ съ супругой пріѣзжалъ въ Москву, въ надеждѣ (увы, тщетной) пріобрѣсти что-либо отъ московскихъ „Липованъ“. На вопросъ нашъ о его предкахъ онъ рѣшительно отвѣчалъ, что всѣ они природные Греки. Относительно же фамиліи *Поповичъ*, которую нашъ авторъ приводитъ какъ свидѣтельство славянскаго происхожденія Амвросія, Георгій Андреевичъ замѣтилъ, что ихъ родовая фамилія *Παπαγεωργόπουλοι* (Παπαγεωργόπουλοι), и что фамилія эта только переведена была для Липованъ словомъ *Поповичъ*; самъ же Георгій ни той, ни другой фамиліи не употребляетъ, а подписывается обыкновенно: *Георгіевичъ*. Полагаемъ, что греческое происхожденіе Амвросія не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію.

вѣтомъ; ничего подобнаго не ожидалъ онъ отъ старообрядческаго архіерея. Но еще больше изумился бы онъ, еслибы могъ знать, что̀ говорилось о людяхъ, „тщащихся безначаліемъ предуготовити путь сыну погибельному“, въ той грамотѣ, которую этотъ „архіерей“ везъ въ Россію для объявленія всѣмъ древлеправославнымъ христіанамъ „сущимъ въ богохранимомъ государствѣ всероссійскомъ....“

Оставивъ въ покоѣ старика, Кельсіевы занялись молодымъ спутникомъ Пафнутія. Они упросили его пойдти къ нимъ на квартиру и даже оставили ночевать у себя. Филаретъ былъ не прочь поближе познакомиться съ образомъ жизни и сужденіями этихъ людей, о которыхъ довольно слышалъ и прежде, потому не отказался принять ихъ приглашеніе. Кельсіевъ, котораго денежныя обстоятельства были тогда въ очень незавидномъ положеніи, занималъ въ Тульчѣ небольшую, довольно бѣдную квартирку. Иконъ въ ней не было, и это обстоятельство, равно какъ вся обстановка и весь семейный бытъ хозяевъ, такъ рѣзко противоположный строгому, уставному быту старообрядскихъ семействъ, произвели на Филарета тяжелое впечатлѣніе. Бесѣда началась съ разспросовъ, почему Филаретъ отказался вести корреспонденцію съ Лондономъ, несмотря на данное передъ тѣмъ обѣщаніе. Когда Филаретъ разказалъ, какимъ подвергся было непріятностямъ за сношенія съ Лондономъ, Кельсіевъ замѣтилъ, что не ожидалъ такого фискальства отъ австрійскаго правительства. Слушая разглагольствія о великихъ задачахъ старообрядства въ союзѣ съ революціей, Филаретъ внутренно смѣялся надъ этими бреднями: слишкомъ хорошо зналъ онъ старообрядство, чтобы вѣрить въ возможность такого безобразнаго союза; но тому, что̀ онъ услышалъ о быстромъ и широкомъ распространеніи вредныхъ для церкви и государства ученій въ такъ-называемомъ образованномъ русскомъ обществѣ и особенно среди учащейся русской молодежи, къ крайнему его сожалѣнію, онъ не имѣлъ основаній не вѣрить, тѣмъ больше, что еще въ Вѣнѣ, отъ знакомыхъ студентовъ уніатской академіи, случалось ему слышать не очень лестные отзывы о состояніи русскихъ учебныхъ заведеній. *

---

* При первыхъ свиданіяхъ съ Филаретомъ, тогда еще старообрядскимъ архидіакономъ, пишущій эти строки не однажды слышалъ отъ него вопросъ: правда ли, что въ наши свѣтскія и даже духовныя

Филаретъ полюбопытствовалъ узнать, что̀ побудило Кельсіева промѣнять Лондонъ на какую-нибудь Тульчу. Свое переселеніе въ турецкія области, въ сосѣдство къ Некрасовцамъ и къ русской границѣ, Кельсіевъ объяснялъ, съ одной стороны, желаніемъ войдти въ ближайшія сношенія съ добруджинскими раскольниками, съ другой — удобствомъ вести отсюда пропаганду въ сопредѣльныя русскія области. Во время своего кратковременнаго пребыванія въ Тульчѣ, Филаретъ могъ замѣтить, что надежды Кельсіева на тѣсное сближеніе съ Некрасовцами, въ извѣстныхъ видахъ, оправдывались очень плохо: при всемъ своемъ стараніи онъ не могъ возбудить довѣрія къ себѣ въ мѣстномъ старообрядскомъ обществѣ.

Когда Пафнутій съ Филаретомъ уѣзжали изъ Тульчи, Кельсіевы явились проводить ихъ. При прощаньи убѣдили его взять довольно объемистую рукопись, которую просили непремѣнно прочитать и показать своимъ. Филарета же они убѣждали поближе сойдтись съ членами ихъ общества въ Петербургѣ и Москвѣ, къ которымъ и давали рекомендательные адресы. Адресовъ онъ не взялъ, увѣряя, что и безъ нихъ труситъ переѣзда черезъ русскую границу. Въ такомъ случаѣ, ограждая его безопасность, они дали ему совѣтъ, куда явиться въ Петербургѣ, чтобъ узнать все, что̀ касается ихъ общества. На пароходѣ, въ уединенномъ уголку, Пафнутій съ Филаретомъ прочитали рукопись и сейчасъ же бросили ее въ рѣку: въ дунайскихъ волнахъ она и потонула. Въ ней излагались тѣ же планы соединеннаго возстанія раскольниковъ и „друзей свободы“, какіе развивались и въ бесѣдѣ съ Филаретомъ.

Скоро послѣ этого *Посланіе* сдѣлалось извѣстно всѣмъ „друзьямъ“ старообрядцевъ. Іоасафъ успѣшно кончилъ печатаніе грамотъ; изъ Яссъ новоотпечатанная книжка дошла не только до Тульчи, но даже и до Лондона. * Герценъ по сему

учебныя заведенія проникъ такъ-называемый нигилизмъ? Вопросъ этотъ очень занималъ Филарета, который въ то время не чуждъ былъ мысли поучиться въ какомъ-нибудь изъ русскихъ учебныхъ заведеній.

* Мы принимаемъ за несомнѣнное, что посланіе это сдѣлалось извѣстно лондонскимъ агитаторамъ именно въ печатномъ экземплярѣ (что̀ могло быть не раньше апрѣля 1864 г.), а не въ рукописи,

случаю жаловался Гончарову на неблагодарность старообрядцевъ. „Гончаровъ! Что̀ мы вамъ сдѣлали? писалъ онъ,—за что̀ клянутъ насъ старообрядцы?“

За что̀? Какъ будто въ *Архипастырскомъ Посланіи* не объяснено это со всею обстоятельностью? За то, что они „своими писаніями возмущаютъ европейскія державы, проповѣдуя плевельное ученіе, во еже како бы до конца истребити вѣру во Христа Бога, отврещи законы церковные и гражданскіе, низложити архіерейскія каѳедры, опустошити церковные олтари и превратити царскіе престолы, ввести же безначаліе, еже всѣхъ золъ послѣднѣйшее“, тогда какъ старообрядцы, послѣдуя слову Божію и ученію святыхъ отецъ, вѣруютъ, „яко Богъ, творецъ небу и земли, учинилъ есть начальство во общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнутъ, сильнѣйшимъ немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе всюду зло есть и сліянію виновно.“ Въ этомъ существенномъ различіи воззрѣній на предержащую власть и заключается непреодолимое препятствіе къ соединенію старообрядцевъ съ поборниками революціи, препятствіе, котораго эти послѣдніе не могутъ, или не хотятъ замѣтить. Одни вѣруютъ, что предержащая власть имѣетъ происхожденіе божественное и благодѣтельна для человѣчества; другіе, напротивъ, видятъ въ ней учрежденіе чисто человѣческое, измышленное властолюбіемъ, изветшалое и вредное: что̀ же можетъ быть общаго между тѣми и другими? Вѣра въ царя, какъ помазанника Божія, есть самая глубокая, основная стихія русскаго народнаго чувства, и не потому она присуща старообрядцу, что онъ старообрядецъ, но потому что онъ Русскій и по вѣрѣ (несмотря на ея отличіе отъ православія), и по чувству. И если справедлива та мысль, что въ старообрядствѣ лучше и полнѣе сохранились основныя начала русской народной жизни нежели въ нѣкоторыхъ слояхъ даже православнаго русскаго общества, то не трудно понять, какъ напрасны опасенія нѣкоторыхъ, подозрѣвающихъ въ старообрядствѣ антирусскія, революціонныя стремленія. Представленное нами обозрѣніе взаимныхъ отношеній между старообрядцами и разными враждебными Россіи партіями можетъ служить доказательствомъ

и рѣшительно не въ 1863 году, какъ полагаетъ авторъ статьи: „Партія Герцена и старообрядцы“.

этого. * Если нѣкоторыя отдѣльныя личности изъ старообрядцевъ и дѣлали попытку войдти съ ними въ сношенія, то, не говоря уже объ особыхъ обстоятельствахъ, къ тому располагавшихъ, всѣ они дѣйствовали не имѣя надлежащаго понятіяхъ объ этихъ партіяи обществахъ и сами же, на собственномъ примѣрѣ, ясно показали всю невозможность союза съ ними, какъ скоро уяснили себѣ ихъ истинный характеръ. Слѣды дѣйствительныхъ связей съ антирусскими партіями видѣли мы у заграничныхъ старообрядцевъ. Но это—явленіе, понятное тамъ, гдѣ самый долгъ велитъ повиноваться не русскимъ правительствамъ, гдѣ связи съ Россіей уже порваны самымъ бѣгствомъ изъ нея, гдѣ наконецъ недовольство противъ русскаго правительства имѣетъ, такъ-сказать, традиціонный и наслѣдственный характеръ. Однакоже и здѣсь, не видѣли ли мы, какимъ еще живымъ ключомъ бьетъ въ старообрядцахъ русское національное чувство, и какъ живо въ нихъ стремленіе стать подъ защиту законнаго русскаго царя? Если эти чувства не находили себѣ простора, смѣнялись инымъ настроеніемъ, то одни ли старообрядцы виноваты въ этомъ? Припомнимъ, какъ мы сами обращались съ ними и, напротивъ, какими знаками вниманія и предупредительности осыпали ихъ въ то же время высшіе представители нѣкоторыхъ правительствъ и руководители нѣкоторыхъ партій, стоявшихъ въ открытой враждѣ къ Россіи. Вообще, отношенія такого рода правительствъ и партій къ русскому старообрядству, которыя мы старались прослѣдить насколько имѣли къ тому возможность, представляютъ очень интересное и поучительное для насъ явленіе.

---

* Просимъ не забывать, что мы имѣли въ виду преимущественно старообрядцевъ пріемлющихъ священство, и не думаемъ простирать сейчасъ сдѣланнаго нами замѣчанія на тѣ безпоповскія секты, которыя съ закоренѣлымъ упорствомъ и старымъ фанатизмомъ держатся зловреднаго ученія о царствованіи антихриста на землѣ, въ лицѣ предержащей власти.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. *Прошеніе, поданное иноком Алимпіем графу Коловрату 25-го марта 1848 года.*

Euer Exellenz!

In der vollsten Ueberzeugung, dass Jeder die allgemein gepriesene Milde und Hohherzigkeit Euer Exellenz in Anspruch nehmende, gnädigst erhört, Trost und Hilfe findet, so wage auch ich unterthänigst meine gehorsamste Bitte um so mehr mit dem kindlichen Zutrauen zu Füssen Euer Exellenz unterzubreiten, da mir schon einmal, als Deputirten des Bialokrynicer Klosters und der sämmtlichen Altgläuber Gemeinden in der Bukowina, die süssen Früchte der väterlichen Fürsorge und Gnade Euer Exellenz zu verkosten das höchste Glück zu Theil wurde.

Zufolge des vom unsterblichen Kaiser Joseph II den sämmtlichen Altgläuber Gemeinden im Jahre 1783 ertheilten Privillegiums hinsichtlich der *Freiheit der Religion und der Geistlichkeit** haben S-e Majestät, unser allergnädigste Kaiser Ferdinand I, durch die gnädigste und kräftligste Fürsprache Euer Exellenz bewogen, laut a. h. Entschliessung vom 18 September 1844 den benannten Gemeinden *die Einführung eines ausländischen Oberhirten* allergnädigst zu bewilligen geruhet, welche Gemeinden durch ihre Deputirten im Jahre 1846 auch wirklich den hochw. Metropoliten Ambrosius aus Constantinopol hereinführten, den auch S-e. Majestät nach der im diplomatischen Wege gepflogenen Ueberzeugung von dessen reinen und unbescholltenen Sitten und tadellosen Aufführung laut a. h. Entschliessung v. 5-ten März 1847 nicht nur in seiner früheren Würde zu bestätigen, sondern auch in das k. k. österreichische Unterthans Vaterland aufzunehmen geruheten, worüber er auch bei dem k. k. Bukowiner Kreisamte den Unterthanseid den 7-ten August 1847 mit der grössten Freude ablegte.

Mittelst einer Vorladung des Galizischen Landes-Gouverneurs Herrn Grafen v. Stadion wurde derselbe nach Lemberg berufen, von welchem er die Weisung bekam, sich sogleich nach Wien zu verfügen und obwohl er zu dieser Reise nicht vorbereitet war, so reisete er dennoch weiter und langte schon am 27 December v. J. herein, ohne zu wissen, warum man ihn verlange.

---

* Выраженія, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты въ самой рукописи протоіерея.

Doch es verstrich ein ganzer Monat ohne dass man ihm die Ursache seiner Berufung entdeckte, wesswegen er sich auch genöthigt sah bei S-er Kais. Hoheit, den Erzherzog Ludwig, eine Audienz zu ersuchen, was auch geschah. Aber bei Allem dem erfuhr er wegen seiner Berufung kein Wort, vielmehr wurde er von S-er Kais. Hoheit befragt, was er eigentlich von S-er Majestät, dem Kaiser, wünsche, – auf welche Frage er auch nicht anders zu beantworten wusste, als dass er von Herrn Grafen von Stadion hieher beordert wurde, um hier von S-er Majestät die gnädigste Ankündigung seiner Berufung und die Ertheilung der weiteren Kais. Befehle zu erfahren. Nach wenigen Tagen und zwar am 30 Januar 1848 wurde ihm von dem Obersten Hofkanzler Herrn Grafen v. Inzaghi eine Zuschrift zugestellt, durch welche der hochw. Metropolit Ambrosius von den ungerechten und unbegründeten Beschwerden des russischen Hofes und des Patriarchen . Constantinopol, welche bloss aus Hass über unsere früher in ganz Russland herrschende Religion entstanden sind, in Kenntniss gesetzt und aufgefordert sich über die ihm vorgeworfenen 9 Punkte binen 8 Tagen schriftlich zu rechtfertigen. S-e Hochwürden versäumte nicht Gewissenschaft und der Warheit gemäss seine schriftliche Rechtfertigung selbst persönlich dem Herrn Grafen v. Inzaghi am 7 Februar 1848 mit der Bitte einer gnädigen Fürsprache zu überreichen. Man versprach ihm solche und man erklärte ihm, dass dieses, als eine diplomatische Sache einzig und allein vom Fürsten Metternich abhänge; allein leider wurde auf seiner Rechtfertigung gar keine Rücksicht genommen, und ohne eines Vergehens überwiesen zu werden, demselben der a. h. Bescheid ertheilt, *„dass seine Rückkehrn in das Bialokrinycer Kloster und fernere Werksamkeit für die Altgläuber in der Bukowina nicht Statt finden kann“*.

Diese unerwartete Nachricht stürzte das ganze Kloster-Convent und die sämmtlichen Altgläuber Gemeinden in der Bukowina in die grösste Verlegenheit und verursachte in den Gemüthern Aller die schrecklichste Verwirrung, welche sich auch sogleich in das Kloster sammelten und sich einstimmig und freiwillig erklärten, sie wollen keine Zeit und Umkosten schonen und mehrere Deputirten, aus dem Kloster und Gemeinden gewählt, sogleich nach Wien zu S-er Majestät abschicken, um sich über die Ursache dieses unglücklichen Ausspruches zu erkundigen. Doch um die nachtheiligen Folgen, welche vielleicht durch Unvorsichtigkeit der Gemeinden entstehen könnten, zu vermeiden, stellten sich ihnen die vernünftigeren Kloster-Mönche entgegen, und es gelang ihnen die Gemeinden durch reife Vorstellungen und Warnungen, die nur aus kindlicher Liebe und fester Treue gegen den allergnädigsten Monarchen gemacht wurden, von dem gefassten Entschlusse abzuhalten, bis sie von Wien die letzte Entschliessung S-er Majestät erhalten.

Weil nun mir das ehrwürdige Kloster-Convent diese Sache zur heiligsten Pflicht machte und anbefohlen hat, alle zur Rückkehr des hochw. Metropoliten Ambrosius nöthigen Schritte zu machen, so werfe ich mich zu den Füssen Euer Exellenz und flehe um die gnädigste und baldigste Bewilligung, dem hochw. Metropoliten in das Bialokrynicer Kloster zur Beruhigung des Volkes zurückkehren zu dürfen.

Um so mehr hoffen wir die gnädigste Vermittlung Euer Exellenz zu erflehen, indem in diesen segensreichen Tagen allen unter dem glorreichen österreichischen Scepter vereinigten Staaten und Völkern durch die Erhörung ihrer Wünsche die grösste aller Wohlthaten erwiesen wurde, die Altgläuber Gemeinden auch nicht minder treu an das glorreiche Kaiserhaus nicht minder anhänglich und unterthänig sind, daher sie auch der angesuchten Wohlthat würdig zu sein sich fühlen.

Geruhen daher Euer Exellenz diese inständigste Bitte zu genehmigen, welchen uns vielleicht die Ungerechtigkeit der Zeit unschuldig entwiess, vereint um langes Leben und Wohlergehen Euer Exellenz den Allmächtigen ununterbrochen flehen können—der ich auch in vollster Zuversicht Dero höchster Gnade und mit tiefster Ehrfurcht, bin

Euer Exellenz

unterthänigster Diener

Alimpi Miloradow,

Deputirter des Bialokrynicer Klosters und der sämmtlichen Altgläuber Gemeinden in der Bukowina.

Wien am 26 März 848,

Надпись на оборотѣ:

An Seine Exellenz, den hochwohlgebornen Herrn Grafen v. Kolowrat K. K. Minister-Präsidenten etc. etc. etc.

Alimpi Miloradow,

Deputirter des Bialokrynicer Klosters und sämmtlichen Altgläuber Gemeinden in der Bukowina —

bittet unterthänigst um die gnädigste Bewilligung dem hochw. Metropoliten Ambrosius schleunigst *zur Beruhigung des Volkes* zu seinen Gemeinden in das Bialokrynicer Kloster zurückkehren zu dürfen.

2. Тоже прошеніе въ русскомъ переводѣ. *

Его превосходительству, господину графу Коловрату, президенту.

Алимпій Милорадовъ, депутатъ Бѣлокриницкаго монастыря и всѣхъ обществъ старовѣрческихъ въ Буковинѣ: проситъ милостиваго позволенія къ возвращенію преосвященнѣйшаго митрополита Амвросія въ монастырь Бѣлокриницкій.

Ваше превосходительство!

Въ полномъ увѣреніи, что каждый къ общепохвальному высокосердечію вашего превосходительства прибѣгающій, милостиво выслушанъ, помощь и утѣшеніе находитъ, чего ради осмѣливаюсь и я, нижайше подписанный, съ дѣтскимъ упованіемъ поднести къ ногамъ вашего превосходительства покорнѣйшее мое прошеніе, который уже одинъ разъ, какъ депутатъ Бѣлокриницкаго монастыря и всѣхъ старовѣрческихъ обществъ въ Буковинѣ, высокое счастіе имѣлъ вкусить сладкій плодъ отеческаго вашего старанія и милости.

На основаніи безсмертной памяти императора Іосифа Втораго, данной старовѣрческимъ обществамъ въ 1783 году привилегіи, гласящей вольность религіи и духовенству, благоволило его величество, всемилостивѣйшій нашъ императоръ Фердинандъ Первый, на милостивое и важное представленіе вашего превосходительства, по всевысочайшему рѣшенію касательно свободы религіи и священства, отъ 18-го сентября 1844 года, реченному обществу позволить приведеніе верховнаго архипастыря изъ-за границы, которое общество, чрезъ своихъ депутатовъ, въ 1846 году, дѣйствительно и привезло преосвященнѣйшаго митрополита Амвросія изъ Константинополя, котораго и его величество по достоувѣренію, дипломатическимъ средствомъ сдѣланному, о его чистыхъ и безпорочныхъ нравахъ и обхожденіи, всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 15-го марта 1847 года, не только въ достоинствѣ его прежняго званія подтвердить удостоилъ, но и въ кесаро-королевское австрійское подданство принять благоизволилъ, на которое онъ, въ буковинскомъ крайзамтѣ на подданство бумагу, 7-го августа 1847 года, съ величайшею радостію получилъ.

Посредствомъ же требуемаго предписанія галиційскимъ полномочнымъ губернаторомъ, графомъ Стадіономъ, былъ онъ въ Лембергъ (во Львовъ) вызванъ, отъ котораго принялъ повелѣніе отправиться тотчасъ сюда въ Вѣну. Хотя не былъ онъ къ тому пути приготовленъ, но принужденъ былъ продолжать свое путешествіе и прибылъ сюда, еще 27-го декабря прошлаго года, не зная причи-

* Переводъ сей сдѣланъ, вѣроятно, тѣмъ же г. Дворачкомъ, который писалъ прошеніе и по-нѣмецки.

ны его сюда требованія. Здѣсь дожидался онъ цѣлый мѣсяцъ, и не могъ освѣдомиться причины его сюда пріѣзда, и такъ принужденъ былъ онъ просить у его императорскаго высочества, эрцгерцога Людвига аудіенціи, которую и получилъ. Но при всемъ томъ, онъ тоже не могъ узнать объ его требованіи ни слова. Чрезъ нѣсколько дней прислано было ему отъ высочайшаго канцлера, графа Инцаги, предписаніе, которымъ онъ преосвященнаго митрополита Амбросія увѣдомляетъ объ нѣкоторыхъ несправедливыхъ и неосновательныхъ донесеніяхъ русскаго двора и цареградскаго патріарха, которые только изъ ненависти на нашу, въ цѣлой Россіи прежде господствующую религію, происходятъ, и требуетъ на девять представленныхъ ему пунктовъ, чрезъ восемь дней, письменнаго его отвѣта. Его преосвященство не умедлилъ, по совѣсти и правдѣ своей письменное оправданіе представилъ, 7-го февраля 1848 года, самъ лично его превосходительству, графу Инцаги, съ прошеніемъ его милостиваго посредства, что̀ ему было обѣщано и притомъ объявлено, что какъ дѣло есть дипломатическое, то зависитъ только отъ князя Меттерниха. Однако на его оправданія не обращено никакого вниманія, и не доведши никакого его преступленія, но дано ему всевысочайшее рѣшеніе: „что его возвращеніе въ Бѣлокриницкій монастырь, на дальнѣйшее дѣйствіе для старовѣрцевъ въ Буковинѣ, больше не можетъ имѣть мѣста“.

Таковое неожиданное опредѣленіе повергло все собраніе монастыря и всѣ старовѣрческія общества величайшею скорбію, и какъ мнѣ честное собраніе монастырское въ обязанность оное дѣло возложило и повелѣло всѣ нужные способы употребить къ возвращенію преосвященнаго митрополита Амбросія, почему и повергаюсь къ ногамъ вашего превосходительства, прося милостивѣйшаго и скорѣйшаго позволенія къ возвращенію преосвященнаго митрополита Амбросія въ Бѣлокриницкій монастырь. Понеже въ сихъ благословенныхъ дняхъ всѣмъ подъ высокославнымъ австрійскимъ скипетромъ соединеннымъ краямъ и народомъ, чрезъ принятіе своихъ желаній, величайшія благодѣянія показаны; и старовѣрческія общества также не меньше вѣрны къ высокославному императорскому дому и для такового благодѣянія и онѣ также достойными себя чувствуютъ. Благоизвольте убо, ваше превосходительство, сіе наше нижайшее прошеніе всемилостивно выслушать, дабы мы, вмѣстѣ съ нашимъ верховнымъ пастыремъ, о многолѣтномъ здравіи вашего превосходительства Всемогущаго непрестанно молить могли. Пребываю въ надеждѣ вашей высочайшей милости, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ,

вашего превосходительства

всенижайшій слуга

Алимпій Милорадовъ, депутатъ.

Вѣна. 1848 года мѣсяца марта 26-й день.

3. *Высочайшій фермань его императорскаго величества всѣхъ Отоманскихъ землей самопресвѣтлѣйшаго царя.* *

Дали мы сей нынѣшній нашъ фермань Игнать-kозакамъ, которые отвѣчно сохранившись на земли царства нашего, завсегда жили kакъ вѣрные и благонадежные подданные наши, такъ и мы желаемъ, чтобы и съ ними благосклонно обходились, чтобъ они подъ нашимъ покровительскимъ kриломъ свободнымъ воздухомъ въ благополучіи отдыхали. А посему Игнать-kазаки пользовались отъ самодревнѣйшихъ временъ своею собственною, отъ другихъ не принадлежащею вѣрою. Желаемъ, дабы они нынѣ свободно и въ предътекущія времена пользовались и чтобы никакая другая церковная власть въ ихъ церковныя дѣла не мѣшалась, имѣючи они собственное свое священство. Потому мы повелѣваемъ всѣмъ нашимъ kаймаканамъ и начальникамъ, дабы нынѣшній нашъ фермань вточности и вѣрно исполненъ былъ. Сочиненъ въ великомъ нашемъ диванѣ, 1267 (1851) года, мѣсяца реджеба (іюня).

Здѣсь подпись его императорскаго величества. А на оборотѣ подписаны вышепрописанные, ** невмѣщенія ради здѣсь ихъ мѣста не указаны.

4. *Письмо Аркадія, епископа странствующихъ христіанъ, къ бѣлокриницкому митрополиту Кириллу.*

Ты Господи сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего и во вѣкъ.

Высокопреосвященному и боголюбивому митрополиту всѣхъ православныхъ христіанъ на востокѣ, сѣверѣ и западѣ, по Духу Святому отцу нашему

господину Кирилѣ,

и сослужителю вашему епископу Ануфрію со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всею братіею земно kланяюсь и прошу вашего благословенія и святыхъ молитвъ. Честь имѣю донести вашему преосвященству, по прибытіи нашемъ въ Ц. Г. (Царьградъ) и по расположеніи на временное пребываніе, спустя 6 дней изыскали случай и послали вамъ письмо отъ 9-го мая, и до Петрова дни не получали отвѣта, считали, что оно погибло. Съ Петрова дни сготовилъ

* Печатается съ копіи, собственноручно писанной Аркадіемъ и присланной имъ при письмѣ въ Бѣлую-Криницу. Послѣ заглавія слѣдуютъ слова: „Переведенъ на русскій языкъ чрезъ И. Р. К. однокровнагокозачьяго сосѣда и друга“....

** То-есть въ письмѣ, къ которому приложена копія.

я другое и отправилъ его въ Ц. Г. съ моимъ путешественникомъ Іосифомъ Семеновичемъ Гончаровымъ, который прибылъ къ нашему корреспонденту, отъ коего и получилъ ваше письмо на другой день Петрова дни, и привезъ его мнѣ на чифликъ 4-го іюля. Онъ тамо былъ занятъ дѣлами, хлопоталъ за майнозскихъ жителей по министерству, потому и замедлилъ; а разстояніе наше отъ Ц. Гр. не болѣе пяти часовъ. Писмы ваши мы читали съ великимъ восторгомъ и духовною радостію, что не погибло ни наше, ни ваше донесеніе; благодаримъ Господа Бога что Онъ соблюлъ; благодаримъ и васъ и радуемся, видя ваше существованіе. Теперь принимаю ваше посланіе и отвѣчаю на каждую статію, а потомъ буду прописавать и за новыя обстоятельствы.

Изволите писать, что мое донесеніе къ вамъ о моемъ поставленіи, а отъ гос(подина) архі(епископа) Арк(адія) не было и быть не надежно. Совершенно мы освѣдомились, что имъ послѣдовало вотъ что̀: архіепископъ, не знаю по приглашенію генерала или иначе, только то намъ сказано, что онъ послѣ Пасхи былъ въ Тулчи, служилъ литургію и былъ въ литургіи генералъ руской и многіе офицеры. Прежде сего, или послѣ архіепископъ подалъ хлѣбъ-соль генералу. Принялъ адъютантъ, а самъ генералъ не удостоилъ принять лично.... Послѣ того по немногихъ днехъ прибылъ во Славу казачій офицеръ и 30 человѣкъ казаковъ. Остановились въ домѣ Василья Спиридонова и говоритъ, что онъ ѣдетъ проѣздомъ въ Силистру, и между прочимъ говоритъ: нужно мнѣ повидаться съ вашимъ архіепископомъ. И такъ заночевалъ. Василій Спиридоновъ тотчасъ послалъ нарочнаго съ извѣстіемъ къ архіепископу, чтобы предостерегся. Архіепископъ не внялъ сему. На утро офицеръ взялъ изъ Славы запасную подводу и поѣхалъ въ архіепископію, и прибылъ въ келію архіепископа, и говоритъ ему: владыко, генералъ желаетъ съ вами повидаться, собирайтесь съ нами. Архіепископъ говоритъ: что̀ же мнѣ съ собой брать? Офицеръ сказалъ: возмите что̀ нужно. Потомъ говоритъ: позовите епископа Алимпія, который пришолъ; и того также пригласилъ и приказалъ собираться. Еще сказалъ: позовите отца Іакова. За нимъ побѣжали; но тотъ удалился въ лѣсъ. Итакъ собрались и сѣли на подводы. Епископа Алимпія видѣли плачущаго. Итакъ поѣхали съ офицеромъ и тридцатью казаками. Прибыли въ Сакчю, или Сакша; спустились къ Дунаю, гдѣ устроенъ мостъ, и остановились; глянули—стоятъ двѣ темныя кибитки. Офицеръ соскочилъ, отперъ кибитку и приглашаетъ туда архіепископа и сказалъ: если будетъ душно, то вверху открой окошечко. Его келейникъ Мартирій, провожавшій его, просился съ нимъ, но ему не позволено. Заперъ замкомъ. Въ другую посадили епископа Алимпія,— и вдругъ привезли попа тулчинскаго Ѳеодора: его посадили къ епископу Алимпію, и заперъ замкомъ. Поѣхали мостомъ въ Измаилъ и далѣе.... Офицеръ Мартирія принялъ на свою подводу, привезъ его

въ Тулчу, а изъ Тулчи Мартирій отправился въ обитель и повѣдалъ братіи все сіе.... Взяты 23-го апрѣля. Отъ сего удара братія и міръ весь пришли въ недоумѣніе и познали, что ушолъ часъ и время удобное ко спасенію. Изволите писать, что оставл(енную) гр(амоту) выдать вамъ неудобно. * Мы сіе возлагаемъ на Бога и на ваше разсужденіе; точно отъ насъ никто не спрашиваетъ. Отецъ Алексій, нынѣ Александръ, ** говаривалъ, что его хиротонисалъ одинъ архіерей и нечаянно выѣхалъ, или какъ удалился; а ставленную получилъ отъ другаго. Но мы возлагаемъ на Божій промыслъ. Также и нареченіе совершеннее еще не приспѣ; *** ибо мы находимся на чифлику одного паши, какъ сказать на богатомъ хуторѣ, гдѣ довольно скотоводства и хлѣбопашества; а мои странники имѣютъ довольно скота и лошадей, посему и удобно. А какъ въ непродолжительномъ времени приблизится осень, тогда намѣреваются перейдти къ лиману для рыболовства. А лиманъ отъ насъ часа три, отъ Царяграда будетъ часовъ восемь. А настоящее еще скрыто въ судбахъ божіихъ наше коренное пребываніе. Молва у насъ носится, что австрійскій императоръ и прусскій король сводютъ на міръ высокія державы: если замирится міръ, то, Богъ вѣсть, можетъ и назадъ пойдемъ....

---

* Очевидно, Аркадій въ предыдущемъ письмѣ, извѣщая Кирилла о своемъ поставленіи, просилъ о выдачѣ ставленной грамоты, которой рукополагавшій его архіепископъ Аркадій выдать ему не успѣлъ. Ниже онъ опять говоритъ о необходимости имѣть хотя какое-нибудь свидѣтельство въ удостовѣреніе дѣйствительности его сана. Но ни грамоты, ни свидѣтельства получить отъ Кирилла ему не удалось.

** То-есть въ иночествѣ Александръ; попъ Алексѣй Булгаковъ былъ бѣглый отъ православной церкви.

*** Рѣчь идетъ о названіи по мѣсту епархіи, такъ какъ названіе *епископъ странствующихъ христіанъ* было дано Аркадію только на время, по случайнымъ обстоятельствамъ. Въ другихъ письмахъ къ Кириллу, писанныхъ уже по возвращеніи изъ странствія, Аркадій снова спрашивалъ какъ ему слѣдуетъ называться, поставляя на видъ, что первоначальное его нареченіе теперь, когда странствіе кончилось, болѣе не имѣетъ уже смысла Такъ въ письмѣ отъ 26-го января 1856 г. онъ писалъ: „Теперь еще единого вопроту: титулъ мой странствующихъ христіанъ, и мы странствіе потерпѣли полтора года.... и я остаюсь уже въ своей обители; теперь осмѣливаюсь вамъ предложить: какое будетъ мое наименованіе? Во время произведенія моего въ сей санъ нѣкоторые отцы настаивали дать мнѣ наименованіе Журиловскимъ, и архіепископъ согласился, а потомъ переиначилъ на Странствующихъ. Теперь же и странствіе наше перемѣщается на старое жительство, а господинъ архіепископъ славской повелѣлъ по осѣдлости мѣста именоваться. За симъ и прошу ваше высокопреосвященство благословить мнѣ наименованіе, какое Господь вамъ вложитъ въ умъ вашъ.“ Этого благословенія однакоже Аркадій не получилъ и самъ началъ подписываться сперва епископомъ „возвратившимся изъ странствія“, а потомъ съ 1857 г. „смиреннымъ епископомъ славскаго архіепископскаго престола блюстителемъ и всѣхъ Некрасовцевъ екзархомъ“.

....Далѣе прописываете, что изъ Яссъ вамъ писали за нашихъ архипастырей должно быть вѣрно; а Паладій долженъ остаться на мѣстѣ. Намъ было извѣстно, какъ епископъ Алимпій съ Палад(іемъ) въѣхали въ Тулчу, и городъ атаковали безъ малѣйшаго сопротивленія.... и грабили турецкіе дома и лавки, и епископа Алимпія ограбили. И генералъ допрашивалъ его, и онъ разказалъ всю истину и родъ жизни, и былъ отпущенъ, дондеже взяты, какъ выше писано (взяты на Георгіевъ праздникъ). Трое прочіе попы и дьяконы скрываются; наши іеромонахи Ефросинъ и Іаковъ и діаконъ Георгій, каменской Василій, и вновь поставленный журиловскій діаконъ Симеонъ во священники и діаконъ журиловскій Сергій кроются по лѣсамъ и камышамъ.

Еще пишете, что Задунайцевъ гнали чрезъ Балту: Задунайцевъ еще не гнали, кромѣ только съ Камня погнали человѣкъ 20 за разныя грабежи и противозаконныя дѣла. Есть и добрые люди, но пострадали чрезъ дураковъ; дураки во время такихъ тревогъ разорили надъ Дунаемъ молдавской монастырь близъ Камня, ограбили утварь, а добрые люди вѣрно принимали отъ нихъ церковныя вещи, за сіе и пострадали. А если чрезъ Балту гнали, не иначе изъ Галацъ, Браила и прочихъ мѣстъ прописныхъ.

Отцу Павлу буди отъ насъ вѣчная память,—вси бо умремъ, цари же и князи. *

Далѣе спрашиваете, прибавляется ли наше стадо. Журиловскій почтенный старикъ Вавила Петровичь тогда собирался поѣдой (есть лодка морская, такъ именуется) и нагрузили на нее множество тяжестей, и прочіе меншими лодками, и хотѣли уже вмѣстѣ съ нами отправиться, но аки Лотова жена оглянулась на Журиловку, и всѣ единодушно возвратились вспять и выгрузились съ лодокъ. Сей Вавила Петровичь все свое имѣніе движимое и недвижимое оставилъ и малою лодкою съ сыномъ прибыли въ Царьградъ, оставя старуху, а сынъ семнадцатилѣтнюю жену, которымъ Агличане дивились, какъ отважились малою лодкою по Черномъ морю плавать (Агличане стоятъ и плаваютъ по морю пароходами и кораблями). Послѣ ихъ прибыли такою же лодкою два человѣка, одного жена съ дѣтіонкомъ съ нами вмѣстѣ бѣжала, а другой безженный; они намъ разказали всѣ обстоятельствы и всю подробность,—какъ наши отцы скорбятъ, какъ наши священницы кроются, какъ ихъ ищутъ, како міръ стонетъ и бѣжанію время миновало, ибо объявлено, кого поймаютъ, военнымъ судомъ судить, т.-е. растрѣлять. Отецъ Макарій многократно сбирался, но нѣтъ возможности. А что намъ разказовали, что за нами ѣхали прочіе, то быть все ложно, одна молва.

Выше написано: по замиреніи и по благополучіи можетъ и назадъ возвратимся. Еслибы насъ было много, то правительство навсегда

* Рѣчь идетъ о Павлѣ, основателѣ бѣлокриницкой іерархіи, скончавшемся 5-го мая 1854 г.

готово всю нашу просьбу исполнить, — и вотъ что̀ мы видимъ въ Царѣградѣ и чѣмъ пользуемся, извольте слушать: 1-е Въ Царѣградѣ слава Богу все благополучно, хлѣбъ не дорогъ, о военныхъ движеніяхъ писать не наше дѣло, а наше дѣло молить Господа Бога да миръ вселенной даруетъ.

Во время турецкаго праздника, называемаго Байрама, 14-го іюня былъ я и съ прочими въ числѣ зрителей на торжественномъ церемоніалѣ, когда султанъ ѣхалъ верхомъ къ Чимси (яже бысть иногда церковь святыхъ Апостолъ, въ ней же и соборы быша и Златоустъ служилъ). Весь его сиркулитъ съ нимъ, сенаторы и министры въ блестящемъ златомъ одѣяніи, гвардія шла, также мундиры, палеты, и все въ золотѣ, и въ киверахъ, со всею европейскою церемоніею. Мы стояли близь самыя церкве на площади. Чрезъ краткое время обратно ѣхалъ тѣмъ же порядкомъ съ крикомъ народнымъ и воздравленіями.

По прошествіи нѣкотораго времени правитель Турціи, садразанъ, т.-е. вторый по султану, потребовалъ насъ къ себѣ, меня и Гончарова, ради свиданія, и мы прибыли къ нему въ диванъ 22-го іюня. Говорилъ съ нами весьма ласково и пріятно и привѣтствовалъ, какъ бываетъ у высокихъ особъ, и спрашивалъ, хорото ли вамъ жить. Мы отвѣчали: слава Богу, хорото, благодаримъ вашу свѣтлость. Кончивши разговоръ, объявили ему,—сказалъ Гончаровъ: когда мы уѣзжали съ своего мѣста весьма поспѣшно, диспотъ * нашъ (указывая на меня) не успѣлъ взять тискаря, т.-е. паспорта, то вы намъ выдайте. Онъ ту минуту кликнулъ своего секретаря, приказалъ ему написать. Секретарь посмотрѣлъ на меня и пошелъ въ канцелярію. Сказалъ садразанъ, что чрезъ три дни получите. Мы пропустили болѣе недѣли. Гончаровъ поѣхалъ по дѣлу въ Царьградъ, прибылъ къ садразану, напомнилъ за бумагу. Садразанъ далъ ему говаза (sic) и приказалъ съ нимъ итить въ государственную канцелярію. Прибыли они туда къ царскому секретарю,—онъ тотчасъ и выдалъ; поблагодарилъ секретаря; возвратились къ садразану: онъ ее подписалъ, и печать приложилъ, и вручилъ Гончарову, а Гончаровъ доставилъ мнѣ. Это есть необыкновенная рѣдкость въ Царѣградѣ; Турки, не абы какіе, говорятъ: еслибы меня потребовалъ садразанъ, я бы умеръ.

Въ сію самую бытность Гончаровъ хлопоталъ за майнозскихъ ** тоже у садразана, и бывши недалече царскаго дворца, и шолъ улицею—видитъ, что и сдѣлалось нѣкое смятеніе, или движеніе въ народѣ, разсматриваетъ и видитъ, что ѣдетъ султанъ въ коляскѣ, съ правой стороны верхомъ садразанъ, а съ лѣвой зять султанской и

---

* То-есть господинъ, епископъ.

** Жителей Майноса (Банъ-Эвле), раскольничьяго селенія въ Малой Азіи, на южномъ берегу Мраморнаго моря.

сзади генералитетъ и гвардія. Гончаровъ по своему обычаю снялъ шапку, сталъ въ ряду съ народомъ и поклонился низко. Султанъ, смотря на него, заговорилъ съ садразаномъ по-французски. Остановили лошадей. Садразанъ кликнулъ Гончарова: онъ подошелъ ближе, поцѣловалъ коляску и сталъ. Султанъ говоритъ ему: „отуръ рогатень, отуръ рогатень, отуръ рогатень, то-есть будь спокоенъ, всѣ твои прошенiи уважаю“ и прочее.

Вы изволите писать, что и васъ обдержатъ недоумѣніе и опасность. Мы слава Богу по сіе число благополучны; если кому судба приведетъ, можно у насъ пробыть и милость имѣть предъ императоромъ; всѣ наши просбы исполняютъ съ удовольствіемъ,—еслибы потребовали землю, тотчасъ бы отвели. Если что̀ Богъ въ васъ устроитъ, или превратитъ вашу судбу, или найдется по нашей просбѣ духовникъ, подходящій настоящему предмету, то первѣе предварите насъ писмомъ, и мы выѣдемъ въ Царь-градъ, и будемъ ждать вашего парохода и пріимемъ васъ въ свою обитель. Богъ вѣсть, можетъ и Аѳанасій прибудетъ, — а онъ можетъ перенести путевые труды. Еслибы вы соблаговолили и отца Іоасафа, который отъ васъ въ Кятры выбылъ, приняли бы мы его за ваше благословеніе. Все возлагаемъ на волю Божію.

Выше прописано, что журиловскій дьяконъ Симеонъ, по выѣздѣ нашемъ и священника Даніила, поставленъ попомъ. Враждебники, или злые люди хотятъ предать его русскому начальству, а иные провожаютъ его къ намъ; равно и діякона молодаго, тоже послѣ насъ поставленнаго, ожидаемъ къ себѣ. Если отецъ Виталій въ (у) васъ, то скажите ему, что братъ его Пафнутій преставился 20-го декабря.

Майнозцы народъ дикой, но частію наклоняются къ намъ. * Помолитеся и вы о ихъ заблужденіяхъ. Померъ ихъ и христіанской ругатель, ихъ называемый попъ: сами говорятъ, что такого ругателя еще не было.

Я требую духовника, каковаго имѣть необходимо нужно, и откуда Богъ пришлетъ, не извѣстно. Да и Майнозу нужно послать епископа: отецъ Аѳанасій можетъ понести таковый трудъ,—онъ знаетъ сей народъ и нѣсколько турецкаго языка,—онъ способенъ. Но если его нѣтъ, можно и потерпѣть; или не имѣется ли инаго, способнаго на таковое дѣло и обще съ Божіею помощію потрудились бы о семъ народѣ.

Если не прибудетъ къ намъ изъ Журиловки діяконъ, что̀ первѣе сотворимъ: діякона безъ церкви становить, или церковь святить безъ діякона?

---

* Майнозскіе Некрасовцы долго не признавали бѣлокриницкой іерархіи и попрежнему держались бѣглопоповства: это Аркадій и имѣетъ въ виду здѣсь.

Мы ѣхавши Адріан(ополемъ), тамошняго паши чиновникъ, родомъ, Сербинъ, насъ вопросилъ о нѣкоторыхъ вещахъ, — о нашемъ обрядѣ, даже и до хиротоніи; и въ Царѣ градѣ мы часто встрѣваемся съ такими людми, которые много любопытствуютъ за нашъ обрядъ, и молва о насъ по Царюграду и по Турціи громко носится, да и въ патріархіи хотя еще не были, а Богъ вѣсть не придется ли быть, и въ такомъ случаѣ нужно иногда имѣть какой-нибудь видъ, если и не грамоту, но хотя какое малое свидѣтельство отъ своего митрополита и съ его печатью. Простите Господа ради что докучаю вамъ моими просьбами; буди воля Божія и ваше разсужденіе.

Если получите полное извѣстіе о нашихъ архипастырехъ, насъ увѣдомите. Изъ писма вашего видно, что вы имѣете готовые антимисы: благоволите прислать, ибо у насъ одинъ освященный, а другой не священъ, да и мощей гдѣ взять, Богъ вѣсть. Если возможна въ посылкѣ, или какъ иначе, то пришлите,—не потребуется ли и Майнозу....

Требующія вашего благословенія и святыхъ молитвъ

Божіею милостію смиренный епископъ Аркадій,
странствующихъ христіанъ.

1854 года іюля 12-го дня.
Константинополь, благополучно.

5. *Другое письмо Аркадія къ Кириллу, 1-го сентября 1856 г.*

Какъ уже извѣстно вамъ о архипастырехъ и при нихъ взятымъ священникѣ Ѳеодорѣ Тулчинскомъ, на коего было доказательство о фальшивыхъ полуимперіалахъ, онъ всячески изворачивался и на духу о томъ совершенно не сознался. Прошло два года ихъ заключенія и на его мѣсто готовится человѣкъ; а просьбы вообще объ нихъ посланы къ высшему начальству; теперь остается ожидать ихъ прибытія.

Сего лѣта мальчишки дурачилися на дворѣ Ѳедора и стали выдирать воробьиныя гнѣзда изъ подстрѣхъ и вытащили узелъ; развезали его и нашли въ немъ 14 или болѣе имперіаловъ русскихъ фальшивыхъ, показали своимъ родителямъ, а родители скрыли сіе злато съ чаяніемъ употребить его въ дѣло, пустить въ ходъ. Тѣми деньми тулчинское общество просили меня къ празднику Св. Троицы, и я по ихъ скудости исполнилъ ихъ просьбу, отказалъ каменскимъ праздникъ ихъ храма, а поѣхалъ въ Тулчу. Попечители храма объявили мнѣ о семъ происшествіи и просили изслѣдовать дѣло. Я началъ разыскивать. Старикъ сего семейства сознался, что сіи златницы въ (у) старшаго его сына. Я требовалъ сына на испытаніе, но онъ сталъ отъ меня уклоняться; а я уже готовился уѣзжать въ обитель,—только разсѣло—приходитъ подъ окно старшій сынъ и проситъ меня итить къ нимъ въ домъ дать молитву рожe-

ницы, а потомъ и крестить м(аденца). Я все исполнилъ и они вѣрно напужены рожденіемъ м(аденца) той часъ выдали мнѣ оныя монеты. Я ихъ получа, призвалъ попечителя и показалъ, и пошли съ нимъ на Дунай. Я ихъ пересчиталъ и далъ попечителю въ руки и онъ бросилъ ихъ въ Дунай.

Сіе дѣло, или сія находка многимъ была извѣстна и порокъ сей утвердился, что Ѳеодоръ есть дѣлатель златницъ. А какъ выше прописано, что мы ожидаемъ ихъ изъ плѣна и если Богъ ихъ возвратитъ на свои мѣста, что будемъ дѣлать съ Ѳеодоромъ? онъ будетъ по одному дѣлу исповѣдникъ, а по другому преступникъ; а и законы гражданскіе жестоко таковыхъ наказуютъ, и правилы святыхъ отецъ бракъ разрушаютъ: аще жена исповѣсть на мужа зломыслящаго на царя и прочее. О прошедшемъ уже поминать не лѣть есть, но сіе новое весьма будетъ препятствовать его священству и можетъ быти мятежъ болiи прежняго, ибо пороки прошедшіе забвенію предаются исправленіемъ жизни, а напоминаніемъ и поновленіемъ прошедшихъ грѣховъ и пороковъ злѣе являются и нетерпимы бываютъ.

Я доношу до свѣдѣнія В(ашего) В(ысоко) П(реосвященства); долженъ объявить и Архипастырю, аще возвратится на престолъ; а исполненіе лежитъ на главахъ рукоположенія и высочайшей власти.

Е. А.

6. *Прошеніе, поданное Алимпіемъ министру внутреннихъ дѣлъ въ Вѣнѣ. Марта 1858 г.* *

Высокое И. К. Министерство!

Подъ высокославнымъ правительствомъ достопамятнаго Его Величества Императора Іозифа 2-го на основаніи императорской привилегіи, данной въ Вiенѣ 9-го октября 1783 года, перемѣнили тогда на Черномъ морѣ обитающія наши старовѣрческія общества съ ихъ священствомъ ихъ обиталище съ находящимися отъ ихъ потомковъ въ Буковинѣ нынѣ обитающими въ Бѣлой-Криницѣ (Фонтина альба) подъ именемъ липованскія общества, существующія въ количествѣ болѣе 70 лѣтъ, всегда достойны показались всевысочайшаго покровительства, касательно исполненія ихъ религіозныхъ основаній. О справедливости же нашего всепресвѣтлѣйшаго Монарха, Его Императорскаго Королевскаго Апостолическаго Величества Франца Іозифа I-го и всевысочайшаго Его правленія твердо увѣрены, живемъ мы въ полной надеждѣ, что и въ настоящее время наше право непоколѣбимо будетъ, ибо мы не подали ни малѣйшей причины къ прекращенію того. А какъ теперь дѣло есть о томъ: хотятъ цѣлое наше существованіе въ вопросъ постановить, начиная колѣбать основаніе нашего религійнаго вѣроисповѣданія. Но мы старовѣрцы держимся съ непоколѣбимою постоянностію на нашихъ

* Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланный для Бѣлой-Криницы.

чрезъ столѣтія освященныхъ нравахъ и обычаяхъ твердыхъ, и каждая новость, если мы чувствуемъ разительныя совѣсти нашей препятствія, есть для насъ непреложная невозможность, и какъ каждое вѣроисповѣданіе, имѣетъ и наше однообразну церковну, однако у насъ также и народну, сторону; ибо наша религія есть съ народомъ въ одно срасчена, и поистинѣ есть церковный народъ: слѣдовательно что съ нашею религіею есть несогласно, то останется и съ нашимъ свѣтскимъ житіемъ несогласно. Наше религіозное увѣреніе было всегда отъ высокаго правительства уважаемо, и мы никогда ни малѣйшаго повода не подали, чтобы насъ къ отвѣтственности требовали. Рукодѣліе и молитва есть нашъ завѣтъ: вѣрность, покорность и приверженность къ всепресвѣтлѣйшему дому Габсбургскому есть наши подданническія добродѣтели.

Въ началѣ помянутая императорская привилегія, данная въ Віенѣ 9 го октября 1783 года, которая нашимъ предкамъ, по многочастномъ перемѣненіи ихъ жительства, отворила твердое мѣсто-прибѣжище въ Австріи, и исправила наши обстоятельства зависимости, а также и всевысочайшее рѣшеніе, данное 18-го сентября 1844 года, и наши статуты (монастырскій уставъ) отъ $^{6}/_{18}$ іюня 1841 года, которыя намъ, по заключительномъ приложеніи предстоящаго всевысочайшаго рѣшенія, къ сохраненію и управленію возвращены, образуютъ у насъ фундаментальныя основанія нашего существованія и нашего церковнаго и содружественнаго устроенія.

Не взирая на то, высокославное черновецкое мѣстное начальство поставляетъ къ исполненію дѣятельнаго требованія отъ насъ постановленныхъ пунктами, коихъ мы принять и выполнять не можемъ, какъ-то: веденіе метрики, щепленіе оспы, изысканіе начальственнаго позволенія къ супружеству и принятіе лѣкарскихъ свидѣтельствъ при смертныхъ случаяхъ и клятвенную присягу и другія политическія и полицейскія предписанія, объ которыхъ мы во время 70-лѣтняго нашего мирнаго и безпрепятственнаго обитанія въ Буковинѣ до нынѣ никогда не были такъ принуждаемыми. А теперь въ нашъ монастырь уже присланъ одинъ нарочито опредѣленный коммиссаръ и безъ всякаго уваженія нашихъ всевысочайшимъ патентомъ отъ 9-го октября 1783 года данныхъ намъ правъ отъ освященнаго его величества императора Іозифа 2-го своеручно подтвержденныя имъ привилегіи, совершенно безъ разсужденія нашихъ особыхъ обстоятельствъ и безъ малѣйшаго уваженія нашихъ религіозныхъ основаній, патріархальныхъ нравовъ и обычая, введеніе всѣхъ этихъ новостей наложить и производить усиливается. Прежде всего отзываемся мы на частопоминаемую всевысочайшую привилегію отъ 9-го октября 1783 года, которая, за исключеніемъ 20 годовъ платить имѣющихся податей, которыя всегда отъ насъ точно заплачиваемы бывали, ни о каковыхъ болѣе обязанностяхъ не поминаетъ; но еще болѣе изъявляется выраженіемъ императорское

милостивое увѣреніе, что *и дѣтямъ дѣтей нашихъ предковъ совершенное свободное исполненіе религіи позволено есть.* А совершенное исполненіе нашей религіи запрещаетъ принять что-либо новое и несогласное древнимъ святоотеческимъ преданіямъ. По какой причинѣ ни одинъ изъ нашихъ священниковъ на то не согласится—принять такую новость, вести метрики, которыя наша старовѣрческая церковь отъ предковъ древлеотеческаго преданія никогда и во употребленіи не имѣла. А притомъ ни одинъ изъ нашихъ священниковъ и нѣмецкаго языка не разумѣетъ, и потому не ищетъ наше духовенство никаковаго жалованья или денежной помощи отъ высокаго правительства, но успокоено есть изъ парохіальныхъ своихъ доходовъ. Впрочемъ можетъ достигать высокое правительство свою цѣль вмѣсто метрики чрезъ конскрипціи, которыя точнѣйшій взглядъ о рожденныхъ, бракосочетанныхъ и умершихъ подаютъ. Противъ щепленія оспы также имѣемъ мы чрезвычайную мерзость (страхъ); наши религійныя основанія запрещаютъ намъ из(вы)разительно: всякое смѣшеніе нашей крови съ скотскимъ веществомъ. Любовь къ порядку, чистота и частое строгое пощеніе удаляютъ отъ насъ всякую болѣзнь, и мы не имѣемъ къ этому примѣра между нашихъ 2.000 числомъ единовѣрныхъ, чтобы который отъ нашихъ въ случаѣ оспы умеръ. Мы также не пріемлемъ никакихъ лѣкарей, ибо мы съ одной стороны болѣзни, какъ испытаніе и временныя наказанія, свыше опредѣленныя разумѣемъ, а съ другой стороны исцѣленіе болѣзней не человѣческому искусству, но Оному имовѣрно разумѣемъ, котораго неизреченное имя насъ отъ тяжчайшей болѣзни—прародительнаго грѣха спасло, и коего неизслѣдимые совѣты всю нашу скорбь и радость управляютъ. Также не менше не позволяютъ правила нашей церкви дѣлать клятвенную присягу. Къ чему служитъ намъ приказаніе святаго Евангелія какъ только: „ей, ей,—ни, ни, а чемъ болѣе того клятися грѣхомъ есть возбранено“. Ни одинъ единовѣрный нашъ старовѣрецъ, который бы въ вѣрномъ доказательствѣ показанія: „Ей, ей,—ни, ни“, изрекше, могъ нѣкогда уличенъ быть въ противномъ. Потому вообще всѣ заведенія и устроенія, были бы онѣ политическаго или полицейскаго разряда, отъ которыхъ мы доселе свободны были, естьли оныя къ душевному нашему спасенію ненужны, и съ нашими церковными преданіями въ согласіе соединиться не могу тъ, таковыя есть для насъ неполезны и излишни. Потому мы всѣ прещенія (угрозы) опредѣленнаго г. коммиссара касательно введенія этихъ новостей, за ненарушеніе нашихъ правъ терпѣливно принять имѣли бы и увѣряемъ, что впредь мы, не имѣя никакого сопротивленія, ни мало противиться не будемъ, естли и самая, намъ въ видѣ показанная, войсковая экзекуція пріитить бы имѣла. Да, всевысочайшимъ патентомъ отъ 9-го октября 1783 года даетъ намъ освобожденіе отъ всякой воинской повинности и постоя, для чего, какъ

извѣстно, есть намъ одобреніе, будучи мы по нашей религіи ни противъ кого ополченіемъ подвигнутися не можемъ, но всегда въ мирѣ и согласіи остатся союзляемъ въ твердой надеждѣ, что всевысочайшая императорская привилегія, которая предковъ нашихъ опредѣлила ихъ обиталища перемѣнить, всегда уважена будетъ, и никто не будетъ насъ въ нашемъ совершенно свободномъ исполненіи религіи никогда впредь оскорбленіемъ тревожить. Вслѣдствіе вышепомянутаго всевысочайшаго рѣшенія 18-го сентября 1844 года, всемилостивѣйше намъ позволено одного верховнаго святителя имѣть, который бы могъ нашимъ иноkамъ высшее посвященіе подать и вмѣстѣ своего наслѣдника опредѣлить имѣлъ, который также бы опять до высвященія духовенства, какъ и до предназначенія и высвященія своего наслѣдника долженствовалъ. Естьли это всевысочайшее рѣшеніе для нашего существованія свою дѣятельность имѣло, то натурально не могло оно иначе гласить, какъ оно дѣйствительно гласитъ. Въ разсужденіи обстоятельства того, какъ это съ очень великими тягостьми и большими издержками связано было, одного изъ-заграницы верховнаго пастыря къ намъ привести, чтобы подобныя неудобства навсегда могли быть устранены—это можно только чрезъ то постигнуть, естли верховный пастырь своего наслѣдника, и сверхъ того одного намѣстника наименовать и опредѣлить бы его могъ. Но въ какомъ времени всѣ эти опредѣленія быть имѣютъ, въ всевысочайшемъ рѣшеніи не означено, а только свободное наименованіе и опредѣленіе какъ верховному пастырю, такъ и его наслѣднику вообще предоставлено. Потому могутъ какъ верховный пастырь, такъ и его наслѣдникъ, о принадлежащемъ имъ наименованіи и опредѣленіи, когда случится, опредѣленіе дѣлать; естли же еще разсудится, что по правиламъ восточной церкви, а также и западной церкви, ни кто въ высшее достоинство самъ себя произвесть не смѣетъ и не можетъ, отчего является сама по себѣ потребность, чтобы для безопасности утвердить наслѣдство верховнаго пастырства, необходимо три лица въ одно время епископское достоинство одѣвать должны, чтобъ на случай смерти верховнаго пастыря, его наслѣдникъ чрезъ нѣкотораго въ чинъ верховнаго пастыря произведенъ бы былъ. Вслѣдствіе того имѣемъ мы въ одно время одного верховнаго пастыря и его наслѣдника и одного намѣстника, что во всякомъ случаѣ согласно съ всевысочайшимъ рѣшеніемъ, равно какъ и съ основаніемъ дальнѣйшаго существованія нашего духовнаго содружества въ тѣснѣйшемъ союзѣ состоитъ. И при всемъ этомъ завидятъ намъ такую императорскую милость, хотятъ насъ опять въ отчаяніе привесть, которое бы намъ при существованіи только двухъ епископскихъ особъ необходимо послѣдовать имѣло. Наши епископы, которые строгую монастырскую жизнь ведутъ, чрезъ цѣлую ихъ жизнь только постятъ и молятся, и только отъ 4—6 часовъ въ зимнія ночи въ сну

покоя себѣ позволяютъ, и въ томъ же самомъ времени сверхъ церковной службы узаконенное келейное иноческое правило съ поклонами неотмѣнно исполняютъ, которое поклоненіе занимаетъ молитвеннаго время полтора часа, а въ прочемъ времени въ божественномъ писаніи упражняются, ни подаютъ міру ни малѣйшаго къ соблазну претыканія. Однако не только наши епископы, но и наши мужскій и женскій монастыри ихъ зазору подвержены, пока выразное позволеніе къ ихъ существованію не пришлется, по его опредѣленію должны быть заперты. По этому видно, что съ всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 18-го сентября 1844 года данное намъ всемилостивѣйшее утвержденіе нашъ въ Бѣлой Криницѣ отъ многихъ лѣтъ находящійся монастырь, опять въ вопросъ поставляется, хотя по правиламъ нашей религіи высшее священство только изъ иноковъ происходитъ и въ иноческомъ чинѣ остается, какъ и въдовствующіе священники ограниченно только монастырскую жизнь вести должны. Облеченіе же въ нашъ иноческій чинъ бываетъ по предварительномъ явномъ достоинствѣ со стороны священства и всего монастырскаго общебратства, и только по мѣрѣ потребности, а часто даже на смертномъ одрѣ. Увѣдомленіе же каждаго единственнаго только въ иноческій чинъ принятія къ высокому правительству, по нашему мнѣнію, показывается безъ всякой цѣли; ибо мы никакого вспомоществованія отъ высочайшаго Ерарiума не получаемъ, напротивъ каждое посвященіе епископа въ смыслѣ высочайшаго опредѣленія отъ 18-го сентября 1844 года правильно къ высокому мѣсту для увѣдомленія доносится. Также и нашъ женскій монастырь, который есть сильнѣйшее побужденіе къ вѣроисповѣданію, къ благонравію и цѣломудрію для женскаго пола нашихъ обществъ. Женское юношество пріемлетъ въ немъ наставленіе въ чтеніи, писаніи, шитьи, вышиваніи и руководствуются къ добродѣтели и нравственности подъ добросовѣстнымъ надзоромъ. Здѣсь находятъ убогія женскаго пола лица пристанище, безпомощныя и оставленныя сироты прибѣжище, старыя больныя и изувѣченныя надзоръ, и совершенно ведутъ сіи монархи Богу и человѣчеству посвященную жизнь. Но какъ высокое правительство взглядъ имѣетъ вообще на женскія монастыри на равномъ основаніи съ мужескими монастырями, и нашъ женскій монастырь одно существенную часть свободнаго исполненія религіи образуетъ, которыя какъ нашему священству такъ и женскому въ вѣроисповѣданіи содружеству обезпечено есть; то можемъ мы съ упованіемъ ожидать, что нашъ предизвѣстный мѣстному начальству отъ многихъ лѣтъ существующій женскій монастырь въ его благословно богатомъ дѣйствованіи не будетъ болѣе тревоженъ.

Покорнѣйшія старовѣрческія липованскія общества и бѣлокриницкіе иноки въ Буковинѣ, поелику они за благосостояніе ихъ всепресвѣтлѣйшаго государя императора усерднѣйше къ всевыш-

нему Богу молятся, дерзаютъ представить ихъ всепокорнѣйшее прошеніе: высокое императорское королевское министерство благоизволило бы изрѣщи, чтобъ въ Бѣлой Криницѣ существующіе мужескій и женскій монастыри въ ихъ существованіи непрепятствуемы были, и старовѣрческія общества отъ всякой новости касательно до ихъ домашнихъ и общественныхъ дѣлъ были бы уважены, и въ ихъ до нынѣ существовавшихъ устройствахъ и совершенно свободномъ исполненіи религіи непрепятствованными бы остались; также и онъ, въ Бѣлокриницкій монастырь для введенія этихъ новостей отъ высокаго мѣстнаго начальства опредѣленный коммиссаръ вмѣстѣ съ находящимися при немъ служителями назадъ отозванъ бы былъ.

Вѣна, 1 марта 1858 года.

Инокъ Олимпій Милорадовъ, уполномоченный Бѣлокриницкихъ монастырей мужскаго и женскаго, и старовѣрческихъ липованскихъ обществъ въ Буковинѣ.

7. Высочайше утвержденныя правила для Бѣлокриницкой митрополіи, сообщенныя Кириллу изъ областнаго черновицкаго управленія, 14-го января 1860 года, за № 3.208. *

Преосвященному Липованскому Верховному Святителю Г-ну Кириллу въ Бѣлой-Крыницѣ.

Его императорское корслевское апостольское величество постановило съ всевысочайшимъ рѣшеніемъ отъ 18 августа 1859 года о правилѣ церковнаго содержанія Липованов слѣдующія опредѣленія:

Я соизволилъ, чтобы поповскія Липоване въ Буковинѣ также впредь верховнаго пастыря имѣли, который да именуется Святителемъ, и еще при жизни своей имѣетъ намѣстника себѣ высвятить.

Для предпріятія сего посвященія получитъ позволеніе отъ Буковинскаго областнаго правленія, а для посвященнаго намѣстника подтвержденіе отъ министра духовныхъ дѣлъ.

Ни святитель, ни его намѣстникъ не смѣетъ безъ позволенія областнаго начальства за границу путь предпринять.

Ни единому отъ нихъ не дозволяется заграничныхъ на поповское или епископское достоинство произвесть.

Число лицъ, которое имѣетъ на священниковъ посвящаться, ограничивается на потребованіе здѣшнихъ обществъ.

Святитель имѣетъ къ назначенію сего числа позволеніе отъ областнаго начальника получить и тому также посвященныхъ объявлять.

Посвященный намѣстникъ имѣетъ при жизни святителя отъ всѣхъ епископскихъ дѣлъ воздержаться.

---

* Переводъ сдѣланный для Бѣлой-Криницы. Оригиналъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Каждое преступленіе сего предписанія соразмѣрно проступка наказается.

По обстоятельствамъ святителю, или того намѣстнику самое отправленіе епископской должности запрещается.

Иноческій мужескій и женскій монастырь въ Бѣлой-Крыницѣ имѣютъ позволеніе впредь пребывать, однако не смѣютъ ни въ одномъ чужестранцы быть приняты.

За каждое принятіе инока окружному правленію объявленіе доносить.

Надзоръ относительно инокинь предоставляется управленію послѣдняго.

То же самое относится также и на безпоповскихъ Липованъ монастыри.

Отъ сего въ основаніи изданія высокаго министерства духовныхъ дѣлъ отъ 30 августа 1859 года, подъ № 13.021-мъ сюда доставленнаго высочайшаго рѣшенія дается вашему преосвященству съ означеніемъ для точнѣйшаго исполненія во извѣстіе, что подъ свѣдѣніемъ сего правила церковнаго содержанія Липованъ и содержащихъ назначеній также увѣдомлено будетъ липованскимъ обществамъ чрезъ Серетское императорское королевское уѣздное начальство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ требуется отъ вашего преосвященства, дабы предложили чрезъ 8 дней сугубое (вдвое описаніе) именное показаніе всѣхъ теперь находящихся липованскихъ священниковъ, съ показаніемъ ихъ мѣста, притомъ равныя показаніи всѣхъ теперь находящихся иноковъ и инокинь.

Черновецъ 14 января 1860.

8. *Письмо Ѳомина къ Кириллу.*

Христосъ воскресе!

Высокопреосвященнѣйшій Владыко Бѣлокриницкій
Господинъ митрополитъ Кириллъ!

Прошу вашего мира и благословенія и святыхъ молитвъ. Честь имѣю увѣдомить васъ, что вчерашней почтой послано вамъ изъ числа оныхъ денегъ, что находются въ (у) Попова, * 500 пять сотъ червонцевъ австрійскихъ. Съ полученія покорнѣйше прошу увѣдомить.

Письмо ваше, въ коемъ копія съ императорскаго рѣшенія получилъ, ** за что чувствительно васъ благодарю. Очень хорошо, что

---

* Кіевскій корреспондентъ, къ которому посылались первоначально изъ Москвы деньги и посылки, и который потомъ уже пересылалъ ихъ Ѳомину для доставленія по принадлежности.

** Рѣчь идетъ о документѣ, напечатанномъ передъ симъ. Прежде, 24-го февраля, Ѳоминъ писалъ Кириллу, что до него дошли слухи о бумагѣ „полученной изъ Вѣны отъ Царя, и что ясскіе не ожида-

монастыри будутъ существовать: однако очень строгіе уложенія. Боже сохрани въ случаѣ чрезъ одного какого-нибудь самозванца можно пострадать. Но да сохранитъ отъ таковаго искушенія десница Всевышняго.

Извѣщаю васъ, что посѣщеніе г. Измаила г. архіепископомъ весьма возбѣсило измаильскую консисторію, которая тремя рапортами доноситъ разныя неистовыя клаузы къ ясскому митрополиту, и такъ заврались, что наконецъ и сами не знаютъ, что̀ пишутъ.

Въ двухъ рапортахъ пишутъ за прежніи дѣйствіи, какъ подъ именемъ липованскаго владыки пріѣзжалъ изъ-за Дуная какой-то Аркадій и какъ церковь освящалъ въ Вилковѣ, и прочіи служенія, что совершалъ.

Но въ третьемъ отъ 11-го февраля доноситъ, „что гражданское „начальство, вмѣсто чтобы прекратить всѣ дѣйствіи Липованамъ, „но оное еще больше дало разрѣшенія; исправникъ предписалъ „всѣмъ полиціямъ, гдѣ живутъ Липоване, и пограничнымъ капита„намъ, когда будетъ ѣхать архіерей липованскій, то чтобы встрѣ„тить его съ надлежащею честію, и по этому разрѣшенію прибылъ „изъ Турціи какой-то бродяга лживый подъ именемъ архіерея Ам„вросія (?) и его вриняли съ большою честію, который 7-го февра„ля служилъ въ одной церкви, а 10-го февраля въ другой и множе„ство народа собралъ въ церкви и на квартирѣ, и утверждалъ на„родъ, чтобы крѣпки были въ вѣрѣ и чтобъ прочихъ привлекали къ „себѣ, и для таковаго дѣйствія собрали множество денегъ и поло„жили въ церкви, чтобы легковѣрныхъ привлекать въ свою схизму, „и если что̀ коснется отъ начальства, то чтобы оными деньгами от„купиться, и таковое ихъ продерзаніе великій вредъ дѣлаетъ пра„вославной церкви, отъ чего сдѣлалось 90 молоканъ, 40 скопцовъ и „10 Липованъ. Вотъ какой вредъ дѣлаютъ въ новоопредѣленной ча„сти къ Молдавіи, въ которой всѣяли зловредную мысль! Вотъ пра„вительство какихъ зловредныхъ враговъ питаетъ въ своихъ нѣ„драхъ, которые всегда готовы начать зло, которые во время вой„ны Турокъ съ Русскими и Греками подымали противъ Россіи ру„ки болѣе чѣмъ Турки! Консисторія даетъ свое мнѣніе, покамѣсть „какъ будетъ рѣшено законами о сектахъ, теперь чтобы было на „ономъ положеніи, какъ Липоване находились подъ Россіею, а имен„но: 1) чтобы не дерзали принять откуда нибудь попа, или діякона „безъ разрѣшенія вашего высокопреосвященства епархіальна„го архіерея; 2) поповъ и діяконовъ, что они имѣютъ теперь, до„просить, отъ̀куда они, и если они не хиротонисаны законными

ютъ отъ этой бумаги ничего добраго для митрополіи: „Боже сохрани, какъ бы не уничтожили вовсе монастырь, ибо ни съ одной стороны нѣту, чтобы кто хорошева сказалъ, но всѣ аки львы рыкаютъ, ищуще всегда поглотити“. Вѣроятно, для устраненія этихъ опасеній Кириллъ и выслалъ Ѳомину копію съ императорскаго рѣшенія.

„архіереями, то чтобы не дерзали ходить въ ризѣ по улицѣ и совер„шать съ церемоніаломъ службы окромѣ липованской церкви; 3) что„бы запретить окончательно пріѣздъ въ Княжества бродягамъ не„извѣстнымъ, которые именуютъ себя архіереями липованскими; „4) чтобы запретить звонъ въ церквахъ и прочихъ молитвенныхъ „домахъ; 5) чтобы ни подъ какимъ видомъ не позволять постройку „церквей и починку таковыхъ, покамѣсть закономъ не рѣшится о „сектахъ. Въ такомъ положеніи консисторія проситъ Ваше Высо„копреосвященство представить на бумагѣ Его Высочеству Князю, „дабы прекратить схизму липованскую въ показанныхъ здѣсь мѣ„стахъ.“ Доздѣ изъ рапорта.

Это представлено въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и проситъ митрополитъ, чтобы принять скорѣйшія мѣры, запретить таковыя дѣйствіи; но получилъ отвѣтъ, „что теперь, по Парижской конвен„ціи всѣмъ вѣрамъ свободно, то министерство не можетъ запре„тить; но вы, если хотите, то представьте министерству церков„ныхъ имуществъ“.

Благодареніе Всевышнему, что гражданское начальство защищаетъ. Я полагаю, что митрополитъ получа таковый отвѣтъ, то еще болѣе огорчился и должно-быть представитъ о насъ еще болѣе клязъ въ общее собраніе, которое теперь есть въ Яссахъ для уложенія всѣхъ законовъ.

Мы 14-го апрѣля подали прошеніе въ министерство церковныхъ имуществъ, но еще отвѣту не получали. Сего дни подадимъ прошеніе въ Верховный Совѣтъ. Должны, кажется, и наше прошеніе представить общественному собранію.

Итакъ остаюсь на всегда вашъ слуга

В. Фоминъ. *

---

* Числа на письмѣ не поставлено; но по всему видно, что оно писано въ концѣ апрѣля 1860 г.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 003 441 023 9